

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

1
2018
ЯНВАРЬ •
ФЕВРАЛЬ •

Содержание

СТАТЬИ

<i>Шемякин А.Л.</i> (Москва). Новый тип исторического труда в контексте дискуссии о природе сербского радикализма	3
<i>Станков Н.Н.</i> (Москва). «Германский Октябрь» 1923 года и Чехословакия	18
<i>Животиц А.</i> (Белград). Югославно-советский конфликт и положение русской эмиграции в Югославии (1948–1953 годы).....	30
<i>Якименко О.А.</i> (Санкт-Петербург). Прошлое и настоящее венгерского театра в его взаимодействии с государством	43

СООБЩЕНИЯ

<i>Дронов А.М.</i> (Москва). От иллиризма к хорватизму в Австрийской империи первой половины XIX века	55
<i>Борисёнок М.Ю.</i> (Москва). Австромарксистская идеология Красной Вены и ее балканские отражения	70
<i>Михальченко С.И.</i> (Брянск). Лекционное турне С.Л. Франка по городам Латвии, Эстонии и Литвы в 1928 году	82
<i>Баринев И.И.</i> (Москва). Проблемы формирования гражданской нации в современной Болгарии....	88
<i>Будилова Л., Якоубек М.</i> (Прага). Войводово – очерк истории единственной чешской деревни в Болгарии	96
<i>Пилипенко Г.П., Ясинская М.В.</i> Экспедиция к словенцам в Италии	106

РЕЦЕНЗИИ

<i>Петрова Н.С.</i> Беларускі фальклор. Матэрыялы і даследаванні: Зборнік навуковых прац. Выпуск 4....	112
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Фролова М.М.</i> VII Никитинские чтения. Славяне в Москве: к 870-летию со дня основания г. Москвы	115
<i>Пилипенко Г.П.</i> Международная научная конференция XXII Славянские чтения	121

ЮБИЛЕИ

<i>Будагова Л.Н.</i> К юбилею Марины Геннадиевны Смольяниновой	123
--	-----

НЕКРОЛОГИ

Памяти Ларисы Семеновны Лыкошиной (1949–2017)	125
---	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
И.Е. АДЕЛЬГЕЙМ, М.М. ВАЛЕНЦОВА, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, А.А. ГИППИУС,
В.И. КОСИК, М.В. ЛЕСКИНЕН, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, В.Я. ПЕТРУХИН, А.С. СТЫКАЛИН,
Б.Н. ФЛОРЯ, О.В. ХАВАНОВА

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*

Адрес редакции: 119991 Москва, Ленинский пр-т, 32а

Телефон 8-495-938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) на русском и английском языках и ключевыми словами (5–7 слов).

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, электронную почту и контактный телефон.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© 2018 г. А. Л. ШЕМЯКИН

НОВЫЙ ТИП ИСТОРИЧЕСКОГО ТРУДА В КОНТЕКСТЕ ДИСКУССИИ О ПРИРОДЕ СЕРБСКОГО РАДИКАЛИЗМА

В статье на примере новой книги Латинки Перович анализируется инновационный алгоритм научного творчества, в рамках которого тесно переплетаются все его элементы: легитимный источник, подробная критика онога и обобщающий труд, ради которого он и публикуется. На данном фоне особенно заметна специфика «научного» подхода оппонентов Л. Перович, основанного на тиражировании старых и давно уже несостоятельных конструкций, сомнительных аналогий и даже фактических ошибок. Соответственно, участники «дискуссии» говорят на разных языках, а потому равный и взаимнополезный диалог между ними исключен.

On the example of Latinka Perović's book, the article analyses an innovative algorithm of scholarly work, which combines such elements: as a source itself, its detailed critique and a comprehensive volume as reason to publish the source. Against this methodology, one clearly sees the difference between the scholarly approach of Perović's and that of her opponents, who simply multiply their old-dated and vicious arguments, draw doubtful analogies and repeat factual mistakes. Consequently, the opponents use different languages, and therefore any equal and mutually profitable dialogue between them is impossible.

Ключевые слова: Латинка Перович, Милан Протич, Светозар Маркович, Никола Пашич, сербский социализм, Народная радикальная партия, историография.

Keywords: Latinka Perović, Milan Protić, Svetozar Marković, Nikola Pašić, Serbian Socialism, People's Radical Party, historiography.

«У сваком случају,
без проучавања народњачког социјализма у Русији,
и његовог одјека у Србији,
није могуће разумети ни развој у 20. веку.
Ни тамо, ни овде» [1. С. 8].

«Спорења у историографији нису честа.
А озбиљне критике су права реткост [...].
Историографска критика је замрла.
Без ње је историографија, као и свака
хуманистичка наука, осиромашена» [2. С. 10].

Новая книга видного сербского ученого, научного советника Института новейшей истории Сербии Латинки Перович «Русские идеи и сербские реплики» [3] оригинальна уже по своему жанру. Это не ставший давно привычным

Шемякин Андрей Леонидович – д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ (проект 17-01-00273а).

сборник авторских статей, объединенных общей тематикой, а совокупность вводных текстов (предисловий) к двум десяткам собраний источников, подготовленных и выпущенных ею в конце 1980-х – начале 2000-х годов. Казалось бы, введение к источникам – какой оно вообще может иметь научно-практический смысл, должно решать скорее задачи камерно-справочного свойства: представить автора, охарактеризовать материалы, очертить культурно-исторический фон их появления на свет? Исследовательская работа с ними, как правило, ведется уже на следующем этапе и иными людьми.

Все, в основном, так и было – до недавнего времени!..

Уже много лет, во время наших, по счастью, довольно частых, встреч и разговоров, я предлагал Л. Перович собрать все свои самые важные «введения» и выпустить их отдельным изданием, подчеркивая несомненную нужность такого шага для историографии. Но почему, и в чем причина этого предложения?

В течение долгого времени – почти три десятка лет! – плодотворно сотрудничая с ней в синхронном изучении схожих проблем из истории общественных движений России и Сербии второй половины XIX – начала XX в. (прежде всего, русского народничества и «старого» сербского радикализма), я имел возможность ознакомиться практически со всем богатейшим научным корпусом исследовательницы, включая статьи, монографии и выпуски источников. В результате он «выстроился» в моем восприятии как единая, т.е. без лагун и изъянов, логичная цепь публикаций и трудов в их континуитете и развитии, причем каждое последующее произведение исходило из предыдущего, органично его продолжая. Столь последовательный и соподчиненный по целям и задачам (через решение ряда локальных для подступа к главной) алгоритм научного поиска, как и «сквозной» (т.е. постоянно прирастающий новым знанием) характер его результатов, обусловили тесное переплетение всех трех элементов данного алгоритма – *легитимный* источник, его всестороннее объяснение (критика) и обобщающий труд, ради которого он, собственно говоря, целенаправленно и печатался.

В таком «треугольнике», связывая исходный материал с будущей «*синтезой*», предисловие к нему объективно оказывалось промежуточной *аналитической* ступенью – своего рода площадкой для первичного осмысления темы (или отдельного ее сегмента) и формулирования концепции. Поэтому у Л. Перович оно никогда и не выступает в виде чисто информационного очерка, становясь почти всегда студией или даже микромонографией, а кое-где настолько солидным по объему сочинением, что оно вполне сопоставимо с целой книгой, как, например, вводный текст к «Избранным трудам» Миты Ценича, насчитывающий 180 страниц [4. С. 9–189]. И потому уже на этой стадии нередко звучат значительные выводы – так, во введении к мемуарам Перы Тодоровича «Кровавый год» читаем: «Идеология Радикальной партии в 1881 г. не являлась идеологией торговой или промышленной буржуазии. Это народническая доктрина; ее социальный стержень – эгалитаризм» [5. С. 31]. Или еще – там же: «Характер Радикальной партии невозможно определить путем анализа одной лишь ее программы» [5. С. 27]. Примеров подобных «чеканных формул» из статей, предпосланных источникам, можно привести немало. Чего стоит хотя бы мысль, вынесенная в эпиграф!

В Postscriptum к нынешней книге Л. Перович замечает, что «не стремилась создать “модель” предисловия. Но если так получилось, как полагает Андрей Шемякин, то это было спонтанно» [3. С. 425]. Конечно, о какой-то сознательно сконструированной «модели» речь не идет. Но она действительно

существует, возникнув, как было сказано, объективно, исходя из четкой логики самого «триединого» подхода ко всякой проблеме (источник — его аналитическая интерпретация — синтез), являющегося главным принципом ее научного творчества. Так что, в данном случае история в каком-то смысле победила историка, сформировав вполне устойчивый «промежуточный» жанр, что, впрочем, отчасти признает и сама исследовательница: «Форму и содержание предисловий определяли исторические источники» [3. С. 427].

В целом же, по моему мнению, модель их публикации, предложенная Л. Перович, соединившая в себе издание документов и исследование, разрушило стереотипность исторических работ и явило собой новый тип исторического труда. Что, увы, оказалось не замеченным сербской гуманитарной наукой, которая вообще слишком мало внимания уделяет истории историографии («У нас еще нет серьезной монографии, посвященной развитию сербской историографии», — отметил Радош Люшич [2. С. 30]), и особенно — специфике и развитию ее жанров. Тем более, что создательница «нового типа исторического труда» продолжает его совершенствовать, примером чего может служить ее новейшая книга «Доминирующая и нежелательная элита» [6].

Наиболее ярко, на мой взгляд, трехуровневый метод познания проявился при изучении Л. Перович истории сербского социалистического движения. Первые два тома ее «Сербских социалистов XIX века» вышли в 1985 г. [7], заложив прочный фундамент третьего и, мне думается, важнейшего. Тщательное изучение исходных социалистических идей, зародившихся в Западной Европе, процесса и обстоятельств их переноса на сербскую почву, а также того, как на протяжении десятилетий квалифицировали доморожденных адептов социализма сербские (югославские) историки и как со временем менялись эти оценки, позволили исследовательнице сделать принципиальный вывод: «Почти 30-летний период, от смерти Светозара Марковича до создания Сербской социал-демократической партии (1875–1903) являлся некоей лакуной. Причины того не объяснялись» [8. С. 427; 9. С. 3]. Вот он-то и стал для нее главным вызовом!

Над третьим томом Л. Перович работала десять лет, идя практически по целине. Он опубликован в 1995 г. [10]. Но перед тем (дабы фундаментально подкрепить попытку вырваться из пут официозной концепции о «предательстве» наследниками С. Марковича идей учителя при организации ими Народной радикальной партии (НРП) в 1881 г.) она выпустила пять (!) томов источников — сборник текстов «Запланированная революция» [11], «Избранные труды» М. Ценича, воспоминания П. Тодоровича, «Письма, статьи и речи» Николы Пашича [12] и, наконец, «Сербско-русские революционные связи» [1], включающих оригинальные документы и первые ее обобщающие статьи по теме. Промежуточный финиш был воистину впечатляющ. Именно здесь, в предисловиях к скрупулезно отобранному материалу, словно в тигле, отливались точеные формулировки и оценки, вошедшие затем в третий том «Сербских социалистов». Как, например, центральное положение автора: «Народнический социализм не являлся утопией — он был вполне реальным явлением в патриархальном обществе на этапе его перехода в современное. Эта идеология в момент возникновения имела огромное влияние в балканских землях. И уже в силу того, что сербский народ был единственным, имевшим свое национальное государство, в Сербии она получила наибольшее развитие, вплоть до создания некоей целостной системы, которая имела неизмеримо большее влияние на общественную историю Сербии, чем можно было бы себе представить, или чем

это признается» [9. С. 33; 13. С. 28]. В этом значение ее предисловий, отсюда — и мое страстное желание увидеть их под единой обложкой.

Поэтому я и твердил постоянно о необходимости публикации всего комплекса вводных текстов, несущих, как уже говорилось, богатую смысловую нагрузку и обладающих мощным информационно-аналитическим зарядом. Собранные вместе, они, кроме исследовательской пользы, способны принести еще и прикладную, как ценное пособие (и одновременно «мастер-класс») для студентов и аспирантов — данный мотив совершенно справедливо озвучила Дубравка Стоянович [3. С. 428]. Но и это не все!.. Столь насыщенная и собранная «под одной крышей» совокупность четко акцентированных и *аутентичных* аргументов будет, хотелось бы верить, небезынтесна и тем авторам, кто, несмотря на постоянно растущий монографическо-публикаторский корпус Л. Перович и ее коллег, продолжает «гнуть свою линию» об исключительно европейском характере, а главное — происхождении НРП. Вот уж действительно (по ее же словам) «у нас, кажется, больше пишут, чем читают» [14. С. 307]. Прошло ровно четверть века с момента их произнесения, а воз и ныне там. Почему? О том будет сказано ниже. Может, с выходом этой книги что-то изменится?..

Подобный метод исследования Л. Перович имеет и немалый потенциал иного рода, который я ощутил на себе самым благотворным образом. Вспоминается, как в начале 2000-х годов я, привыкнув всегда консультироваться с нею, просил ее совета при подготовке первого тома антологии «Русские о Сербии и сербах» [15], совсем не ведая тогда, куда вообще заведет меня этот замысел. И моя собеседница настоятельно рекомендовала не только представить читателю обнаруженные свидетельства очевидцев в соответствующей вводной справке, но и, непременно, осмыслить их в целом, хотя бы на первичном уровне. Что и было мною с благодарностью воспринято и осуществлено — в конце тома помещена монографическая студия-заключение [15. Т. I. С. 629–680]. Исследовательский плацдарм был, таким образом, создан, что только развернуло замысел, превратившийся в гармоничную «триаду»: спустя несколько лет вышел второй том с такой же объемной статьей [15. Т. II. С. 551–627], а ныне готовится третий — сочинения известного русского слависта П.А. Ровинского о Сербии¹ (кстати говоря, его личность и труды сербскому читателю также открыла Латинка Перович (см. [1; 17–18]), особо подчеркнув: «Трудно найти иностранного автора, писавшего о Сербии во второй половине XIX в., который не только лучше Ровинского разбирался бы в менталитете сербского народа, но и вообще писал о нем» [18. S. 163]).

Но вернемся к идее «единой обложки».

Желание ее реализации, т.е. выхода сборника предисловий, подпитывалось и с другой стороны. Большинство их, как и те материалы, для которых они предназначены, посвящены (принадлежат) конкретным историческим лицам — вместо абстрактных масс перед читателем предстают Пера Тодорович, Мита Ценич, Никола Пашич... Автор сама объясняет причины такой персонализации: «Некоторые личности, по причине крайне выборочного подхода к истории, были почти забыты; другие же, из-за несолидности исторических источников о них, трактовались весьма противоречиво» [3. С. 429]. В итоге, именно ее трудами те же Ценич и Тодорович как бы заново открылись миру;

¹ Опираясь на метод Л. Перович, мною уже проведена первоначальная экспертиза, обнаружившая значительную информационную емкость трудов Ровинского, как и высокую степень их достоверности (см.: [16]).

политический талант Пашича «заиграл» свежими идейными гранями, а «контрадикции» оказались во многом надуманными, — мало найдется людей более последовательных, чем он, обладавших таким неистовым стремлением к цели и неагрессивным, но стойким фанатизмом. Преодолев с помощью новых источников былую идеологическую заданность черно-белых подходов к героям (радикального, монархического, коммунистического), где удел одних — клевета и забвение, а других — глорификация сверх всякой меры, Л. Перович смогла поставить каждого из них на подобающее место.

Так, Н. Пашич после обретения Сербией независимости в 1878 г. — это глава могучей *легально-народнической* партии, опиравшейся на традиции П.Л. Лаврова (не зря тот был «самым переводимым революционным мыслителем, публиковавшимся в сербских социалистических изданиях, и единственным, кто специально писал для них» [19. С. 57]); а М. Ценич — носитель иной, *социально-революционной*, тенденции в русском подпольном движении, олицетворяемой С.Г. Нечаевым, которая, что важно, проявилась еще при жизни С. Марковича. И оказалось, что «предателей» идей последнего, с одной стороны, и верных марковичевцев — с другой, никогда не было!.. В новых условиях сербский социализм действительно эволюционировал, но не отрекся от своих принципов, главным из которых всегда оставалось «сохранение сербского народа как единой и цельной общности в социальном и национальном смысле» [10. С. 90]. И, соответственно, господствовавшая ранее упрощенная схема, в рамках которой, по утверждению самой Л. Перович, «всякая эволюция социалистического движения считалась предательством идей социализма либо вообще преподносилась как его конец» [10. С. 52], была в ее работах (введениях к источникам) убедительно опровергнута.

Ну, а П. Тодорович, бывший когда-то самым яростным «апостолом» радикализма в Сербии, стал партийным «диссидентом», примкнув к династии Обреновичей, — но не «иудой» и «наемником», как обвиняли соратники (не считая нужным даже писать его имя с заглавной буквы), а человеком, сохранившим свое достоинство. Творец новой сербской журналистики и в то же время разочарованный наблюдатель, но обладавший зорким оком, воистину золотым пером и даром предвидения. Прекрасный политический хроникер и диагност! Без знакомства с его периодическим изданием «Огледало» («Зеркало»), подготовленным к печати Л. Перович [20], невозможно себе представить культурно-политический ландшафт (и колорит) Белграда и Сербии конца XIX — начала XX в. По судьбе он также имел русского «двойника», став «репликой» знаменитого Льва Тихомирова.

Кстати, насчет Перы Тодоровича (но это уже из области научного гурманства) — в 1983 г. Л. Перович опубликовала первую книгу, напрямую касающуюся сербского социалистического движения, — биографию П. Тодоровича [21]. Затем, до начала 2000-х годов последовало пять (!) томов связанных с ним источников, сопровождаемых обширными предисловиями и комментариями [20; 22]. Если исходить из алгоритма создания «Сербских социалистов», то складывается впечатление (сформулирую его в виде метафоры), будто строители, заложив фундамент и подведя уже стены под кровлю, внезапно «забастовали». Естественно, что, имея в виду время, прошедшее с выхода книги, как и объем обретенного с тех пор нового знания, хочется увидеть второе ее издание, расширенное и дополненное — ту самую недостающую «крышу». Но это к слову...

Кроме сербских персонажей, Л. Перович представляет своему читателю интерпретированные ею в национальном контексте сочинения русских социальных

мыслителей (А.И. Герцена, М.А. Бакунина, П.Л. Лаврова, П.А. Кропоткина). С одной стороны, — это памятники европейской общественно-политической мысли, с другой же, данные авторы — идейные и моральные авторитеты для левых сербов. От Светозара Марковича до Владимира Гачиновича. Их идеологическая матрица; своего рода, идейный магнит, что исследовательница раскрывает детально и педантично, открывая степень влияния каждого из русских социалистов на сербских последователей — концептуального, организационного и т.д. Именно здесь, на мой взгляд, раз и навсегда закрывается проблема истоков и корней социалистического (а равно и радикального) движения в Сербии — познание огромного пласта российской (советской) исторической литературы и овладение первичными источниками русского же происхождения позволили Л. Перович провести корректные историко-идеологические параллели и аналогии², имея в виду близость стадий развития обоих государств и социальной структуры в каждом из них; схожесть культурно-цивилизационных особенностей народов и т.д.

Вот только другие авторы о той же проблеме размышляют иначе. «Давно идут споры об идеологической природе Народной радикальной партии, — констатирует Милан Протич. — Историки ломают копья в желании разгадать суть радикализма в Сербии» [24. С. 275]. Действительно, когда речь идет о «сути радикализма», они разделились на два лагеря.

С одной стороны, считается (вспомним определение Л. Перович), что «идеология Сербской радикальной партии — это народническая доктрина». И, соответственно, «хотя партия и не называла себя социалистической, но, имея в виду ее программу и организацию, нельзя никак утверждать, что ее создатели порвали с идеями С. Марковича» [4. С. 65]. С другой же, — сложилось мнение, будто «Сербская радикальная партия принадлежала к великой семье европейского радикализма» [25. С. 86]. И что ее идейные корни, в основе своей, восходят к европейской (прежде всего — французской) политической традиции [26. С. 18]. В рамках данной концепции, важнейшим пунктом является вопрос о том, когда «юношеское увлечение идеями русского социализма» [27. С. 178] завершилось. Или, выражаясь словами Дж. Раденковича, когда «социалистическая литература была задвинута на заднюю полку, как сентиментальное напоминание о прошлом» [28. С. 203]? Сам автор полагал, что уже в начале 1880-х годов [28. С. 123]. Впрочем, как и другие, «в 1881 г. радикалы отрекаются от социалистического учения Светозара Марковича» [29. С. 47–48].

И вот здесь бы хотелось акцентировать внимание на том — как сторонники теории о «европейской» природе сербского радикализма аргументируют свою позицию. В первую очередь скажу о работах М. Протича, которые, будучи обращены непосредственно к идеологии НРП, являются своеобразным рупором тех, кто считает сербских радикалов продолжателями западной идейной традиции.

Первое. Они признают, что «вопрос (об идейной природе НРП. — А.Ш.) снова открыт». Понятно, что до признания дошло после публикации трудов Л. Перович в первой половине 1990-х годов. Но если так, было бы логично усилить собственную точку зрения, сделать ее более убедительной, подкрепив новыми источниками и свежими трактовками. Чего, однако, не произошло: «В связи с появлением *ненужных* сомнений (в верности их проевропейской концепции; эпитет-то выбран какой! — А.Ш.) есть необходимость еще раз воспроизвести

² Одна из последних по времени ее работ так и называется «Сербско-русские исторические аналогии» (см. [23]).

основные доказательства» [24. С. 275] в ее пользу. Как просто – повторим еще раз, и, выражаясь слогом А.С. Грибоедова, «сомненья прочь, и спала пелена!». И далее *слово в слово* повторяются пассажи из ранних текстов, несмотря на то, что уже не единожды выходили работы с их обоснованной критикой.

Второе. В желании доказать свою правоту исследователи-«европеисты» апеллируют к авторитету старой историографии, которая «практически единогласна во мнении, что сербские радикалы начинали как последователи социалистического учения Светозара Марковича, но весьма скоро отделились от его социализма и постепенно приняли идеи британской парламентской теории и французского радикализма». Этот вывод подтверждает и «анализ аутентичных британских и французских источников» [24. С. 275], каковые, собственно, и являются главным свидетельством в пользу тезиса о прозападном идейном определении партии Николы Пашича. При этом не используется ни один (!) русский источник!

Третье. Из сербских источников для сравнения берется единственный документ – официальная программа НРП от 8 января 1881 г., которая, следовательно, предстает в виде краеугольного камня идеологии радикалов, а потому «представляется вполне оправданным искать влияние французских радикалов на сербских тезок в сопоставлении политических программ двух движений». После такого «сопоставления» и следует вывод, что «схожесть политических программ сербских и французских радикалов – бесспорна». И, наконец, резюме: «Совершенно ясно, что радикальное движение в Сербии находилось под непосредственным влиянием политических идей французского радикализма. И более того, идейная основа французского радикального движения – это важнейший источник идеологии Сербской радикальной партии» [26. С. 70, 73, 76; 30. С. 149–150; 31. Р. 134; 32. Р. 62, 67–71].

Увы, такой подход к дискуссии оставляет без ответа слишком много серьезных вопросов, чтобы считать его вполне убедительным. И в этой связи позволю себе всего несколько замечаний.

Во-первых, апелляция к старым авторам, «единогласным» в отношении к сербским радикалам, которые «весьма скоро отделились от социализма», превращает сложный процесс идейной эволюции в застывшую схему, о которой уже говорилось. Кроме того, и со старыми авторами все не так просто. К примеру, Др. Янкович, который больше других занимался историей политических партий (особенно радикалами) и который ранее действительно говорил об их социалистическом ренегатстве («партия, которая быстро обнаружила себя как организация, защищающая буржуазный порядок и буржуазные институты» [33. С. 227]), в последней работе пришел к иному выводу: радикалы «не были тогда буржуазной партией, но, напротив, антибуржуазной, повернутой лицом к народу, прежде всего – к крестьянству, и при этом с немалым зарядом социализма в своей идеологии» [34. С. 361]. Тот факт, что маститый ученый подверг пересмотру прежние взгляды, говорит о многом и, без сомнения, заслуживает внимания.

Во-вторых. Анализ французских источников, конечно, значим сам по себе, но встает вопрос – как может только он один аргументировать заключение о решающем влиянии французских радикалов на их сербских коллег? И это при том, что, как пишет тот же Протич, «почти невозможно вскрыть точные каналы, по которым идеи французского радикализма доходили до вождей Народной радикальной партии» [24. С. 275]. Если предположить, что этот «канал влияния» шел через Перу Тодоровича, который возвратился в Белград из Парижа в самом

конце 1880 г. (а именно он трактуется как «первый идеолог» Радикальной партии [30. С. 147]), следует иметь в виду, что на родину он приехал после эмиграции, когда почва для конституирования партии в самой стране была уже подготовлена. Подготовил ее — и идейно, и организационно — Н. Пашич, о чем уже подробно писалось (см. [35]). Тем более что и вернулся-то в Сербию П. Тодорович отнюдь не адептом французского радикализма. Но напротив, «будучи изолированным в течение нескольких лет от политики, он, из всех последователей Светозара Марковича, сохранил в себе более всего из его доктрины» [36. С. 150]. Потому и представляется столь логичным сообщение австрийских военных властей из Земуна, согласно которому, «в редакции “Самоуправы” произошел конфликт между Пашичем и Тодоровичем по вопросу политической линии газеты. Тодорович хотел бы придерживаться социалистического направления, на что Пашич не соглашался. Сейчас страсти улеглись, ибо Тодорович пошел на попятную после того, как Пашич пригрозил выходом из редакции и заявил, что он вынужден будет основать новый печатный орган, что привело бы “Самоуправу” к краху» (цит. по [37. С. 423]).

В-третьих. Что касается программы сербских радикалов от 8 января 1881 г. — этого *единственного* документа, который сравнивается с французскими источниками и якобы имеет с ними «бесспорную схожесть», то Н. Пашич в том же году озвучил обстоятельства его принятия: «На скорую руку мы составили программу Радикальной партии [...]. В нее до созыва Великой народной скупщины мы сознательно не включили требований новых реформ [...]. Тем самым мы хотели избежать всего, что могло бы дать хоть малейший повод к расколу (между парламентскими фракциями радикалов и младоконсерваторов. — *А.Ш.*)» [12. С. 102]. Очевидно, что *такая* программа никак не может считаться ядром «чистой» радикальной доктрины — тем более, что и сами авторы документа подчеркивали: «Нашу программу мы будем постоянно пересматривать и дополнять во время ежегодных сессий скупщины» [38. С. 104]. М. Протич не счел нужным обратить внимание на такую «мелочь». Современник же (видный русский славист П.А. Кулаковский — в 1878–1882 гг. профессор русского языка и литературы в Великой школе) обратил: «Радикальная партия объявила, что она всякий раз перед скупщиной будет пересматривать, по мере надобности, и изменять свою программу. Отсюда порождается вопрос: где же определенная цель, к которой следует стремиться?». А ее нет: «Радикалы не указывают предела своих стремлений и желаний» [15. Т. II. С. 114]. Что и требовалось доказать... Другие источники, о которых с гораздо большим основанием можно говорить, что они носят идеологический характер (партийный Устав, или проект конституции, разработанный в 1883 г., выражавший «радикальную идею в чистом виде» и представлявший собой «программу партии, реализованную в виде правового акта» [39. С. 202]), остались, увы, на обочине исследовательского интереса³, что никак не усиливает тезис о «решающем влиянии» французов. Совсем наоборот.

³ Из трудов коллеги М. Протича мы узнаем лишь то, что «в свете идеологической эволюции радикалов, их проект 1883 г. стоял на полпути между радикально-социалистическим прошлым и парламентско-демократическим будущим». Несмотря на всю внешнюю «броскость», предложенная дефиниция мало что объясняет по сути. Более того, автор утверждает, что «проект 1883 г. — это нагляднейший пример разнообразия и пестроты источников идеологии сербского радикализма. Однако, как в своей социально-революционной, так и в радикально-демократической теории и практике, радикалы были поклонниками западной политической традиции» [32. Р. 86]. Вряд ли с такой оценкой можно согласиться!

В историографии об этом уже сказано, причем весьма авторитетными учеными: «Проблема непосредственных связей и влияний, в отличие от косвенных, да и то взятых слишком общо, осталась неизученной» [40. С. 352]. И еще: «Некоторые исследователи полагают, будто французский радикализм (и прежде всего Бельвилльская программа Гамбетты) серьезно повлиял на сербский. Но, судя по всему, для таких заявлений нет исторических данных, а единственным аргументом остается аналогия. Однако и с ней есть проблема, ибо сербский радикализм в значительной мере отличался от французского» [41. S. 195].

И, наконец, последнее. Вполне понятно, что дискуссия не может вестись одним лишь повторением старых «истин», которые М. Протич активно тиражирует и сейчас⁴. В нее должно вноситься что-то новое, и лучше всего, когда это — новые источники. Однако к категории их «добытчиков», что со всей очевидностью следует из сказанного, он явно не относится...

В ответ на такое «понимание» дискуссии предоставляю слово для суждения об идейной природе сербского радикализма *лично* Николе Пашичу. В 1895 г., в беседе с известным русским педагогом Е.Л. Марковым, он особо подчеркнул: «Нашу Радикальную партию нельзя смешивать с тем, что называется этим именем во французском парламенте; появилась она у нас со Светозаром Марковичем, другом ваших Чернышевского и Добролюбова, под непосредственным влиянием идей, господствовавших в России в шестидесятых годах». При этом «Маркович проповедовал только необходимость сербской общины на манер русской, чтобы не развивался у нас пролетариат, чтобы Сербии не идти в этом отношении по следам Европы. И община у нас живет до сих пор: каждое селение имеет, помимо подворных участков, общинную землю для будущих членов своих и для общественных нужд. Об этом радикалы особенно хлопотали. Можно смело сказать, что весь сербский народ — за радикалов» [42. С. 99–109].

Таким образом, Пашич сам и предельно ясно ответил на вопрос, вокруг которого якобы «ломаются копыя», дезавуировав всякий намек на французскую идейную природу его партии.

Оценивая это поистине знаковое заявление, Ясмينا Миланович заключает: «Тем самым и, что называется, из первых рук, опровергается теория, выдвинутая Миланом Протичем [...], согласно которой образование Сербской радикальной партии, а равно ее организация и программа, рассматриваются как результат непосредственного влияния французских радикалов» [43. С. 138]. К тому же, добавлю от себя, оно сводит на нет и содержащиеся в новейшей коллективной монографии сербских коллег «Сербия в 1903–1914 гг. История идей» утверждения, будто бы «сербские радикалы суть левое крыло либерализма»⁵, или дублирующее Д. Батаковича и М. Протича — «сербский радикализм есть не что иное, как составная часть одноименного европейского явления, что не случайно, ибо период конца XIX — начала XX в. во всей Европе представлялся современникам “золотым временем радикализма”» [44. С. 11, 14]. И далее, в том же духе: «Сербские радикалы являлись только побегом на мощном стволе европейского радикализма» [44. С. 156]. И наконец, что вполне логично: «Появление Народной радикальной

⁴ См. его работы, вышедшие уже в этом веке, и ср. их с сочинениями 1990-х годов [31–32; 41].

⁵ Неудивительно поэтому, что в списке циркулировавших в 1903–1914 гг. в Сербии *политических* идей, составленном авторами монографии, радикализм как таковой отсутствует. Зато в нем присутствует... феминизм!?

партии, определявшей историю Сербии до самого 1914 г., не являлось никакой чисто сербской или русско-народнической аномалией, как полагают некоторые сербские историки» [44. С. 179], с которыми (здесь имеются в виду Л. Перович, О. Попович-Обрадович, Д. Стоянович) я вполне солидарен.

Ведь озвученная в разговоре с русским гостем позиция Пашича лишь подтвердила давнюю мысль Л. Перович: «Радикальная партия выросла из социалистического движения, [...] которое утвердило идеологию неповторения западно-европейского пути — по определению антикапиталистическую и *антилиберальную* (выделено мной. — *А.Ш.*)» [45. С. 20]. Тем самым вождь сербских радикалов сам выбивает почву из-под ног тех, кто относит их к числу «левых либералов», как авторы «Сербов в 1903–1914 гг.», или еще шире — к «либеральным политическим партиям» вообще, как Никола Жутич [29. С. 41, 47–48].

И еще, относительно «дискуссии». Как известно, *характер* партии определяется совокупностью двух лежащих в основе ее существования субстанций — *идеологии* и *организации*. При этом вторая всегда определяется и органично вытекает из первой.

Сторонники концепции о французском влиянии на сербских радикалов подчеркивают, что оно проявилось не только в программе, но и в организации партии: «В течение восьмого десятилетия XIX в. французский радикализм оказал на Сербскую радикальную партию самое глубокое воздействие, которое выразилось в двух формах — в виде политической программы и организации движения» [26. С. 59; 32. Р. 104].

Говоря о гипотетическом французском влиянии, современник Н. Пашича, его друг и биограф, итальянский граф Карло Сфорца вспоминал: «В бытность мою во Франции я имел возможность изучить организацию Французской радикальной партии, о которой тамошние консерваторы говорили, что именно она является хозяйкой страны. Так вот, организация французских радикалов — это детская игра по сравнению с организацией старой Сербской радикальной партии» [46. С. 52]. Очевидец из *европейцев*, как видим, оказался более проницательным, чем позднейшие историки — он не отождествляет, но проводит границу, наглядно демонстрируя, что уроки партстроительства сербские радикалы брали отнюдь не у французских «собратьев».

Приведу еще одно высказывание, касающееся организации партии Н. Пашича. «Наряду с германской социал-демократией, — замечает Л. Вркатич, — Радикальная партия в Сербии была наиболее организованной партией в Европе» [39. С. 195]. Относительно «наиболее организованной» — все точно. Однако отнюдь не с СДПГ в этом отношении следует ставить рядом сербских радикалов.

И действительно: «двухслойная» модель (критически мыслящее меньшинство и массовая база), жесткая вертикальная иерархия при ее оформлении (партийные взводы, роты и батальоны туго стянуты дисциплиной и волей единого центра) и как следствие этого — откровенный вождизм; отсутствие внутренней автономии местных организаций (что вполне может быть названо сербским изданием «демократического централизма») и политическая культура, основанная на неприятии плюрализма и принципе: «Кто не с нами, тот против нас!» (за 1887–1896 гг. радикальной толпой было перебито 384 напредняка [47. С. 172]); очевидный мессианизм (отождествление себя с народом и стремление к монополюльной власти) и восприятие идеологии как религии; фанатичная вера в нее и пафос жертвенности — такой набор

«родовых» организационно-политических признаков роднит их... с «партией нового типа»: хорошо нам известными российскими большевиками. И сходство это не кажется случайным, имея в виду единую *народническую* традицию, в русле которой (в разное время и в разных условиях, образовываясь у разных же по степени крайности русских учителей — П.А. Лаврова и «бланкистов») обе партии и взрастали (см. [48]).

В одном из текстов, включенных в новую книгу, Л. Перович замечает, что НРП — это «армия и церковь одновременно. Иерархичность и дисциплина придавали ей черты воинского соединения, идеология и ее экзальтированное восприятие — характер религиозного ордена» [1. С. 17]. Из чего, уже в *европейском* контексте, О. Попович-Обрадович выводит точное заключение: «По тому, что в Сербии, параллельно с первыми шагами модернизации, была основана массовая народническо-социалистическая партия с тем типом организации, который войдет в практику лишь с появлением тоталитарных идеологий XX в., она представляет единственный феномен в Новой истории Европы» [49. С. 331].

Что же касается соподчиненности в рамках пары «идеология — организация», то следует особо подчеркнуть, что в своей концепции партии сербские радикалы следовали той глубоко антилиберальной социологической схеме, которая обеспечивала примат корпорации над каждым ее представителем в отдельности. По оценке Р. Люшича, «како би било у партији што јачег реда» («воля отдельного члена была подчинена партийным интересам») [50. С. 199]. Таким образом, соотношение «партия — член» являлось в представлениях соратников Н. Пашича прямым продолжением пропорций: «общество — личность» и «государство — гражданин», лежащих в основе их народнической доктрины. Во всех трех случаях коллективная категория «Мы» довлела и подавляла либеральное «Я»; суверенитет целого объявлялся ценностью более весомой, чем право его части; а единство жестко противопоставлялось диссидентству, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Воистину, организация следовала за идеологией, органично ее дополняя, т.е., как пишет Л. Перович, «без идеологии организация была бы только скорлупкой, *радикализм* составлял ее сердцевину» [51. С. 311].

Завершая эту часть размышлений, вернусь к тому, с чего начал, — «дебаты о сути радикализма» продолжают, но, увы, так и не превратившись в диалог. Впрочем, они никогда и не имели шансов на содержательность, споткнувшись о гигантскую разницу в подходе к исследованию и ведению дискуссии. Оба лагеря говорят на разных языках. И если, с одной стороны идет кропотливая работа с массой источников, постоянно прирастающая новым знанием, что очевидно уже на этапе их осмысления — во вводных текстах к публикациям, то с другой — все обстоит иначе. Здесь либо в многочисленных «ремейках» единственной монографии *почти тридцатилетней давности* воспроизводятся те же умозрительные конструкции, сомнительные аналогии и даже фактические ошибки⁶, причем новая и новейшая историческая литература в них полностью

⁶ Продемонстрирую одну из них. В англоязычной «авторской копии» 2015 г. М. Протич называет известнейшего славянофила В.И. Ламанского «русским дипломатом в Белграде» (см.: [32 Р. 93]). И то же самое мы читаем в «оригинале» 1990 г. (см. [26. С. 109]). Между тем подробности его поездки на Балканы летом 1884 г. (Рушук, София, Белград) легко обнаруживаются в работах других авторов [52]. Столь произвольная «переквалификация» славянофила Ламанского в *официального* дипломата приводит автора и к другим ошибочным заключениям.

игнорируется⁷, либо труды оппонентов по сути не замечаются, как не достойные внимания⁸. А зря!

На таком фоне становится особо заметным, что сочинения Латинки Перович (в том числе студии-предисловия), год от года возрастают в числе и степени обобщений, выходят на новый — хронологически и типологически более протяженный — уровень, приобретая дополнительный смысл.

Одной из краеугольных тем вышедшего издания исследовательница определила «русское влияние на развитие общественных идей в Сербии...» [3. С. 430]. Отсюда и его титул — «Русские идеи и сербские реплики». Хронологически речь в первую очередь идет о второй половине XIX в., так что имеет место определенная *локализация во времени*. Однако, как мне кажется, потенциал собранных текстов гораздо шире. Мало того, некоторые из них, решая конкретно-исторические задачи, явились одновременно и отправными точками для сквозных (*т.е. связующих различные эпохи*) «синтетических» заключений по указанной теме, с которыми Латинка Перович выступила в последние годы⁹.

Так, предисловие к «Русско-сербским революционным связям», несмотря на его формальную краткость, оказалось в содержательном плане крайне емким — не зря же именно отсюда мною взята мысль, попавшая в эпиграф. Приведу всего две цитаты: «Только из дальней перспективы становится ясным, что идеи русского народнического социализма сохранились и под марксистской аурой». И еще: «Сербско-русские революционные связи следует рассматривать как часть общих связей между Сербией и Россией: государственных, военных, дипломатических, религиозных, культурных» [1. С. 8]. Перед нами — начальная стадия формирования предложенной ею системы координат, в рамках которой и развивалось сербско-русское идейное (духовное) «сожителство». Горизонтальная ось — революционные контакты — вписывается в спектр всех остальных отношений (так до Л. Перович вопрос никто и никогда не ставил), и вертикальная — народнический социализм — не умирает и в XX в. Его ключевая идея («неповторение западноевропейского пути») пережила свое время и типологически связала ранних сербских социалистов, радикалов и коммунистов [18. С. 57]. Или еще шире — «Матрица неповторения западноевропейского пути, т.е. развития без либерализма и капитализма, будет присутствовать *во всех циклах новейшей истории Сербии* (выделено мной. — А.Ш.)» [23. С. 58].

Столь же «живучей» оказалась и модель организации НРП, о которой уже говорилось выше. «По сути, — указывает автор, — она использовалась и во второй половине XX века, только место крестьянского народа занял рабочий класс, то

⁷ Приведу, пожалуй, самый наглядный пример. В той же «монографии» 2015 г., говоря о «наличии двух различных подходов к основным иностранным влияниям на сербское радикальное движение», автор апеллирует к «*недавней югославской историографии* (выделено мной. — А.Ш.)», обращаясь к двум работам Латинки Перович — «Пере Тодоровичу» (1983) и «Сербским социалистам XIX в.» (1985). И все! (См. [32. Р. 65, 67])... Ее богатейший научный опус конца 1980–2000-х годов для него просто не существует!

⁸ Д. Батакович в подстрочном примечании к одной из статей довольно высокомерно отсылает читателя: «См. также другие, неубедительные и часто односторонние, в основном юридически-рутинные или основанные на дискуссиях в прессе и Народной скупшине, точки зрения, высказанные с целью опровергнуть потенциал и унижить ценности демократии в Сербии: Поповић-Обрадовић О. Парламентаризам у Србији. 1903–1914. Београд, 1998; Стојановић Д. Србија и демократија 1903–1914. Београд, 2003» [53. С. 395–396]. Вот так — сразу «с плеча», без малейшей попытки проанализировать хотя бы один аргумент оппонентов, точнее оппоненток. Но столь brutальный подход не прибавляет веса и аргументам самого коллеги Батаковича, скорее — наоборот.

⁹ Речь идет о ее новейших работах: [18; 23], их уже можно охарактеризовать как синтез второго уровня.

есть рабочий народ» [18. С. 55]. И далее о совсем недавнем прошлом: «Начало нового исторического цикла, характеризующее очередным обращением к народу — к сербскому народу, — демонстрирует устойчивость традиции политического монизма в Сербии и в XXI веке» [19. С. 55]. Как и в России, добавлю от себя, и эта новейшая «сербско-русская аналогия» отнюдь не случайна...

Что же касается вплетения революционных связей в ткань отношений Сербии и России, то наиболее наглядным примером такового является случай с Николой Пашичем. Очевидно, что в отношении к России лидер сербских радикалов был мотивирован прежде всего внутренними причинами. Согласно партийной традиции, он не желал для Сербии повторения пути, пройденного в ходе развития государствами Запада, пытаясь противостоять их культурному давлению на свою родину. Это обстоятельство и обусловило его мощную идеологическую (цивилизационную) привязку к России, о чем точно и емко высказался Дж. Станкович: «Поиск опоры в России имел для Пашича более глубокий смысл, чем тот, каковым руководствовались его предшественники» [54. С. 80]. Причем, имея в виду тот факт, что главным аксиологическим посылом как народнической доктрины (во всех ее «модификациях»), так и славянофильского учения являлись антизападничество и стремление идти «своей дорогой», и что официальная Россия со времен Петра Великого исповедовала весьма схожую формулу прогресса, которая, по словам Джеймса Биллингтона, «позволила бы русским что-то перенять у Запада и в то же время сохранить свое отличие от него» [55. С. 26], понятно почему *любая* Россия — царская, славянофильская, «подпольная» — всегда являлась для Пашича той самой опорой, как справедливо и, может быть, несколько неожиданно для своих соотечественников заключила Латинка Перович [23. С. 62]. Неожиданно потому, что такого рода вывод может быть сделан только после освоения огромной массы источников — как сербских, так и русских, что она успешно и осуществила; и о чем (компаративном анализе тех и других) мало кто из ее коллег когда-то задумывался¹⁰. Именно поэтому труды и размышления исследовательницы столь популярны в России (см., например, [56]).

Таким образом, «Русские идеи и сербские реплики», оказавшись, с одной стороны, самодостаточным научным произведением, явились, с другой, — солидной основой для новых обобщений («Модель, пережившая свое время», «Сербско-русские исторические аналогии»), что только доказывает многофункциональность и универсальность исходной источниково-исследовательской базы, созданной Л. Перович. И в этом ее дополнительное научное значение!..

¹⁰ Ср., к примеру, с утверждением М. Протица: «Пророссийская позиция Радикальной партии прошла в своей эволюции несколько этапов. Сначала источником близости были влияние русских социалистических мыслителей и романтическое чувство принадлежности к великому славянскому и православному миру. Но по мере того, как шло время, реальность гасила воодушевление. Радикалы обрели в России опору для реализации своей национальной программы» [26. С. 110–111]. И все! То есть речь, по его мнению, может идти «только об интересах, но никак об идеологии» [32. Р. 92].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Перовић Л.* Српско-руске револуционе везе. Прилози за историју народњаштва у Србији. Београд, 1993.
2. *Љушић П.* Ангажована историографија. Београд, 2016. Књ 3.
3. *Perović L.* Ruske ideje i srpske replike. Sarajevo, 2017.
4. *Перовић Л.* Димитрије Мита Ценић. Уводна студија // *Ценић Д.* Изабрани списи. Београд, 1988. Књ 1.
5. *Перовић Л.* «Крвава година» Пере Тодоровића // *Тодоровић П.* Крвава година. Београд, 1991.
6. *Perović L.* Dominantna i neželjena elita. Beleške o intelektualnoj i političkoj eliti u Srbiji (XX–XXI vek). Beograd, 2015.
7. *Perović L.* Srpski socijalisti XIX veka. Beograd, 1985. Књ. 1–2.
8. *Perović L.* Socijalistička misao u Srbiji u drugoj polovini 19. veka // *Zgodovinski časopis.* Ljubljana, 1990.
9. *Перович Л.* Социалистическая мысль в Сербии во второй половине XIX века // *Славяноведение.* 1993. № 3.
10. *Перовић Л.* Српски социјалисти 19. века. Београд, 1995. Књ. 3.
11. *Planirana revolucija /* Prired. L. Perović. Zagreb, 1988.
12. *Пашић Н.* Писма, чланци и говори (1872–1891) / Приред. Л. Перовић, А. Шемјакин. Београд, 1995.
13. *Перовић Л.* Социјалистичка мисао – битна тенденција у развоју друштвене и политичке мисли у Србији // Српско-руске револуционе везе. Прилози за историју народњаштва у Србији. Београд, 1993. С. 28.
14. *Перовић Л.* Васа Казимировић, Никола Пашић и његово доба, 1845–1926, Београд, 1990. Књ. 1–2. (Приказ) // *Историјски часопис.* Београд, 1992. Књ. XXXIX.
15. Русские о Сербии и сербах. СПб., 2006. Т. I (письма, статьи, мемуары) / Сост. А.Л. Шемякин; М., 2014. Т. II.
16. *Шемякин А.Л.* Сербские сочинения П.А. Ровинского (первичное осмысление и перспективы исследования) // *Славяноведение.* 2017. № 3.
17. *Ровински П.А.* Записи о Србији (1868–1869) / Приред. Л. Перовић. Нови Сад, 1994.
18. *Perović L.* Ljudi, događaji i knjige. Beograd, 2000.
19. *Перович Л.* Модель, пережившая свое время. Идейные истоки радикализма в Сербии // *Родина.* Москва, 2013. № 12.
20. *Тодоровић П.* Огледало. Зраке из прошлости / Приред. Л. Перовић. Београд, 1997.
21. *Перовић Л.* Пера Тодоровић. Београд, 1983.
22. *Тодоровић П.* Дневник / Приред. Л. Перовић. Београд, 1990; *Тодоровић П.* Крвава година. Београд, 1991; *Тодоровић П.* Српска ствар у Старој Србији. Успомене на краља Милана / Приред. Л. Перовић. Београд, 1997; *Тодоровић П.* Писма. Личности и личност / Приред. Л. Перовић. Београд, 2000.
23. *Perović L.* Srpsko-ruske istorijske analogije. Matrica neponavljanja zapadnoevropskog puta: razvoj bez liberalizma i kapitalizma // *Potka srpskog identiteta. Antizapadnjaštvo, rusofilstvo, tradicionalizam /* Ogledi. Br. 17. Beograd, 2016.
24. *Протић М.* Идеје европског радикализма и Народна радикална странка у Србији // *Европа и Срби (Зборник радова).* Београд, 1996.
25. *Батаковић Д.* Француски утицаји у Србији 1835–1914. Четири генерације «паризлија» // *Зборник Матице Српске за историју.* Нови Сад, 1997. Св. 56.
26. *Протић М.* Радикали у Србији. Идеје и покрет (1881–1903). Београд, 1990.
27. *Нова историја Српског народа /* Ур. Д. Батаковић. Београд – Лозана, 2000.
28. *Раденковић Н.* Никола Пашић и Србија. Београд, 1997.
29. *Žutić N.* Liberalizam i Srbi. Beograd, 2007.
30. *Протић М.* Идеологија Народне радикалне странке и Никола Пашић // *Никола Пашић. Живот и дело.* Београд, 1997.
31. *Protić M.* Sources of the Ideology of the Serbian Radical Movement 1881–1903 // *Balkanica.* Belgrade, 2007. Vol. XXXVII.
32. *Protić M.* Between Democracy and Populism. Political Ideas of The People’s Radical Party in Serbia (The Formative Period: 1860’s to 1903). Belgrade, 2015.
33. *Јанковић Д.* О политичким странкама у Србији XIX века. Београд, 1951.
34. *Јанковић Д.* Рађање парламентарне демократије. Политичке странке у Србији XIX века. Београд, 1997.
35. *Перовић Л.* Никола Пашић о Радикалној партији пре њеног формалног организовања // *Никола Пашић. Живот и дело (Зборник радова).* Београд, 1997; *Шемякин А.Л.* Светозар Маркович и Сербская радикальная партия // *Живот и дело Светозара Марковића (Зборник радова).* Београд, 1997.

36. *Јовановић С.* Пера Тодоровић // *Јовановић С.* Политичке и правне расправе. Београд, 1908. Књ 1.
37. *Раденић А.* Полицијски извештаји о догађајима у Београду почетком осамдесетих година XIX века // *Годишњак музеја града Београда.* Београд, 1957. Књ. 4.
38. *Крестић В., Љушић Р.* Програми и статуту српских политичких странака до 1918. године. Београд, 1991.
39. *Vrkatić L.* Pojam i biće srpske nacije. Sremski Karlovci; Novi Sad, 2004.
40. *Љушић Р.* Милан Ст. Протић. Радикали у Србији. Идеје и покрет. 1881–1903. Београд, 1990 // Србија 19. века. Београд, 1994. Књ. 1.
41. *Protić M.* The Serbian Radical Movement 1881–1903. A Historical Aspect // *Balkanica.* Belgrade, 2006. Vol. XXXVI; *Protić M.* Serbian Radicalism 1881–1903. Political Thought and Practice // *Balkanica.* Belgrade, 2008. Vol. XXXVIII.
42. *Šemjakin A.* Nikola Pašić u uspomენama ruskog putnika (prilog proučavanju idejnog porekla Srpske narodne radikalne stranke) // *Tokovi istorije.* 2003. Beograd, 2004. Br. 3–4.
43. *Милановић Ј.* Апостоли радикализма. Живот и дело Павла Паје Михајловића (1845–1915). Београд, 2013.
44. Срби 1903–1914. Историја идеја / Приред. М. Ковић. Београд, 2015.
45. *Perović L.* Izmedju anarhije i autokratije. Srpsko društvo na prelazima vekova (XIX–XXI). Beograd, 2006.
46. *Сфорца К.* Никола Пашић и уједињење Југословена. Ратне и дипломатске успомене. Београд, 1937.
47. *Марковић С.* Гроф Чедомил Мијатовић. Викторијанац међу Србима. Београд, 2006.
48. *Шемјакин А.Л.* «Партија новог типа». Особенности сербског радикализма (конец XIX – начало XX в.) // *Глас САНУ.* CDXX. Одељење историјских наука. Београд, 2012. Књ. 16.
49. *Popović-Obradović O.* Koreni antimoderne politicke culture u Srbiji // *Popović-Obradović O.* Kakva ili kolika država. Oglеди o politickoj i društvenoj istoriji Srbije XIX–XXI veka / Prired. L. Perović. Beograd, 2008.
50. *Љушић Р.* Историја српске државности. Нови Сад, 2001. Књ. II. Србија и Црна Гора – нововековне српске државе.
51. *Перовић Л.* Народная радикальная партия: утверждение идеологии социального, национального и политического единства сербского народа // *Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия /* Отв. ред. Р.П. Гишина. СПб., 2009.
52. *Јовановић В.* Успомене / Приред. В. Крестић. Београд, 1988. С. 469; Митрополит Михаило и Никола Пашић. Емигрантска преписка (1884–1889) / Приред. А. Шемјакин. Београд, 2004.
53. *Батаковић Д.* О парламентарној демократији у Србији, 1903–1914 (странке, избори, политичке слободe) // *Глас САНУ.* CDXX. Одељење историјских наука. Књ. 16. Београд, 2012.
54. *Станковић Б.* Никола Пашић и Југословенско питање. Београд, 1985. Књ. 1.
55. *Биллингтон Д.* Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. М., 2001.
56. *Перовић Л.* Об источниках социалистической мысли в Сербии // *Вопросы истории.* 1993. № 4; *Перовић Л.* Магија русског бунта // *Родина.* 2001. № 1–2. Специјални изданак «Славјански мир»; *Перовић Л.* Утрачене иллузије // *Родина.* 2003. № 10. Специјални изданак «Россија и Србија: већи историје»; *Перовић Л.* Личност кнеза Михаила Обреновића на страницама дневника Николе Крстића // *Studia Balkanica.* К юбилею Р.П. Гришиной. М., 2010.

© 2018 г. *Н. Н. СТАНКОВ*

«ГЕРМАНСКИЙ ОКТЯБРЬ» 1923 ГОДА И ЧЕХОСЛОВАКИЯ

В статье на основе архивных и опубликованных документов рассматриваются попытки лидеров КПГ, РКП(б) и Коминтерна организовать осенью 1923 г. революцию в Германии и распространить ее влияние на соседнюю Чехословакию. Показаны действия Коммунистической партии Чехословакии в поддержку германской революции. Значительное внимание уделено отношениям руководства Коминтерна и КПЧ в 1923–1924 гг.

The author uses archival and published documents to investigate, how the leaders of the Communist Party of Germany, the Russian Communist Party (Bolsheviks) and the Comintern were trying to organize a revolution in Germany in the autumn of 1923 and to spread it to Czechoslovakia. Furthermore, he considers activities of the Communist Party of Czechoslovakia in support of the revolution in Germany and pays special attention to the connections of the Comintern leadership to the Communist Party of Czechoslovakia.

Ключевые слова: «германский Октябрь», Коминтерн, Коммунистическая партия Чехословакии, Г.Е. Зиновьев, Л.Д. Троцкий, Б. Шмераль, К. Крайбих.

Keywords: «German October», Comintern, Communist Party of Czechoslovakia, Grigory Zinoviev, Leon Trotsky, Bohumil Šmeral, Karel Kreibich.

Осенью 1923 г. по инициативе Коминтерна были предприняты попытки организовать революционные выступления в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Наибольшие надежды возлагались на коммунистический переворот в Германии, который, как предполагали, оказал бы революционизирующее воздействие на соседние страны. В настоящей статье предпринята попытка показать влияние коммунистических выступлений в Германии в 1923 г. на Чехословакию.

Прага с исключительным вниманием следила за развитием коммунистического движения в Германии. Это объяснялось, прежде всего, опасениями, что германская революция приведет к активизации леворадикальных элементов в Чехословацкой республике. Поэтому посольство ЧСР в Берлине, которое с 1921 г. возглавлял один из лидеров Чехословацкой социал-демократической партии В. Тусар, хорошо ориентировавшийся в различных течениях германского рабочего движения, в донесениях в Прагу постоянно обращало внимание чехословацкого руководства на социальную напряженность в Веймарской республике.

В. Тусар и советник чехословацкого посольства Ф. Гавличек указывали на подстрекательскую роль Москвы в германских событиях. В донесении от 6 февраля 1923 г. Гавличек подчеркивал, что Москва заинтересована в подъеме революционного движения в Германии, которое должно привести к росту численности

Станков Николай Николаевич — д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Коммунистической партии Германии (КПГ) и ее влияния, а затем и к созданию коммунистического правительства [1. Politické zprávy. Vyslanectví ČSR v Berlíně. 1923. Č. 16].

Чехословацкие дипломаты считали, что для того, чтобы Москва не смогла воспользоваться тяжелой ситуацией в Веймарской республике, необходимо найти пути комплексного решения германского вопроса. Тусар был убежден, что бедственное положение Германии было «следствием неурегулированных экономических отношений, это было причиной, вокруг которой вращались все остальные проблемы Европы: прежде всего нерешенные и неурегулированные репарационные вопросы и связанные с ними проблемы союзнических долгов и стабилизации марки». «Существует опасность, что если не будут приняты шаги к международному урегулированию этих жизненно важных для Германии проблем, то ее постигнет катастрофа», – говорил В. Тусар 28 октября 1922 г., выступая перед чехословацкой колонией в Берлине [1. V. Tusar. Úradná korešpondencia].

Тусар считал близорукой политику французского премьер-министра Р. Пуанкаре в отношении Германии. Он полагал, что в условиях часто сменявшихся во Франции правительств Пуанкаре находился слишком в большой зависимости от общественных настроений. Путем сильного давления на Германию в угоду французской общественности он рассчитывал укрепить положение своего кабинета. Но такая политика привела к дальнейшему ухудшению положения как Германии, так и других европейских государств, в том числе и Чехословакии [2. S. 329]. Оккупация же французскими и бельгийскими войсками Рура поставила Германию на край пропасти.

В. Тусар считал, что в бедственном положении Германии виновато также ее правительство во главе с канцлером В. Куно. Сам канцлер, по мнению чехословацких дипломатов, не только не имел политического опыта, но и был лишен каких-либо политических дарований и творческой инициативы. Ни одно его выступление, ни одно действие не произвели на международной арене благоприятного впечатления. В. Куно не только не привлек на сторону Германии новых союзников, но оттолкнул и тех немногих, кто относился к ней с симпатией [3. S. 299]. А когда дело дошло до оккупации Рура, канцлер, не утруждая себя поисками путей урегулирования отношений с Францией, провозгласил так называемое «пассивное сопротивление». При этом не были учтены ни материальные ресурсы государства, основательно подорванные инфляционной политикой, ни расстановка сил на международной арене. В результате, по мнению чехословацкого посольства в Берлине, к середине 1923 г. правительство Веймарской республики оказалось в тупике, а страна на грани политического и экономического краха с непредсказуемыми социальными последствиями [3. S. 301].

Действительно, летом 1923 г. социальная напряженность в Германии достигла такого высокого уровня, что руководство КПГ обратилось в исполком Коминтерна (ИККИ) с инициативой начать борьбу за власть. Лидер КПГ Г. Брандлер настойчиво добивался от РКП(б) и Коминтерна непосредственной помощи для подготовки германских коммунистов к «решающим выступлениям» [4. С. 154. Док. 100. Прим. 2]. Несмотря на отставку 12 августа кабинета Куно и приход к власти коалиционного правительства во главе с Г. Штреземаном, КПГ взяла курс на подготовку вооруженного восстания. В конце августа при ЦК КПГ был создан военный совет во главе с руководителем «пролетарских сотен» в Саксонии Э. Шнеллером. Совет разработал план военно-организационной подготовки восстания, приступил к формированию новых пролетарских

отрядов и их обучению (см. [5. С. 55]). Газета чехословацких коммунистов «*Rudé právo*» 30 августа 1923 г. писала: «Ситуация в Германии несомненно очень сходна с ситуацией в России накануне революции» [6. Ф. 04. Оп. 43. П. 277. Д. 53964. Л. 89]. В различных районах Саксонии проводились тактические учения «пролетарских сотен». В них принимали участие и рабочие из ЧСР [5. С. 60].

Известия об этих событиях и реакция на них КПЧ не могли не беспокоить правящие круги в Праге. «*Československa republika*» 16 августа в передовице цитировала заявление либерецкой коммунистической газеты «*Vorwärts*»: «События в Германии могут и нас скоро поставить перед новыми решительными задачами, к решению которых мы должны быть подготовлены и вооружены [...] Мы должны усилить и обострить нашу собственную борьбу против наших капиталистов. Пролетариат ЧСР должен уже теперь показать, что германский пролетариат в решительный час может рассчитывать на его помощь» [6. Ф. 04. Оп. 43. П. 277. Д. 53964. Л. 18]. Газета национальных демократов «*Narodní listy*» сообщала о посещении пограничных областей ЧСР коммунистическими агитаторами из Германии, которые выступали на собраниях и митингах местных организаций КПЧ. Последняя в свою очередь усилила агитацию в поддержку германской революции. На некоторых собраниях, как писали «*Narodní listy*», прямо указывалось, что «коммунистический германский фронт должен быть распространен на ЧСР». Так, на собрании в Рукомдоле (вблизи Либерца) выступил один из видных функционеров КПГ, который подчеркнул, что «германский пролетариат с уверенностью ждет необходимой поддержки со стороны пролетариата Чехословакии». Коммунисты ЧСР должны были в решающий момент воспрепятствовать вмешательству чехословацкого правительства в германские события. Мало того, германский гость убеждал, что чехословацкие коммунисты должны помогать германским коммунистам «повышением и обострением своей борьбы». Он говорил, что для коммунистов нет границ и «германская революция является также революцией коммунистов Чехословакии» [6. Ф. 04. Оп. 43. П. 277. Д. 53964. Л. 18].

Комментируя сообщения о подъеме леворадикального движения в Германии и ЧСР, официальная печать подчеркивала, что немецкие коммунисты «организуют систематически [...] крушение Германии», а «чехословацкий пролетариат должен помочь им использовать политически критическое положение страны в интересах коммунистических целей». «Он должен отказаться от элементарных принципов демократии и свободы и поддержать террор, анархию коммунистических авантюристов, которые хотят захватить власть. Он должен бросить молодое расцветающее государство в такой же хаос, в котором оказалась послевоенная Германия», — писала «*Československa republika*» [6. Ф. 04. Оп. 43. П. 277. Д. 53964. Л. 18–19].

Таким образом, уже на подготовительном этапе германской революции стало очевидно, насколько велика опасность ее распространения на соседнюю Чехословакию. Эта опасность еще более возросла, когда за дело взялись руководство РКП(б) и Коминтерн.

В связи с подготовкой революции в Германии, рассматривавшейся с самого начала лидерами РКП(б) и Коминтерна как начало мировой революции, обсуждался вопрос о возможном вооруженном вмешательстве Франции, Польши и Чехословакии и, соответственно, о военной помощи СССР германской революции. На одном из заседаний при обсуждении военных вопросов секретарь ЦКК РКП(б) С.И. Гусев обратился к председателю исполкома Коминтерна Г.Е. Зиновьеву, главному вдохновителю германской и мировой

революции, с запиской: «Тов. Зиновьев! Не приходило ли Вам в голову, что в случае германской революции и нашей войны с Польшей и Румынией решающее значение могли бы иметь наступление наше на Вост. Галицию (где поднять восстание нетрудно) и “случайный” прорыв наш в Чехословакию, где при сильной КП вполне возможна революция (в “присутствии” наших двух-трех дивизий). Таким способом мы: 1) вышли бы в глубокий тыл Польше и ее участь была бы решена; 2) получили бы через Ч[ехо]-С[ловакию] «коридор» в Советскую Германию; 3) имели бы Ч[ехо]-С[ловацкую] Красную армию. Не следует ли уже теперь вести политическую подготовку Ч[ехо]-С[ловакии] в этом направлении?» [4. С. 172. Док. 116. Прим. 1]. Однако генеральный секретарь ЦК РКП(б) И.В. Сталин счел предложение Гусева преждевременным и проблематичным: «Не этот вопрос важен теперь, а другой, а именно: под каким легальным прикрытием мобилизовать солдат, сохраняя внешность миролюбия и, по крайней мере, внешность обороны» [4. С. 172. Док. 116. Прим. 1].

Курс на подготовку революции в Германии поставил в затруднительное положение Наркомат иностранных дел. На заседании политбюро ЦК РКП(б) 21 августа нарком Г.В. Чичерин предложил созвать совещание, которое бы «подработало ряд вопросов, стоящих в этой связи». «Например, — говорил нарком, — надо подработать вопрос, ориентируемся ли мы на консолидации Чехословакии или Югославии, или подготовляем там восстания, или делаем то и другое (голова: “конечно, и то и другое”»)» [7. С. 124. Док. 5; 8. С. 124–125. Док. 10].

Исходя из установки, что «германский пролетариат стоит непосредственно перед решительными боями за власть», политбюро считало, что вся работа РКП(б), КПГ и «всего Коммунистического Интернационала должна соотноситься с этим основным фактом», и ставило конкретные задачи по политической подготовке «трудящихся масс Союза республик к грядущим событиям», по мобилизации «боевых сил республики», экономической помощи германским рабочим, соответствующей дипломатической подготовке [4. С. 167. Док. 111]. Для разработки этих вопросов была создана комиссия в составе Г.Е. Зиновьева, И.В. Сталина, Л.Д. Троцкого, К.Б. Радека, Г.В. Чичерина [4. С. 167. Док. 111].

28 августа ЦК РКП(б) направил губкомам, обкомам, национальным и краевым партийным комитетам шифротелеграмму, в которой сообщал о предстоящей революции в Германии и об опасности ее подавления Францией, Польшей и Чехословакией. «Интервенция и расчленение Германии правительствами капиталистической Европы приведет к удару против Советского Союза, — подчеркивалось в телеграмме. — Нашему союзу угрожает большая опасность, если революционная Германия будет поражена». ЦК РКП(б) призывал «приложить усилия к невмешательству» других государств в немецкие дела. «Наша дипломатия должна быть направлена к предотвращению от международных военных конфликтов немецкой революции. Наша политика — политика мира и труда». Но необходимо быть готовыми к худшему исходу: «Подчеркивая мирную политику, мы должны быть практически и реально готовы к защите назревающей революции в Европе и к обороне территории нашего Союза Республик на случай нападения врагов» [7. С. 128. Док. 6].

Наркоминдел начал зондаж возможной реакции соседей Германии ввиду грядущих событий (подробнее см. [9. С. 131; 10. С. 178–180, 182–184; 11. С. 83, 96–98, 101, 107]). Чичерин рекомендовал советскому представителю в ЧСР К.К. Юрневу, используя страх чехословацких правящих кругов перед революцией в Германии и наступлением СССР на Запад, «культивировать хорошие отношения с нами» [6. Ф. 04. Оп. 43. П. 276. Д. 53960. Л. 126]. Чехословакия

«втянута в такой водоворот перекрещивающихся международных отношений и антагонизмов, что мы уже теперь имели бы возможность, ведя более активную политику, находить пункты контакта для сближения чеш[ского] пра[вительства] с дружественной нам линией», — подчеркивал нарком в инструкции Юреневу 22 августа [6. Ф. 04. Оп. 43. П. 276. Д. 53960. Л. 126].

В связи с подготовкой германской революции и опасностью войны СССР с Францией и ее союзниками председатель реввоенсовета СССР Л.Д. Троцкий поручил главнокомандующему РККА С.С. Каменеву произвести подсчеты численности войск стран, которые могут участвовать в оккупации Германии: «Сколько войск и каких могла бы дать Франция? Польша? Чехо-Словакия? Вероятные районы оккупации войсками каждой национальности. Вероятные расходы на оккупацию» (цит. по [12. С. 101]). В начале сентября военное руководство СССР рассматривало вопросы об усилении боеспособности частей западных приграничных округов, о размере мобилизационного развертывания Красной армии, о поставках вооружения в Германию и др. (подробнее см. [12. С. 83–146]). 19–26 сентября в районе Полоцка, Борисова, Толочина состоялись большие маневры войск Западного фронта [12. С. 106].

Помимо военных мер по инициативе Троцкого ИККИ 23 августа 1923 г. постановил созвать в сентябре в Москве секретное совещание с участием представителей коммунистических партий Германии, Франции, Бельгии, Чехословакии и Польши [4. С. 168. Док. 111. Прим. 1].

Совещание начало работу 21 сентября и продолжалось до 5 октября. В нем участвовали представители РКП(б), компартий Германии, Франции и Чехословакии. Причем в таком составе, судя по стенограмме совещания, заседания проходили лишь 21, 23 и 25 сентября. КПЧ на совещании представляли Б. Шмераль и А. Муна. Центральной темой всех выступлений была подготовка вооруженного восстания в Германии. В этой связи обсуждался вопрос об опасности интервенции со стороны Франции, Чехословакии и Польши в момент, когда революция охватит Германию [13. Ф. 495. Оп. 19. Д. 68. Л. 43–44].

Детальный анализ ситуации в Чехословакии в связи с германскими событиями представил лидер КПЧ Б. Шмераль. Он подробно охарактеризовал международное, военно-стратегическое и внутривластное положение ЧСР. Шмераль указал на расстановку политических сил в стране, их вероятную реакцию на революцию в Германии и, соответственно, на их отношение к интервенции. Он выразил надежду, что в сложившихся обстоятельствах с решительным рабочим движением и пропагандистской поддержкой пацифистских настроений в кругах мелкой буржуазии, мелкого крестьянства и интеллигенции «мы сможем помешать интервенции» [13. Ф. 495. Оп. 19. Д. 68. Л. 66]. Шмераль поднял вопрос о возможности КПЧ предпринять парламентский маневр и вступить в коалиционное правительство, если это будет единственным способом для удержания нейтралитета Чехословакии [13. Ф. 495. Оп. 19. Д. 68. Л. 67; 6. Ф. 04. Оп. 43. П. 276. Д. 53960. Л. 158].

Однако позиция Шмерала не устраивала нацеленных на мировую революцию Зиновьева, Радека и Троцкого. В личных беседах с ним и во время заседаний они подвергли критике отдельные положения его выступления, в особенности, об участии коммунистов в коалиционном правительстве. Троцкий отметил, что в выступлении Шмерала содержится лишь анализ ситуации в ЧСР и указывается на трудности, но «не сделано никаких практических выводов», «никаких конкретных предложений». Он настаивал на более решительной поддержке со стороны КПЧ революции в Германии [13. Ф. 495. Оп. 19. Д. 68.

Л. 89–91, 122]. В результате на заседании 25 сентября выступил Муна, который заверил участников совещания, что КПЧ «сделает все, чтобы содействовать победе революции» [13. Ф. 495. Оп. 19. Д. 68. Л. 124].

Последующие заседания проходили с участием представителей ИККИ, РКП(б) и КПГ. На заседании 4 октября Зиновьев указал ориентировочный срок революции в Германии – 9 ноября. Он сообщил, что были проведены «длительные переговоры с французской и чехословацкой братскими партиями и в ближайшее время будем вести переговоры с польской партией». «Германская революция будет решать дело не только в своей стране, но и в соседних государствах – Франции, Чехословакии, Польше. На этих переговорах царило полное политическое единогласие и мы с каждой партией выработали конкретную программу помощи германской революции», – подчеркнул Зиновьев [4. С. 180. Док. 117]. Но, очевидно, он, не полагаясь на «полное политическое единогласие», в тезисах «Грядущая германская революция и задачи РКП», утвержденных 23 сентября пленумом ЦК РКП(б), отмечал: «РКП, как главнейшая партия Коминтерна, должна уделить больше сил, внимания и поддержки Коминтерну и помочь работниками для обслуживания не только германского, но и французского, польского, чешского движения» [4. С. 202. Док. 118].

Во время пребывания в Москве Шмераль встретился с Чичериным, в беседе с которым подчеркнул, что советская дипломатия «в случае германской революции должна удерживать Чехословакию в положении нейтралитета». По его словам, влияние коммунистов в Чехословакии недостаточно велико, чтобы достичь этого одними только собственными силами. Советское дипломатическое воздействие может сыграть громадную роль вследствие страха чехословацкого правительства перед возможными враждебными действиями СССР «извне или изнутри». По мнению Шмералья, политика Чехословакии отличалась большой неустойчивостью и колебаниями. Он считал, что международное и внутриполитическое положение ЧСР, ее социальная структура, определяют «очень высокую эластичность» политики Праги. «Именно в этой эластичности Шмераль усматривает основание для возможности чехословацкого нейтралитета. Эту цель он ставит и перед компартией Чехословакии и полагает, что не только наша дипломатия, но и Коминтерн может в решительный период выступить с обещаниями не трогать Чехословакию, если она не будет трогать революционную Германию», – писал 4 октября Чичерин полпреду в Праге Юреневу. Нарком рекомендовал ему поддерживать постоянный контакт со Шмералем [6. Ф. 04. Оп. 43. П. 276. Д. 53960. Л. 158–159].

Выполняя решения московского совещания, КПЧ развернула в стране активную агитационно-пропагандистскую кампанию. 12 октября 1923 г. коммунисты организовали в Праге митинг, на котором выступил Б. Шмераль. Разъясняя отношение чехословацких коммунистов к событиям в Германии, он подчеркнул, что эти события «не могут быть названы иначе, чем великой германской социальной революцией», которую по размаху и историческим последствиям можно поставить в один ряд с Октябрьской революцией 1917 г. в России [6. Ф. 04. Оп. 43. П. 277. Д. 53966. Л. 65]. Шмераль пытался убедить участников митинга, будто «в Германии коалиция социал-демократов с буржуазией привела к полной победе монархизма и фашизма в Баварии», «что во всей Германии имеются сотни тысяч вооруженных и крепко организованных фашистов, которые ждут призыва Людендорфа, Гитлера и кронпринца Рупрехта, чтобы начать действия с целью насильственного монархического переворота», и что борьба КПГ направлена против монархизма и фашистской контрреволюции [6. Ф. 04. Оп. 43. П. 277. Д. 53966. Л. 66]. Далее

Шмераль заявил, что Коммунистическая партия Чехословакии ни в коем случае не должна допустить «военной интервенции для подавления революционной борьбы рабочих в Германии» [6. Ф. 04. Оп. 43. П. 277. Д. 53966. Л. 67]. Следуя решениям исполкома Коминтерна, он указал на необходимость создания единого фронта трудящихся в ЧСР: «Как раз германские события обязывают нас искать сближения со всеми рабочими и также со средними сословиями». Шмераль был убежден, что события в Германии послужат уроком для рабочих социал-демократов, и это даст возможность коммунистам приблизить их к себе. «Объединение всех рабочих для защиты своих интересов и для защиты борющихся рабочих Германии и, наконец, для защиты Чехословацкой республики от вовлечения ее в военные конфликты становится насущным вопросом», — подчеркнул Шмераль. В заключение он коснулся национального аспекта германской революции, отметив, что «национальное несчастье придает германской революции известную силу». Шмераль заявил, что «чехословацкие коммунисты должны иметь решимость указать широким массам чешской нации» на несправедливость и угнетение, которым подвергается немецкая нация, и они обязаны бороться против этой несправедливости. Но, с другой стороны, учитывая национальные чувства чехов и других малых народов, Шмераль считал, что необходимо обратить внимание КПГ на актуальность национального вопроса: «Пролетарская революция должна также и в национальном вопросе занять определенную точку зрения, чтобы рассеять страх и боязнь, которые в другом случае могли бы толкнуть мелкие нации в объятия контрреволюции» [6. Ф. 04. Оп. 43. П. 277. Д. 53966. Л. 70].

Принимая во внимание широко распространенные среди чехов антигерманские настроения и страх перед германской военщиной, КПЧ с особой силой напирала на то, что если в Германии не победит пролетарская революция, то у власти закрепится реакция. 13 октября «*Rudé právo*» опубликовала передовицу под заголовком «Германские события с национальной точки зрения». Газета отмечала: «Разногласия в Германии обострились настолько, что компромиссное решение немыслимо. Поражение Германии приведет или к победе рабочего класса, или к победе реакции». «*Rudé právo*» относилась к реакционному лагерю не только монархистов и нацистов, но и правительство Веймарской республики во главе с канцлером Г. Штреземаном. «Штреземан — это полулегальная, полунелегальная, полуконституционная, полупротивоконституционная диктатура буржуазии, — подчеркивала газета. — Но каждый знает, что Штреземан является только фиговым листом, за которым скрываются Стиннес, Людендорф и принц Рупрехт». Газета запугивала чехов, утверждая, что лагерь реакции в Германии поддерживает судето-немецкая буржуазия, ожидавшая «восстановления империалистической системы, которая, в конце концов, даст им возможность восстановить старую машину национального подавления». В заключение автор передовицы делал вывод: «Победа реакции — это победа принципа национального угнетения, то есть принципа в высшей степени опасного для государственного существования и самостоятельности малых наций» [6. Ф. 04. Оп. 43. П. 277. Д. 53966. Л. 70–71]. В случае же победы пролетарской революции, утверждали чехословацкие коммунисты, всякая угроза со стороны Германии для ЧСР была бы устранена. В обращении к рабочим, мелким крестьянам и представителям среднего сословия Чехословакии, принятом 20 октября 1923 г. на общегосударственной конференции КПЧ в Кладно, подчеркивалось: «Борьба немецких рабочих не является борьбой против государственного устройства Европы, созданного Версальским договором [...] Германская революция не означает угрозы государственной самостоятельности мелких наций, так как германская

революция, точно так же как и русская, стоит на точке зрения самоопределения наций. Германская революция также не угрожает границам ЧСР, так как рабоче-крестьянское правительство в Германии не имеет никакого интереса к тому, чтобы вопрос о границах был пересмотрен. Мы, коммунисты всех наций Чехословакии, безусловно стоим на точке зрения, что в настоящем положении весь революционный пролетариат Чехословакии имеет только единственную задачу — борьбу в целях поддержки германской революции и за правительство рабочих и крестьян в рамках ЧСР. Рабочие, мелкие земледельцы и среднее сословие Чехословакии не должны иметь опасений и недоверия к германской революции» [6. Ф. 04. Оп. 43. П. 277. Д. 53966. Л. 73–74].

Следуя рекомендациям Коминтерна, КПЧ обязывала всех своих членов к самой активной работе на местах за создание единого пролетарского фронта поддержки германской революции. Она призывала устраивать повсюду собрания, вести широкую агитационную работу, распространять коммунистические газеты, летучки и брошюры, чтобы «в Чехословакии не было ни одного рабочего, мелкого земледельца или члена среднего сословия, который бы не был ясно информирован о значении германской революции» [6. Ф. 04. Оп. 43. П. 277. Д. 53966. Л. 74]. Как сообщало полномочное представительство СССР в Чехословакии 23 октября 1923 г. в Наркомат иностранных дел: «КПЧ ведет самую энергичную кампанию в целях поддержки революционного процесса в Германии [...] Работа коммунистической прессы в связи с германскими событиями направлена, с одной стороны, к тому, чтобы разъяснить рабочим, крестьянам и трудовой интеллигенции политическое и социальное значение германской революции, как с точки зрения трудящегося класса, так и с точки зрения национальных интересов; с другой стороны, коммунистическая пресса постоянно и неуклонно разоблачает противореволюционную кампанию буржуазной и социал-реформистской печати» [6. Ф. 04. Оп. 43. П. 277. Д. 53966. Л. 65].

Действительно, развернув мощную кампанию в поддержку германской революции, КПЧ одновременно обрушилась с критикой на руководство Чехословацкой социал-демократической рабочей партии (ЧСДРП). Голословно обвиняя его в вынашивании планов вооруженной интервенции против революционной Германии, КПЧ стремилась его дискредитировать и «оторвать» рабочих от социал-демократических вождей [6. Ф. 04. Оп. 43. П. 277. Д. 53964. Л. 248]. В действительности ЧСДРП была против вооруженной интервенции, направленной против германской революции, и это признавало даже советское полпредство в Праге [6. Ф. 04. Оп. 43. П. 277. Д. 53966. Л. 75]. Она выступала в поддержку германских социал-демократов, коалиционной политики канцлера Г. Штреземана, за сохранение в Веймарской республике парламентско-демократического строя. Чехословацкие социал-демократы подчеркивали, что необходимо бороться с монархической реакцией и национал-социалистами в Баварии, поскольку их победа представляла бы угрозу для национальной самостоятельности чехов и словаков и усилила бы ирредентистское движение судетских немцев. ЧСДРП поддерживала рабочее правительство в Саксонии. Она приветствовала вступление в него коммунистов, усматривая в этом шаге поворот в тактике КПГ в сторону сотрудничества с социал-демократией. Но когда саксонское правительство приступило к организации «пролетарской обороны» и оказалось в конфликте с кабинетом Г. Штреземана, чехословацкие социал-демократы изменили свое отношение. Победа коммунистической революции в Германии не отвечала их интересам, так как она обязательно сказалась бы на политической атмосфере в ЧСР, привела бы к усилению позиций КПЧ и левацких настроений внутри самой ЧСДРП.

Поэтому ЧСДРП была заинтересована в сохранении в Германии демократии [6. Ф. 04. Оп. 43. П. 277. Д. 53966. Л. 75–78]. Аналогичную позицию в отношении германских событий занимала Чехословацкая национально-социалистическая партия. Она осуждала и действия контрреволюции и «ведущую к гражданской войне» тактику коммунистов [6. Ф. 04. Оп. 43. П. 277. Д. 53966. Л. 78].

Неизвестно, как бы дальше развивались события в ЧСР, если бы успех сопутствовал германским коммунистам. Но «октябрьская революция» в Германии не состоялась. По приказу президента Веймарской республики Ф. Эберта подразделения рейхсвера 21 октября 1923 г. вступили в Саксонию, а 2 ноября – в Тюрингию. Социалистические правительства Саксонии и Тюрингии были распущены, вооруженное восстание под руководством КПГ в Гамбурге (22–25 октября 1923 г.) было подавлено (подробнее см. [5. С. 63–144]). 23 ноября 1923 г. были распущены КПГ, Коммунистический союз молодежи и все примыкавшие к Коминтерну организации, действовавшие на территории Германии [5. С. 150].

Тем не менее, КПЧ продолжала выступать в поддержку революции в Германии. Один из ее лидеров, К. Крайбих, 1 ноября 1923 г. в Национальном собрании ЧСР заявил: «Мы, коммунисты, убеждены не только в том, что только революция может спасти немецкий пролетариат, но и в том, что немецкая революция придет и установит в Германии рабочую власть». Как и Б. Шмераль, он уверял, что «германская революция не несет опасности для чехословацкого народа». «Она уничтожит немецких капиталистов, немецкую империалистическую буржуазию и немецкий монархизм, этих важнейших врагов национальной и государственной самостоятельности чехословацкого народа, эту последнюю непосредственную опасность», – говорил К. Крайбих [6. Ф. 04. Оп. 43. П. 277. Д. 53965. Л. 51–52]. «Все за немецкий пролетариат, все за немецкую революцию!» – призывал депутат-коммунист с парламентской трибуны [6. Ф. 04. Оп. 43. П. 277. Д. 53965. Л. 55].

КПЧ, используя лозунг поддержки германской революции, стремилась не допустить спада рабочего движения в Чехословакии. Наряду с агитационной деятельностью, она развернула активную работу в заводских комитетах. Как отмечалось в «Сводке о рабочем движении» советского полпредства в ЧСР от 21 ноября 1923 г.: «КПЧ старается создать сильное движение заводских комитетов, т.е. превратить заводские комитеты в мощное орудие борьбы рабочего класса, с одной стороны, и усилить свое влияние в заводских комитетах, с другой стороны». По примеру германских коммунистов КПЧ создавала коммунистические заводские фракции, которые должны были стать «идейным руководителем всего течения заводских комитетов». Заводские комитеты в будущем могли стать органами единого фронта, поэтому чехословацкие коммунисты считали, что «движение заводских комитетов имеет исключительное значение для дальнейшего развития рабочего движения в ЧСР» [6. Ф. 04. Оп. 43. П. 277. Д. 53966. Л. 154]. В данном случае чехословацкие коммунисты также следовали указаниям исполкома Коминтерна, требовавшего от КПЧ «закрепить свое влияние», «воспользоваться германским опытом и немедленно приступить к энергичному развитию своей организации с той целью, чтобы фундаментом парторганизаций стали ячейки на всех предприятиях» [13. Ф. 495. Оп. 18. Д. 185. Л. 162].

Усилиям КПЧ подчинить себе рабочее движение и повести его по пути германских коммунистов противостояли все социалистические партии в Чехословакии. Они не поддержали инициативу КПЧ созвать съезд заводских комитетов. «В этом вопросе против коммунистов объединились все реформистские

социалистические партии», — отмечалось в донесении советского полпредства в НКВД от 5 декабря 1923 г. [6. Ф. 04. Оп. 43. П. 277. Д. 53965. Л. 171].

Ситуация осложнялась тем, что лидеры РКП(б) и Коминтерна не извлекли должных уроков из неудавшегося «германского Октября» и оставались в плену иллюзий близкой революции в Европе. Член политбюро ЦК РКП(б), председатель исполкома Коминтерна Г.Е. Зиновьев, выступая с докладом о международном положении на пленуме ЦК РКП(б) в январе 1924 г., заявил, что «ни одна из объективных задач революции (в Германии. — *Н.С.*) не разрешена». Он считал, что в целом ситуация в Германии в 1923 г. была оценена правильно. «Мы ошиблись в темпе», — отметил Зиновьев. Он указывал, что в будущем политика РКП(б) в отношении Германии должна учитывать как «возможность быстрого развязывания событий», так и «возможность их медленного развития» [13. Ф. 17. Оп. 2. Д. 109. Л. 25]. Основная вина за неудавшийся «германский Октябрь» была возложена на социал-демократов и на «правооппортунистических вождей» КППГ — Г. Брандлера и А. Тальгеймера. Лидеры РКП(б) и Коминтерна поддержали левых и содействовали приходу к руководству КППГ Р. Фишер и А. Маслова [4. С. 249–250. Док. 143. Прим. 1; 9. С. 152]. Радек был обвинен в пособничестве «правым» и в том, что принимал «меры для того, чтобы настраивать французскую партию и чехословацких коммунистов против нашего ЦК» [13. Ф. 17. Оп. 2. Д. 109. Л. 27]. Троцкий, начавший оппозиционную борьбу, обвинял руководство РКП(б), ИККИ и КППГ в «медлительности и нерешительности», «неспособности собрать все силы» и «ударить» [4. С. 233. Док. 135. Прим. 1].

Дискуссии о причинах неудачи германской революции развернулись в Коминтерне и во многих коммунистических партиях. Инициатор «германского Октября» Г. Брандлер считал, что октябрьские события развивались по неверному плану, продиктованному ИККИ. Брандлер признавал за собой много ошибок, но все они, по его мнению, были второстепенными и третьестепенными. Главная же ошибка, утверждал Брандлер, — навязанная Коминтерном «основная линия программы Октября, которая оказалась фальшивой» [4. С. 251. Док. 143. Прим. 1].

С критикой руководства Коминтерна в связи с германскими событиями выступил ЦК Коммунистической рабочей партии Польши (см. [4. С. 240–241. Док. 136]). Изучения причин, приведших к поражению «германского Октября», требовал и К. Крайбих, на что секретарь ИККИ Д.З. Мануильский ответил, что задачей Коминтерна является не «изучение причин», а практические выводы. Самого же Крайбиха Мануильский обвинил в том, что он навязывает Коминтерну «меньшевистские методы» [14. С. 51].

Руководство Коминтерна всячески отклоняло обвинения в свой адрес и всю ответственность перекладывало на «правых» в коммунистических партиях. На V конгрессе Коминтерна, проходившем в Москве 17 июня — 8 июля 1924 г., прозвучала резкая критика социал-демократических пережитков в деятельности коммунистических партий, разоблачались «искривления» тактики единого фронта и лозунга «рабоче-крестьянского правительства» и т.д. В докладе на конгрессе Зиновьев неоднократно обращался с критикой в адрес КППЧ. Он заявил, что компартии Чехословакии «не хватает постоянного регулярного, напряженного, революционного руководства» [15. Ч. 1. С. 84]. «В ЦК должны влиться свежие пролетарские силы. Имеющиеся еще ревизионистские элементы должны быть изжиты», — наставлял Зиновьев [15. Ч. 1. С. 84]. В «Тезисах по вопросам тактики» подчеркивалось, что КППЧ «не сумела до сих пор стать еще настоящей большевистской партией» [15. Ч. 2. С. 51]. В связи с принятым

конгрессом курсом на большевизацию коммунистических партий КПЧ предписывалось: «прежде всего выправить теоретическую линию партии», подготовить партийные массы «идеологически и организационно для ведения решающей борьбы», «в деле проведения тактики единого фронта бороться против правых уклонов, целиком стать на почву решений V конгресса и решительно их проводить», «оживить деятельность ЦК, сделать руководство более постоянным, напряженным и энергичным» и т.д. [15. Ч. 2. С. 51–52].

Обращаясь с приветственным письмом к делегатам II очередного съезда КПЧ (31 октября – 4 ноября 1924 г.), Зиновьев вновь обрушился с критикой в адрес руководства партии. КПЧ обвинялась в провинциализме. «Пора, пора покончить с провинциализмом. Пора, пора такой могучей партии, как чехословацкая компартия, выходить на широкую дорогу действительного большевизма. Нельзя допустить того, чтобы чехословацкая партия стояла в стороне от столбовой дороги больших мировых вопросов, волнующих Коминтерн», – призывал Зиновьев [13. Ф. 324. Оп. 1. Д. 546. Л. 178]. Он требовал создания такого Центрального комитета КПЧ, который был бы «большевистским не на словах, а на деле, который проводил бы линию пятого конгресса Коминтерна не только из дисциплины, но и по убеждению, который включил бы в себя свежие рабочие силы, раз навсегда положил конец “дипломатии”, словом двинул бы вперед дело коммунизма в Чехословакии» [13. Ф. 324. Оп. 1. Д. 546. Л. 176].

Коммунистические выступления в Германии осенью 1923 г. и активная деятельность Коминтерна оказали отрицательное влияние на международные отношения в Центрально-Восточной Европе. Причастность СССР к событиям 1923 г. в Германии привела к ухудшению советско-германских отношений, что вынужден был признать и нарком иностранных дел СССР Г.В. Чичерин. 12 февраля 1924 г. в письме советскому полпреду в Берлине Н.Н. Крестинскому он писал: «Тяжелое состояние наших нынешних отношений с Германией есть прямой и, в сущности, неизбежный результат того, что произошло за осенние месяцы». Нарком просил Крестинского сообщить, какие, по его мнению, «меры и шаги лучше всего и скорее всего могли бы облегчить это тяжелое положение» [6. Ф. 04. Оп. 12. П. 82. Д. 50019. Л. 17]. Сам Чичерин считал, что в создавшейся ситуации во внешней политике СССР необходимо «побольше многосторонности, не надо одной односторонней зависимости». «Именно в настоящий период всеобщих осложнений, – писал Г.В. Чичерин Н.Н. Крестинскому 11 августа 1924 г., – нам больше, чем когда-либо, нужны широкие контакты и разнообразные связи в целях информирования себя и других и распространения нашего влияния» [6. Ф. 04. Оп. 12. П. 82. Д. 50019. Л. 74].

Однако серьезным препятствием для успешной работы Наркомата иностранных дел продолжала оставаться деятельность советского партийного руководства и Коминтерна. В тот самый день, когда Чичерин писал Крестинскому о необходимости расширения контактов с государствами Центральной Европы, правительство ЧСР направило СССР ноту протеста в связи с античехословацкими призывами в советской прессе. Речь шла о публикации в газетах «Известия» и «Правда» выступления «товарища Васильева» на V конгрессе Коминтерна, который призывал к отторжению Подкарпатской Руси от ЧСР и присоединению ее к СССР, и резолюции конгресса, открыто подталкивавшей КПЧ к революционным выступлениям против существовавшего в ЧСР строя. В чехословацкой ноте отмечалось, что эти действия не совместимы с буквой и духом «договоров, заключенных между ЧСР и РСФСР и ЧСР и УССР, которые действительны теперь и для взаимных отношений между Чехословацкой Республикой

и Союзом Советских Социалистических Республик» [6. Ф. 04. Оп. 43. П. 278. Д. 53975. Л. 12–13]. Подстрекательская деятельность Москвы побудила чехословацкое правительство в 1924 г. в очередной раз отложить признание СССР. Более того, ЧСР оказывала сдерживающее влияние в этом вопросе на другие страны Малой Антанты, советовала Австрии не «забегать вперед» в развитии отношений с Советским Союзом [6. Ф. 0138. Оп. 5. П. 104. Д. 28. Л. 2].

Таким образом, курс советского руководства и Коминтерна на подталкивание революции в Германии, которая должна была вызвать коммунистические выступления в соседних странах, оказался бесперспективным. Он отрицательно сказался на международном престиже СССР, ставил под сомнение искренность внешнеполитических инициатив Москвы, привел к охлаждению в советско-германских отношениях, препятствовал полноценному развитию отношений с Чехословакией и другими государствами Центрально-Восточной Европы.

ЧСР не без оснований была встревожена революционными выступлениями в Германии, поскольку они представляли угрозу ее конституционному строю и государственной целостности. Наблюдая за событиями 1923 г. в Германии, Прага убедилась в неустойчивости ее демократической системы, в ненадежности СССР как партнера на международной арене, что вынудило ее искать более тесного союза с западными державами, прежде всего с Францией и Великобританией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Archiv Ministerstva zahraničních věcí. Praha.
2. *Alexander M.* Die Tschechoslowakei und die Probleme der Ruhrbesetzung 1923 // Bohemia. Jahrbuch des Collegium Carolinum. München, 1971. Bd. 12.
3. Archiv Ústavu T.G. Masaryka. Praha. E. Beneš. Oddělení I. Kr. 189. Sign. R327d/4 b.
4. Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы. М., 2004.
5. *Давидович Д.С.* Гамбург на баррикадах. М., 1985.
6. Архив внешней политики Российской Федерации.
7. «Назначить революцию в Германии на 9 ноября» // Источник. 1995. № 5.
8. *Deutscher Oktober 1923. Ein Revolutionsplan und sein Scheitern.* Berlin, 2003.
9. *Бабиченко Л.Г.* Политбюро ЦК РКП(б), Коминтерн и события в Германии в 1923 г. Новые архивные материалы // Новая и новейшая история. 1994. № 2.
10. *Зубачевский В.А.* Политика России в отношении восточной части Центральной Европы (1917–1923 гг.): геополитический аспект. Омск, 2005.
11. *Черноперов В.Л.* Дипломатическая деятельность В.Л. Коппа и подготовка большевиками «германского Октября» в 1923 г. Иваново; Н. Новгород, 2006.
12. *Мельтохов М.И.* Красная армия и несостоявшаяся революция в Германии (1923 г.). М., 2013.
13. Российский государственный архив социально-политической истории.
14. *Protokol II. Řádného sjezdu Komunistické strany Československa 31 X.–4 XI.1924.* Praha, 1983.
15. Пятый всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. 17 июня – 8 июля 1924 года. Стенографический отчет. М.; Л., 1925. Ч. 1–2.

© 2018 г. А. ЖИВОТИЧ

ЮГОСЛАВСКО-СОВЕТСКИЙ КОНФЛИКТ И ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ЮГОСЛАВИИ (1948–1953 годы)

В работе на основе доступных югославских и советских архивных материалов анализируется положение и численность русской эмиграции на протяжении первого послевоенного десятилетия: адаптация к новой жизни при социализме, создание новых организаций, восстановление связи с родиной, преследования в период югославско-советского конфликта и исчезновение русской эмиграции как организованного сообщества.

Based in the available Yugoslav and Soviet archives, the article scrutinised the position and number of the Russian emigration during the first post-War decade, such as their adaptation to the new life under Socialism, foundation of new organisations, restoration of connections with the homeland, prosecutions during the Yugoslav-Soviet conflict, disappearance of the Russian emigration as an established community.

Ключевые слова: русские, эмиграция, Югославия, Советский Союз, коммунизм, Информбюро.

Keywords: Russians, emigration, Yugoslavia, Soviet Union, Communism, Informbureau.

Конфликт между Югославией и государствами, находящимися под влиянием Информбюро во главе с СССР, который начал разгораться в 1948 г., положил конец близким советско-югославским отношениям в области политики, идеологии и военного сотрудничества. На смену прежним союзническим отношениям пришло всеобъемлющее противостояние, которое наложило отпечаток не только на межгосударственные связи, но и на судьбы отдельных людей (о советско-югославском конфликте см. [1]). В крайне неблагоприятной ситуации оказались русские эмигранты, которых после окончания войны и десятилетий разлуки с отечеством Советский союз начал принимать обратно, запустив процедуру предоставления гражданства. Спустя годы, проведенные в Югославии, они снова решали дилемму – остаться и окончательно ассимилироваться в югославской, преимущественно сербской, среде или, принимая удары государственных репрессий, решиться на отъезд в СССР. Это сам по себе был путь в неизвестность – в политическую и идеологическую обстановку, из которой их родители вырвались тридцать лет назад.

Русские эмигранты, волны которых стали прибывать в новосозданное югославянское королевство после победы большевиков в Гражданской войне, обрели на Балканах не только убежище, но и свое новое отечество. Из реки русских беженцев в 2 млн чел. около 44 000 оказались на территории Королевства

Животич Александр – д-р ист. наук, профессор Белградского университета.

сербов, хорватов и словенцев. Часть их продолжила путь в страны Центральной и Западной Европы, а около 27 000 чел. осели в югославской и сербской среде. Традиционно дружеские и близкие отношения сербского и русского народов, теплота белградского и в целом сербского общества, духовная близость — все это побудило многих русских эмигрантов сделать Белград и Сербию своим постоянным пристанищем. Сербия и Югославия многим обязаны тем русским, кто трудился на ниве науки, культуры, здравоохранения, военной службы, промышленного производства, журналистики и т.д. Огромное количество памятников, художественных произведений и научных достижений служат свидетельством того вклада, который они внесли в развитие своей новой среды обитания (о русских эмигрантах в Югославии см. [2]).

Переломным моментом в судьбе русских эмигрантов стало вступление Югославии во Вторую мировую войну и, особенно, нападение Германии на Советский союз. Многие из них, кого опьянили и ввели в заблуждение военные успехи Германии, считали, что ее вероятная победа покончит с властью большевиков и откроет им путь на родину. Поэтому немало русских эмигрантов, в основном бывших офицеров, поступили на службу в вермахт. В сентябре 1941 г. появилось несколько добровольческих отрядов численностью около 2 000 человек, укомплектованных в основном людьми немолодыми — ветеранами Гражданской войны. В январе 1942 г. эти формирования преобразованы в Русский охранный корпус, имевший в составе два полка по 1500–2000 человек каждый. К концу года Корпус разросся до пяти полков. Его части распределялись по всей Сербии с целью поддержания безопасности на шахтах и транспортных узлах. В 1943–1944 гг. Корпус участвовал в ряде операций против партизан в Сербии. Потерпев, в конце концов, сокрушительное поражение, он отступил в Славонию и Посавину. Последние его остатки были полностью уничтожены в апреле 1945 г. в ходе боев с Красной армией на территории Славонии (см. [3]).

Меньшая в численном отношении, но все-таки значительная часть русской эмиграции встала на сторону антифашистов. Прежние связи с советской разведкой и органами безопасности многих побудили к тому, чтобы присоединиться к партизанам или сформировать подпольные организации. Некоторые, как, например, Федор Махин и Владимир Смирнов (см. [4]), заняли руководящие позиции в партизанском движении. Подпольная белградская организация «Союз советских патриотов», служившая центром объединения русских эмигрантов, особенно инженеров, придерживалась четкого антифашистского курса и заявляла о приоритете патриотических чувств над идеологическими различиями и противоречиями (см. подробнее [5]).

Однако большая часть русских эмигрантов в годы войны занимала пассивную позицию. Выполняя свои рутинные обязанности или отправляясь каждый день на службу в те или иные органы правительства генерала Недича, они были далеки от любых форм вооруженной борьбы. Приход в Сербию основных сил партизан осенью 1944 г. и вступление Красной армии на территорию Югославии поставили их перед выбором — остаться в стране и продолжить жизнь в новых идеологических и общественных условиях, или бежать, спасаясь от наступающих коммунистов. Разумеется, для тех, кто служил в квислингских вооруженных формированиях или административных органах, никакой дилеммы не существовало. В этой ситуации большинство русских эмигрантов решили уехать из Югославии. Высокий уровень смертности во время войны, а также массовое бегство от Красной армии привели к тому, что на момент окончания войны в Югославии осталось около 10 000 русских эмигрантов.

Для них наступил период полной неопределенности. Все представители русской диаспоры несли бремя коллективной ответственности и подвергались общественному осуждению за то, что многие их соплеменники принимали участие в войне на стороне немцев. Большинству тех, кто решил остаться, пришлось столкнуться с подозрительностью новых властей, которые русскую эмиграцию воспринимали исключительно через призму идеологии. Для них она была контрреволюционной силой, а также опасным идеологическим и политическим противником. Неудивительно, что после освобождения столицы в октябре 1944 г. последовало распоряжение об обязательной регистрации русских эмигрантов, осуществлявшейся в рамках общей регистрации иностранных граждан. Все русские, безотносительно пола и возраста, кто явился в органы власти, подверглись аресту. По городу пронесся слух, будто всю русскую общину объявят коллективным военным преступником. Вскоре к властям обратился Союз советских патриотов, заявивший, что русские, оставшиеся в стране, не имеют грехов ни перед сербским, ни перед русским народом, а те, у кого «руки в крови», сбежали вместе с немцами [5. С. 271–273]. Неизвестно, в какой мере это обращение повлияло на власти, однако вскоре всех задержанных русских отпустили. Одновременно 22 февраля 1945 г. уполномоченный СНК СССР по делам репатриации со страниц ежедневной газеты «Политика» обратился ко всем советским гражданам, оказавшимся по той или иной причине в Югославии, с призывом явиться в советское представительство в Белграде, дабы начать процедуру возвращения на родину [6]. Этим шансом решили воспользоваться не только бывшие военнопленные, узники концлагерей и прочие перемещенные лица, но и многие эмигранты¹.

Сам Союз советских патриотов непосредственно по освобождении Белграда въехал в здание Русского дома и приступил к устранению в нем следов боевых действий. Для написания портретов советских руководителей привлекли группу русских художников, занялись также подготовкой празднования годовщины Октябрьской революции и чтением лекций о марксизме, материализме и жизни в СССР. Советское посольство заняло большую часть Русского дома, в котором, помимо лекций, стали проходить различные собрания, на которых русских эмигрантов в интересах советских спецслужб ставили на учет, выдавали им карточки, подвергали идеологической обработке и т.д. Под влиянием советского посольства официальный Белград изменил отношение к русской эмиграции, свидетельством чего стало основание Общества граждан, происходивших из СССР, которое весной 1945 г. было зарегистрировано в югославском Министерстве внутренних дел. После этого белградский Отдел жилого фонда выделил обществу в качестве служебного помещения квартиру на ул. Проте Матее.

Задача новосозданного общества состояла в том, чтобы объединить все «прогрессивные русские силы в Демократической федеративной Югославии», приблизить их к СССР посредством культурно-просветительской деятельности, а также «познакомить жителейДФЮ с культурными достижениями СССР». Для этого следовало организовывать лекции и семинары о литературе, искусстве, технике, экономике, политике, медицине, вести курсы русского языка, открывать библиотеки и читальни, проводить работу с молодежью. По инициативе Елизаветы Гильотен стали собираться подростки в возрасте от 12 до 18 лет [8. С. 230–232]. Однако всех их арестовали по доносу одного из эмигрантов,

¹ В ходе кампании репатриации в СССР из Югославии вернулся в 1946 г. 451 советский гражданин, в 1947 г. — три, в 1948 г. — 158, а в 1949 г. — 68. Кроме того, через Югославию в 1948–1949 гг. репатриировались 54 советских гражданина из Италии [7. С. 127].

утверждавшего, что они состояли в «Гитлерюгенде». На свободе они оказались только после вмешательства со стороны советского посольства.

В обществе имелись отдельные секции — марксизма, «Правды», физкультурная, экономическая, молодежная. Регулярные мероприятия проводились в зале Союза земледельческих обществ, Народном театре и кинотеатре «Авала» [8. С. 230–232]. Читались лекции о югославо-советских, российско-польских отношениях, все-славянском единстве. Последним крупным торжественным мероприятием стало «Всеславянское вече», которое состоялось в августе 1945 г. в Драматическом театре и на котором присутствовал Моша Пияде. И все-таки интерес к деятельности общества заметно уступал тому интересу, которым у русской эмиграции пользовались условно аналогичные объединения до и во время войны. Объяснялось это тем, что полномочий общество имело немного и не могло реально способствовать улучшению положения русской эмиграции в Югославии. В августе 1945 г. произошла смена правления общества. На смену Тумину и Шепченко пришли новый секретарь Израилов и председатель Рябов, которого вскоре заменил Резников. Новое правление полностью изменило направление деятельности. В отличие от предшественников, старавшихся превратить общество в своеобразный мост между Югославией и СССР, оно видело свою задачу в том, чтобы подготовить русских эмигрантов к возвращению в СССР [5. С. 273–274]. Такая ситуация продержалась вплоть до решения советского правительства предоставить гражданство СССР всем эмигрантам, кто выразил соответствующее желание. Это в корне изменило положение русской общины.

В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1946 г. разрешалась регистрация проживавших в Югославии русских эмигрантов в книгах учета советских граждан. Заинтересованным лицам следовало явиться в советское посольство, взять анкету, а по ее заполнении ожидать решения уполномоченных советских органов. Согласно данным советского МИДа, решение Президиума Верховного Совета вызвало более чем положительную реакцию со стороны русских, находившихся в Югославии. По свидетельству советских дипломатов, всего за несколько дней в посольство пришли более 1 500 русских, которые с воодушевлением восприняли решение о возвращении им гражданства. Группа из 40 русских жителей Загреба обратилась к посольству с письмом, в котором они выразили горячую благодарность отечеству за предпринятый шаг. Послание, помимо прочих, подписали профессора Загребского университета Говядо и Абакумов, ректор консерватории Вакулин, директор библиотеки технического факультета Загребского университета Сикибин, мастер автомастерской 2-й армии Югославской армии Ищенко, а также школьница Шпилева [9. Отдел печати. Оп. 9. Д. 500. П. 172. Л. 27–29].

В связи с известием о возможности получения советского гражданства в концертном зале «Коларац» состоялось собрание более чем тысячи русских эмигрантов. На нем зачитали приветственное письмо профессора химии Белградского университета Пушина, в котором подчеркивалось, насколько новый порядок несравнимо лучше, гуманней и справедливей, чем старый. Кроме того, отмечались заслуги Красной армии, избавившей русскую эмиграцию от ада, в котором она до того пребывала. Затем речь произнес видный представитель русской эмиграции Рябов, который и формально находился во главе ее. Рябов остановился на заслугах Союза советских патриотов, в котором, по его утверждению, во время войны состояло около 120 русских эмигрантов-антифашистов [9. Отдел печати. Оп. 9. Д. 500. П. 172. Л. 22–24]. Говоря о значении русской эмиграции для Югославии, оратор, перечислив основные должности, занимаемые ее представителями, отметил, что только на железной дороге работают

более 200 русских специалистов. Кроме Рябова на собрании выступили школьный учитель истории Прокофьев, рабочий Загорюченко и студентка Волхова. В конце зачитали благодарственное послание Верховному совету, подписанное 275 присутствующими [9. Отдел печати. Оп. 9. Д. 500. П. 172. Л. 26]. Учитывая, что число подписей уступало количеству якобы присутствовавших на собрании, можно предположить, что отчет о его проведении явно преувеличил масштаб всего мероприятия.

Летом 1946 г. анкетирование и принятие решений по запросам о предоставлении гражданства осуществлялись ускоренными темпами. По состоянию на 26 сентября 1946 г. за анкетами в советское посольство явилось около 6 700 эмигрантов, 4 150 человек подали заявления, а гражданство получили около 1 300. Среди последних, в частности, были участники Народно-освободительной борьбы Вруч и Киселев, профессора университета Вакулин, Розов, Игнатовский, Абакумов, Чернявский, Алексеев, доктор экономических наук Говядо, настоятели храмов в Сараеве и Белграде, а также священники подворья московского патриархата [9. Отдел печати. Оп. 9. Д. 500. П. 172. Л. 11]. 3 ноября 1946 г. новоявленные советские граждане провели в зале «Коларац» очередное торжественное собрание, после которого благодарственные телеграммы отправились на имя Сталина, Молотова и Шверника [9. Отдел печати. Оп. 9. Д. 500. П. 172. Л. 8].

Несомненно, большинство русских эмигрантов с воодушевлением встретили решение Верховного совета. В то же время в момент его принятия русская община в Югославии находилась в весьма щекотливой ситуации. Победа коммунистов в освободительной и гражданской войнах открывала им путь к политической монополии в стране, а также к созданию прочного политического, военного и экономического союза с СССР. К тому времени, когда Верховный Совет принял вышеназванное решение, Югославия и Советский Союз уже подписали (11 апреля 1945 г.) Договор о дружбе и сотрудничестве, и их военный союз превратился в политический и идеологический монолит. В этих условиях остаться глухим к призыву родины и продолжить жить в государстве, провозгласившем абсолютное единство с СССР, значило поставить себя в положение потенциального идеологического противника, чего большинство эмигрантов, измученных своим беженским положением, совершенно не хотели. Эти соображения, наряду с искренним патриотизмом, повлияли на их решение воспользоваться возможностью получить паспорт своей страны.

Обретение советского подданства не означало автоматический отъезд. Многие, получившие гражданство СССР, продолжили жить в Югославии [10. С. 191–192]. Близкие отношения между Белградом и Москвой обеспечивали им своеобразную защиту от гипотетических политических и идеологических преследований, а сам по себе советский паспорт де факто ставил его обладателя в привилегированное положение в отношениях с югославскими органами власти. В то же время выдача советских паспортов неизбежно вела к стремительному исчезновению эмиграции как организованного сообщества. Перед русскими открывались два пути: принятие советского гражданства подразумевало, хоть и не напрямую, репатриацию, а сохранение югославского — ассимиляцию.

Ситуацию изменило начало югославо-советского конфликта. Сразу после публикации 30 июня 1948 г. в газете «Борба» резолюции Информбюро (ИБ) «О положении в Коммунистической партии Югославии» прокатилась первая волна арестов и преследований русских эмигрантов, которых, как правило, обвиняли в деятельности в интересах зарубежных стран и против югославского государства. Уже в начале июля арестовали сотрудника предприятия

Югоштампа Александра Маркова, затем и Арсения Боримовича. В следующем месяце свободы лишили Альфреда Видовича Чудновского и Адольфа Адольфовича Штумпфа. В октябре продолжились аресты, в результате чего в заключении оказались Семен Васильевич Папков, который возглавлял районное строительное предприятие в г. Аранджеловац, и студент высшей технической школы Борис Михайлович Запольский. Аресты проводились и в других городах. В том же месяце в Сараеве посадили Сергея Дмитриевича Толмачева, в Нови Саде — Всеволода Борисовича Кондратенко, а в Белграде — Дмитрия Дмитриевича Яковлева [11. 1948. Ф. IX. 1899].

Советский МИД незамедлительно вмешался, потребовав у югославских дипломатических представителей разъяснений, каким образом и почему задержаны советские граждане. 3 сентября 1948 г. Белград ответил, что Арсения Боримовича арестовали за «ведение контрреволюционной пропаганды». Советы заявили, что такое объяснение абсолютно неприемлемо, так как оно не содержит каких-либо конкретных сведений. Советское посольство направило югославским властям ноту протеста и в связи с участием советского гражданина Анатолия Борисовича Золотарева, арестованного за то, что он, работая на животноводческой ферме, не проявлял, якобы, должного усердия. О судьбе Золотарева югославы отказывались давать официальный ответ [11. 1948. Ф. IX. 1907]. 26 октября 1948 г. в условиях эскалации межгосударственного и межпартийного конфликта советское посольство в Белграде направило югославскому МИДу следующие требования: незамедлительно предоставить информацию о причинах задержания советских граждан Папкова, Запольского, Толмачева, Штумпфа, Чудновского, Кондратенко и Яковлева; предоставить представителям советского посольства возможность посетить арестованных советских граждан; незамедлительно проинформировать советское посольство обо всех случаях ареста советских граждан, о которых посольству еще не было известно [11. 1948. Ф. IX. 1907]. Сам факт совпадения по времени перечисленных задержаний и обострения югославо-советских противоречий открывал простор для спекуляций на тему, стали ли репрессии в отношении советских граждан следствием межгосударственного конфликта, или за арестами стояли реальные правонарушения, на которые ранее «закрывали глаза» из-за характера отношений Москвы и Белграда до резолюции ИБ.

На рубеже 1948—1949 гг. последовала новая кампания задержаний советских граждан — бывших русских эмигрантов. Советы обвиняли югославскую сторону в том, что она подвергает их исключительно жестоким преследованиям, что аресты совершаются все чаще, а арестованные месяцами содержатся в тюрьмах без предъявления обвинений, проведения расследования и суда. Утверждалось, что от репрессий пострадали те, кого югославские власти считали поборниками дружеских отношений между Югославией и СССР. Последний протестовал по поводу условий содержания арестованных и неоказания им медицинской помощи. Утверждалось, что югославские власти установили для них особый режим, подразумевавший оголтелый произвол, избиения, голод и болезни. Советским гражданам, даже больным и истощенным, якобы, было запрещено получать продуктовые передачи. Посольство считало, что ни один его протест не был удовлетворен, а положение арестованных ухудшается день ото дня [9. Ф. 144. Оп. 8. Д. 6. П. 15. Л. 63]. Дипломаты неоднократно настаивали на изменении условий содержания заключенных, а также освобождении тех, кого, по их мнению, арестовали незаконно [12. 27 VI]. Действительно, положение русских эмигрантов в югославских тюрьмах не соответствовало тем международным

обязательствам, которые приняли на себя югославские власти. В то же время в тех же условиях содержались и осужденные югославские граждане, поэтому отношение к русским заключенным не выходило за рамки практики, сложившейся в послевоенной Югославии. В процессуальном отношении наблюдалась та же картина. Югославских граждан, арестованных по линии Информбюро, держали в тюрьмах без предъявления обвинения, ясного расследования и судебного процесса (об условиях в югославских тюрьмах и отношении к политическим заключенным см. [13]).

Как правило, арестованных русских эмигрантов держали в тюрьме от полугода до полутора лет, чтобы потом в ходе скоротечного судебного процесса приговорить их к тому сроку, который они уже отсидели. После оглашения приговора их выпускали на свободу с условием, что они в течение полугода должны навсегда покинуть Югославию. Эта участь ожидала и прославленного ученого, историка и правоведа Александра Соловьева, который на момент ареста в 1949 г. возглавлял юридический факультет Сараевского университета. Его подозревали в том, что он получил от делегации болгарских коллег текст резолюции Информбюро. Вместе с Соловьевым арестовали и его супругу Наталью. Следствие продолжалось полгода. После этого Соловьева перевели в тюрьму в г. Сремска Митровица, где он провел еще год в ожидании суда. Супругу после шести месяцев разбирательств отпустили ввиду отсутствия доказательств вины, а малолетний сын Соловьевых по имени Александр все это время оставался сам по себе. Бывшего декана в 1951 г. осудили на 18 месяцев, сколько он и провел в заключении. Во время суда Соловьев сослался на честное слово офицера, который его допрашивал и которому он признался, что получил текст резолюции, но сразу его уничтожил, чтобы избежать проблем. После суда ученому было велено убраться из страны, что он и сделал. Университетскую карьеру Соловьев продолжил в Женеве [14. С. 378–390].

Советская сторона решительно протестовала против получившей распространение практики изгнания советских граждан – прежних русских эмигрантов – после отбытия ими наказания в югославских тюрьмах. Утверждалось, что югославские власти без каких-либо законных оснований притесняют и арестовывают советских граждан, которые проживают в Югославии на постоянной основе. Советское посольство в Белграде располагало сведениями, что обладателям паспортов СССР систематически предлагается принять югославское гражданство. Многим пришлось пойти на этот шаг под принуждением. Тех же, кто отказывался, арестовывали, увольняли с работы и изгоняли из страны [9. Ф. 144. Оп. 33. П. 134. Д. 10. Л. 98–99]. Югославские дипломаты пытались опровергнуть эти обвинения и утверждали, что преследованиям подвергаются не какие-то сторонники югославно-советской дружбы, а бывшие члены квислингских формирований и агенты иностранных разведок. Подчеркивалось, что речь идет о представителях белогвардейской эмиграции, которые «из-за своей контрреволюционной деятельности вынуждены были бежать из СССР, чтобы продолжить ее под защитой реакционного режима старой Югославии». Во время Второй мировой войны они предстали врагами как СССР, так и «революционной борьбы народов Югославии», и в качестве таковых встали на сторону фашистских оккупантов. Например, указывалось, что Арсений Боримович, занимая должность заместителя государственного обвинителя в г. Травник, в ходе войны плотно сотрудничал с оккупантами, несколько раз выдвигал обвинения против участников партизанского движения, которых после этого расстреливали. Боримович в военные годы работал в связке с председателем суда Видневичем,

майором Креном и шефом полиции Независимого государства Хорватия в Сараеве Туком. Подчеркивалось, что по завершении войны обвиняемый вступил в связь с «врагами ФНРЮ, осуществлял пропаганду против Югославии и Советского Союза, агитировал против распространения облигаций народного займа и публично утверждал, что советские власти не заинтересованы в возвращении на родину русских эмигрантов, которые, будучи интеллектуалами, стали бы настраивать простой народ против режима» [11. 1949. Ф. IX. 413273. С. 1].

Анатолий Золотарев обвинялся в том, что, будучи техническим руководителем государственного животноводческого хозяйства «Красные холмы», расположенного в окрестностях г. Неготин-на-Вардаре, совершил диверсию, результатом которой стал массовый падеж скота. Государству якобы был нанесен ущерб, оцененный в миллион динар. Животноводу-технологу также ставили в вину то, что он намеревался скомпрометировать государственный сельскохозяйственный сектор «и лил воду на мельницу» «кулацких элементов и их пропаганды против социалистической реконструкции села в ФНРЮ» [11. 1949. Ф. IX. 413273. С. 1]. Если Боримовича и Золотарева судили за саботаж и пропаганду, то Владимиру Поплавскому предъявили обвинение в создании подпольной молодежной террористической организации, строившей планы покушения на руководителей Югославии, а также свержения ее государственного строя. Кроме этого, в списке преступлений значилось написание и распространение листовок деструктивного характера [11. 1949. Ф. IX. 413273. С. 1].

Среди арестованных имелись и женщины. Наталья Киселевской инкриминировалась многолетняя контрреволюционная деятельность, которую она начала, будучи еще санитаркой в армии Врангеля. А в тюрьму она попала за откровенную, якобы, поддержку резолюции Информбюро и пропаганду насильственного свержения государственного строя. По аналогичному обвинению в заключении оказался и Семен Папков, о котором сообщалось, что во время войны он тесно сотрудничал с оккупантами, а после публикации резолюции ИБ сообщал представителям одной зарубежной державы ложные сведения о положении в Югославии, а также попытался, действуя в интересах иностранной разведки, завербовать кадрового военнослужащего. За пропаганду против югославского государства и его устройства, а также сотрудничество с иностранной разведкой и контакты с иностранцами, интересовавшимися положением в Югославии, арестован и Всеволод Кондратенко. Работа на иностранную разведку также инкриминировалась Валентину Берникову и Алексею Леонову [11. 1949. Ф. IX. 413273. С. 2].

Приблизительно в том же обвинялись и прочие советские граждане. Федор Саламов — в том, что во время войны служил в гестапо и активно работал на немецкую разведывательную службу, поддерживая постоянные связи с офицерами гестапо Шубертом и Бондарчуком. За преступления, совершенные во время войны на территории Югославии, арестован Петр Оранский, которого, в частности, уличили в том, что он участвовал в массовом расстреле в г. Крагуевац в 1941 г. Подчеркивалось, что вся его семья оказывала содействие оккупантам. В частности, отец и брат получили сроки за участие в акциях оккупационных сил, а сам Оранский помогал «отцу и брату в их вражеской деятельности». После их ареста он продолжил активно бороться с новым государственным устройством. Как и Оранский, Николай Новосельцев тоже арестован за связь с бывшим белогвардейским офицером и агентом гестапо Петровским, а также за то, что по завершении войны он продолжил действовать во вред Советскому союзу и Югославии. В качестве наиболее тяжкого проступка преподносилось то, что Новосельцев подрывал основы югославского государства после публикации резолюции ИБ [11. 1949. Ф. IX. 413273. С. 2].

Широкий резонанс вызвало дело священника Василия Козлицева, который, якобы, с марта 1947 г. был связан с подпольной организацией ВМРО. Он обвинялся в том, что участвовал в подпольном движении, которое ставило целью разрушение террористическими средствами государственного строя как в ФНР Югославия, так и в НР Македония, которую планировалось отделить и превратить в «самостоятельное» государство во главе с Ванчо Михайловым. В качестве члена организации Козлицев, якобы, должен был оглашать в церкви приказы ее штаба, участвовать в создании подпольной сети на местах, собирать продовольствие и деньги, а также предоставлять убежище «бандитам» [11. 1949. Ф. IX. 413273. С. 2]. В ноябре 1949 г. состоялся суд над русскими священниками — протоиереем и первым священником подворья Московской патриархии в Белграде Владиславом Григорьевичем Неклюдовым и настоятелем русской православной общины в Сараеве Алексеем Федотовичем Крижко, которым предъявили тяжкое обвинение в шпионаже и контрреволюционной деятельности. Крижко, прибывший в Сараево в 1930 г., запомнился тем, что исключительно деятельно окормлял русскую общину, особенно молодежь [15. С. 96—98, 225]. Среди его достижений — создание церковного хора и проведения ряда культурных и спортивных мероприятий. Во время судебного процесса Неклюдов, якобы, совершил самоубийство, а Крижко получил многолетний срок, как и священник Родзянко, которого впоследствии освободили. Сербский патриарх Гаврило Дожич не верил в официальную версию смерти Неклюдова, о котором, как и о Крижко, он имел самое лестное мнение [9. Ф. 7. Оп. 233. П. 44. Д. 426. Л. 1—2]. Если Крижко и Родзянко приговорили к восьми годам, то с Неклюдовым происходили совсем удивительные вещи. По словам его адвоката, его до вынесения приговора перевели в белградскую тюрьму и поместили в комфортную камеру-одиночку. Тогда же ему сообщили, что вскоре освободят. За это от него потребовали подписать заявление, что он не имеет ничего против югославских органов безопасности. Ему также предложили, пока не выполнены связанные с освобождением формальности, написать письмо супруге [16. Л. 2—7]. Остается неизвестным, повесили ли его сотрудники безопасности, или он сам, будучи честным человеком, покончил с собой, не видя выхода из этического тупика, в котором оказался.

Был арестован и Александр Калашников, которого до войны в бытность его чиновником Главной дирекции железных дорог привлекали к уголовной ответственности за подделку финансовых документов. Теперь его обвиняли в том, что во время войны он сотрудничал с Драги Йовановичем и Специальной полицией, а после — с одной иностранной разведкой. Николай Страдецкий оказался под арестом по обвинению в работе в военные годы на немецкую разведку. Кроме того, на Восточном фронте он служил во вспомогательной полиции и отрядах СС, а также писал в качестве временного корреспондента немецких газет репортажи о восторженном приеме немецких войск населением Советского союза и царившей в нем нищете. Югославская полиция арестовала и бывшего военного секретаря командира Русского охранного корпуса Андрея Филипенко, которому вменили в вину то, что он вербовал среди русских эмигрантов добровольцев для корпуса, сражавшегося с Красной армией и Народно-освободительной армией Югославии, а также тесно сотрудничал с оккупационными властями и, вообще, являлся доверенным лицом германского командования в Белграде. То же самое утверждалось в отношении Алексея Крижко, который, якобы, до войны шпионил в пользу иностранной разведки, а с ее началом работал на гестапо и агитировал за вступление в Охранный корпус. Среди задержанных имелись лица с действительно подмоченной репутацией, как, например, певица и проститутка в ресторане «Казбек» Сусанна Велубекова, которая

после публикации резолюции Информбюро открыто выступала и осуществляла пропаганду, направленную против государственного строя Югославии. Чтобы обвинительное заключение прозвучало убедительней, в нем указывалось, что Велубекову после войны уже брали за кражу и занятие проституцией [11. 1949. Ф. IX. 413273. С. 2].

От карающего меча революции в 1949 г. пострадал и известный художник, основоположник жанра комиксов в Югославии, а кроме того, зять генерала Апухтина Юрий (Джордже) Лобачев [17. С. 34–35], которого обвинили в том, что он работал на германский пропагандистский аппарат [11. 1949. Ф. IX. 413273. С. 3], а именно публиковал в газетах карикатуры на СССР, Красную армию и лично Сталина. Несколько месяцев Лобачев провел в тюрьме, а затем его и еще несколько русских семей депортировали в Румынию, откуда он перебрался в Советский Союз [10. С. 202–203]. Умер он в Санкт-Петербурге в 2002 г.

В описываемое время еще один из членов Союза советских патриотов подвергся репрессиям. Врача Владимира Лебедева, состоявшего на службе в Югославской армии с 1944 г., сначала демобилизовали в чине майора, а затем в 1951 г. арестовали по обвинению в шпионаже в пользу СССР. Ранее, в 1949 г., арестовали и его старшего сына Александра. В 1955 г. Лебедева-старшего выпустили после нескольких лет, проведенных в лагере на Голом отоке. Он присоединился к семье, которая чуть ранее прибыла в СССР. Схожая участь ожидала и некоторых его соратников по народно-освободительной борьбе — филолога Илью Голенищева-Кутузова и биолога Кирилла Мартино. Первого после белградского процесса 1951 г. отправили на Голый оток, где он находился до 1954 г., а второй девять месяцев провел в тюрьме, а после освобождения в 1950 г. вместе с семьей был выслан в Болгарию. Их товарищ Гребенщиков избежал тюрьмы, но его все равно в 1950 г. изгнали из страны. После нескольких лет, проведенных в Чехословакии, он в 1956 г. переехал в СССР [18. С. 187–188].

Что касается советских обвинений, югославское правительство с возмущением их отвергало, пытаясь с помощью документов доказать, что репрессии затрагивают людей с сомнительным прошлым, противников социалистического строя и неприкрытых врагов Югославии и Советского Союза. Белград полагал, что Москве следует официально от них дистанцироваться и осудить их деятельность. Часто подчеркивалось, что речь идет не о советских, а о югославских гражданах, которые, может быть, и получили советские паспорта, но так и не заявили официально о выходе из югославского гражданства. Поэтому позицию советской стороны можно расценивать как вмешательство во внутренние дела Югославии [11. 1949. Ф. IX. 413273. С. 3].

Москва не отрицала «неподобающее военное прошлое» русской эмиграции, однако настаивала на разъяснениях, почему Белград заговорил о нем именно в момент острого межгосударственного конфликта и спустя четыре года после того, как югославское и советское правительства вместе решили простить прежние «грехи» русской эмиграции, твердо вставшей на сторону антифашистской коалиции. Югославские власти снова уличались в том, что арестовывают только тех эмигрантов, которые приняли советское гражданство. В то же самое время известные белогвардейцы Жуков, Котляров и Унковский не только не пострадали, но и занимают высокие должности в югославских государственных учреждениях. Поэтому советское правительство полностью отвергало ссылки на военное прошлое русских эмигрантов как обоснование репрессий в их отношении. Одновременно было озвучено требование срочно выпустить на свободу русского эмигранта Додонова, которого по политическим соображениям сняли

с должности технического руководителя лакокрасочной фабрики «Дуга». Когда уволенный пожаловался главе химической промышленности Сербии Будисавлевичу, его арестовали и под давлением заставили признаться, что он является сторонником Информбюро и в качестве такового расклеивал по фабрике соответствующие плакаты. В тюрьме Додонов стал жертвой жестокого обращения. Советы требовали отпустить и советских гражданок Демиденко и Стрелькачеву, которых также пытали, дабы выбить из них признание в поддержке резолюции Информбюро и сборе информации в интересах СССР [12. 21 VIII].

На рубеже 1949/50 гг. русские эмигранты подверглись особо жесткому давлению со стороны югославских властей. Их поставили перед выбором — принимают они югославское гражданство или нет. Всех тех, кто отказывался, помимо того, что увольняли с работы и предоставляли 5–10 дней, чтобы уехать из Югославии, лишали продовольственных карточек, а квартиры отдавали другим людям. Посреди зимы в таком положении оказались люди с маленькими детьми, пожилыми родителями-инвалидами. В отчаянии они обращались в консульский отдел советского посольства в Белграде, которое, увы, не имело возможности предоставить им какую-либо помощь. Поступало огромное количество заявок на предоставление виз для отъезда в СССР и другие страны «народной демократии». За инертность советские власти критиковались даже их собственными дипломатическими и консульскими представителями в Белграде. Те призывали свое начальство в Москве принять необходимые меры, чтобы улучшить абсолютно унижительное положение, в котором находились в Югославии русские эмигранты, ставшие советскими гражданами [9. Ф. 21. Оп. 4. П. 9. Д. 246. Л. 2–5]. Собранные из них большие группы часто препровождались до границ той или иной страны «народной демократии», которая, случалось, отказывалась их принять. Это использовалось в пропагандистских целях югославским правительством, заявлявшим, что советским властям нет дела до своих граждан, которые нужны им только для шпионажа.

С весны 1950 г. стартовала широкомасштабная агитационная кампания по убеждению русских эмигрантов в том, что им следует отказаться от советского гражданства и принять югославское. Одним из тех, кто так и поступил, стал профессор и авторитетный специалист по церковному праву Сергей Троицкий, который принял югославское гражданство и продолжил работать в стране. Несмотря на свой пенсионный возраст, он участвовал в ряде капитальных проектов Сербской академии наук и искусств. Советская сторона утверждала, что Троицкий отказался взять советский паспорт из страха потерять пенсию, а также из-за детей, которые хорошо устроились при новом режиме [16. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 734. Л. 2–7].

Вследствие югославо-советского противостояния в тяжелом положении оказался и генерал Владимир Смирнов — начальник Управления военной промышленности и строительства Министерства народной обороны, в годы войны героически сражавшийся в боях на р. Неретва. С одной стороны, для югославского военного руководства он был незаменим как редкий технический специалист, а с другой — он вызывал серьезные подозрения как русский по происхождению. Поэтому последовало быстрое «превентивное» решение — с начальника управления его понизили до главного инженера Генеральной дирекции военного строительства. По мнению военного руководства, Смирнов подходил для новой должности, во-первых, потому, что для нее требовалось намного больше технических знаний (имевшихся у него), чем для поста начальника, а во-вторых, потому, что в новом качестве он не мог влиять на

политику ведомства и сам находился под контролем со стороны главы дирекции. Несмотря на безупречное военное прошлое Смирнова, русское происхождение в известном смысле его компрометировало, хотя он и не поддерживал близких контактов с советскими военными и гражданскими представителями. Недоверие к нему становилось особенно заметным, когда стало казаться, что Югославии грозит советская интервенция. Смирнов в это время, de facto, возглавлял военно-строительное ведомство, осуществлявшее сооружение подземных командных пунктов и бункеров, где должны были разместиться центральные и республиканские органы власти в случае войны. В конце 1949 г. сомнения в благонадежности Смирнова усилились, но несмотря на это государственное и военное руководство согласилось с его планом строительства вышеописанных укрытий [19. К. 539. Ф. 2. РБ14; 20. С. 359–364]. До июня 1958 г. он занимал должность, на которой отвечал за строительство военных объектов как общего, так и специального назначения. В результате реорганизации Смирнов был назначен заместителем начальника Строительного управления Югославской народной армии и одновременно произведен в чин генерал-подполковника. По старости вышел на пенсию в 1960 г. [19. КПП. 170371].

Конфликт Югославии и Советского союза, по сути, predetermined судьбу русской эмиграции как организованной общности людей. Межгосударственное противостояние вызвало новую волну миграции русских. Вынужденно покидая Югославию, кто-то уезжал на Запад, кто-то — на родину. Оставшиеся подверглись неизбежной ассимиляции. Уже второе поколение потомков эмигрантов первой волны, живя в сербском/югославском окружении, утрачивало осознание принадлежности к общине русской эмиграции. Часто потомки русских эмигрантов помнят о своем происхождении, но уже не знают русского языка и не интересуются Россией. Сербская и югославская культура в неоплатном долгу перед теми, кто остался жить и работать в Белграде и Нови Саде, — перед профессорами Острогорским, Троицким и Санниковым, генералом и инженером Владимиром Смирновым, режиссером Юрием Ракитиным, балериной Ниной Кирсановой, а также перед многими другими выдающимися врачами, инженерами, переводчиками...

Перевод с сербского языка А. Силкина

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Аникеев А.С.* Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США и начальный период холодной войны (1945–1957). М., 2002; *Дедиџер В.* Изгубљена битка Јосифа Висарионовича Стаљина. Ријека, 1982; *Гуренко Ю.С.* Сталин–Тито. М., 1991; *Mates L.* Međunarodni odnosi socijalističke Jugoslavije. Beograd, 1976; *Petranović B.* Balkanska federacija 1943–1948. Beograd, 1991; *Petranović B., Dautović S.* Jugoslavija. velike sile i balkanske zemlje. 1945–1948. Iskustvo «narodne demokratije» kao partijske države. Beograd, 1994; *Петрановић Б.* Југославија на размеђу (1945–1950). Подгорица, 1998; *Петрановић Б.* Велика шизма. Четрдесетосма. Подгорица, 1999; *Štrbac Č.* Svedočanstva o 1948. Fragmenti za istoriju. Beograd, 1989; *Губианский Л.Я.* К истории советско-югославского конфликта 1948–1953: Секретная советско-югославо-болгарская встреча в Москве 10 февраля 1948 года. Ч. 1–4 // Славяноведение. 1991. № 3–4; 1992. № 1; № 3.
2. *Јовановић М.* Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд, 1996; *Јовановић М.* Руска емиграција на Балкану (1920–1940). Београд, 2006; *Миленковић Т.* Калмици у Србији 1920–1944. Београд, 1998; *Јовановић М.* Школовање деце емиграната из Русије у Југославији 1919–1941. Београд, 2004; *Јовановић М.* Беломиграција у Југославији 1918–1941. Београд, 2006. Vol. I–II.
3. *Тимофејев А.* Руси и Други светски рат у Југославији 1941–1945. Београд, 2011.

4. *Тесемников В.А.* Превратности судьбы генерала Ф.Е. Махина // Токови историје. 2008. № 1–2; *Животић А.* Владимир Смирнов (1899–1985). Руски емигрант – југословенски генерал // Војноисторијски гласник. 2016. № 1.
5. *Тимофејев А.* Савез совјетских патриота – Антифашистичка организација руских емиграната у Србији // Токови историје. 2012. № 3.
6. Политика. 1945. 22 II.
7. Советский фактор в Восточной Европе 1944–1953. М., 2002. Т. II (1949–1953).
8. *Гиљотен Е.* Две моје домовине. Успомене Јелисавете Жерардовне Гиљотен. Горњи Милановац, 1991.
9. Архив внешней политики Российской Федерации.
10. *Лобачев Ђ.* Кад се Волга уливала у Саву. Београд, 1997.
11. Дипломатски архив Министарства спољних послова. Политичка архива – строго поверљиво.
12. Известия. 1949.
13. *Светковић С.* Između srpa i čekića. Represija u Srbiji 1944–1953. Beograd, 2006.
14. *Соловјев А.* Историја српског грба и други хералдички радови. Београд, 2000.
15. *Полчанинов Р.В.* Мы, сараевские скауты, – разведчики. Дети белого движения. Югославия 1921–1941. М., 2015.
16. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 734.
17. *Зупан З., Драгинчић С.* Историја југословенског стрипа. Нови Сад, 1986.
18. *Ехина Н.А.* История русского сопротивления еще не написана: к истории Союза советских патриотов в Югославии в годы Второй мировой войны // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М., 2014–2015.
19. ВА. АЈНА.
20. *Терзић М., Басара. М., Тасић Д.* Информбиро и Југословенска (народна) армија. Зборник докумената. Београд, 2015.

© 2018 г. О. А. ЯКИМЕНКО

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ ВЕНГЕРСКОГО ТЕАТРА В ЕГО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ГОСУДАРСТВОМ

В статье рассматривается проблема взаимоотношений театра и государственной власти на примерах из истории венгерского театра. Автор демонстрирует различные формы взаимодействия театра и властных структур и анализирует, каким образом государственная идеология может влиять на театральные практики.

The article examines how theater interacts with the state based on the cases borrowed from the history of Hungarian theater. The author demonstrates various ways of such interaction and explores how state ideology may affect theatrical practices.

Ключевые слова: венгерский театр, театральные практики, венгерская драматургия, система трех «Т».

Keywords: Hungarian theatre, theatrical practices, Hungarian drama, politics of the «three Ts».

Как любой вид искусства, театр может выполнять самые разнообразные функции (эстетическую, гедонистическую, познавательную и т.д.), однако, учитывая его социальную природу и историю существования с античных времен, нельзя не признать: переход от уличного спонтанного театра к театру как национальному (в античном полисе – демократическому) институту, подразумевающему наличие стационарного здания, труппы, устойчивой группы зрителей и, как следствие, экономический аспект, неизбежно выводит на первый план социальную, идеологическую, политическую составляющие.

Даже самые яростные реформаторы театра – такие, как Н.Н. Евреинов с «театром для себя» или Антонен Арто с «театром жестокости» – не отрицали важнейшей общественной функции театра. Выступая за передачу присущих традиционному театру репрезентативных и социальных функций новым медиа – кино, радио, телевидению (сегодня можно было бы добавить Интернет) и рассуждая об идеальном театре Жан Жене в статье «Это странное слово о...» признает: «С самого рождения театра, помимо своих основных функций, каждая пьеса была напичкана интересами политики, религии, морали и всем тем, что превращает драматическое действие в средство дидактики» [1. С. 436].

«Постдраматический театр» Лемана (см. [2]) с его отказом от текстоцентризма и линейных структур и заменой их новыми, внетекстовыми механизмами коммуникации ничуть не отменяет общественную дискуссию и рефлексию.

Якименко Оксана Аркадьевна – старший преподаватель СПбГУ.

Независимо от преобладающей формы существования (а современный театр может быть актуальным и в постдраматической форме, и в традиционной драме, и в откровенно политическом или социальном театре, а также в актуализированном прочтении классического наследия) театр как особый вид культурной коммуникации с большими массами народа так или иначе вступает в диалог с государством, властными структурами. Степень подчиненности театра (экономической и, как следствие, идеологической) может быть разной, в зависимости от политического режима, но подчиненность эта присутствует всегда, ведь именно театр¹ дает власти возможность транслировать свои идеологические предпочтения, и, с другой стороны, финансовая поддержка и относительное невмешательство со стороны государства позволяют театру как социальному институту максимально непосредственно реагировать на актуальные проблемы (зачастую вызывая при этом недовольство того же государства).

Проблема взаимоотношений театра и власти в России на данном этапе не стала еще предметом обширных культурологических или театроведческих исследований, хотя эта тема и затрагивается в ряде статей и монографий (см., например [3]). Среди немногочисленных работ, посвященных современной или относительно недавней истории можно выделить «Разговоры о русском балете» В. Гаевского и П. Гершензона (2010) и неизданную пока рукопись Соломона Волкова «Новая история Большого театра: культура и политика», однако речь в этих книгах идет больше о музыкальном, нежели о драматическом театре.

Сама же тема, при этом, отнюдь не теряет актуальности. Государство сегодня активно заявляет о своих идеологических и эстетических предпочтениях, одновременно пытаясь сделать театр экономически рентабельным. Повышенное внимание государства к идеологической составляющей спектаклей, идущих в государственных театрах («на деньги налогоплательщиков») привело к возникновению конфликтов, подобных истории с постановкой «Тангейзера» в Новосибирском театре оперы и балета (реж. Тимофей Кулябин, 2015). С независимым театром органы муниципальной власти могут расторгнуть договор аренды, театру государственному – урезать финансирование. Продуманное взаимодействие с государственной властью (в худшей ситуации – лавирование) становится для театра залогом выживания.

В этой связи нельзя не признать, что венгерское театроведение оказалось более «оперативным»: в 2007 г. Институт истории театра посвятил один из томов своего «Театроведческого обозрения» теме «театр и политика» [4], а в 2011 г. вышел фундаментальный сборник «Театр и диктатура» [5], авторы которого подробно анализируют отношения театра и политических режимов в Европе, США и СССР в XX в. (для венгерского театра взят период с 1919 по 1962 г.)

Если взглянуть на проблему в исторической перспективе, мы увидим, что практически во всех развитых театральных культурах можно выделить несколько моделей отношений театра и власти, причем в целом ряде случаев эти модели могут быть продуктивными, как, например, в ситуации становления национального театра параллельно с формированием национального государства, так и разрушительными, когда государство не просто навязывает театру темы, но активно вмешивается в художественный процесс, чаще всего притормаживая его.

Какие события в театральной истории Венгрии наиболее ярко характеризуют отношения театра и государственной власти? С какими пьесами и постановками

¹ Театр мы понимаем здесь в широком смысле – как зрелищный вид пространственно-временного искусства, дающий возможность непосредственной коммуникации и взаимодействия со зрителем.

связаны самые острые конфликты, и каким образом эти конфликты разрешались? Как отражаются на репертуарной политике и театральной стилистике властные предпочтения? В попытке ответить на эти вопросы мы выделили ряд явлений, которые, на наш взгляд, лучше всего иллюстрируют логику взаимодействия театра с государственной машиной, причем отдельные составляющие этих явлений (например конкретные пьесы), как мы видим, остаются ключевыми аспектами диалога между властью и театром на протяжении не одного десятилетия.

Венгерская национальная театральная традиция формировалась как сплав внутренних театральных практик, главным образом народных, уличных (в отличие от многих европейских государств до XVIII в. стационарных театров в Венгрии не было) и иностранных школ. Первые попытки воспроизвести на национальной почве европейскую театральную модель относятся к концу XVII в. (венгерский театр в Клуже/Коложваре 1695 г.). Сто лет спустя, в 1790 г. Ласло Келемен открыл первый венгерский театр. Правда, через год этот театр закрыли, а большинство актеров отправились в провинцию, положив начало «бродячему театру». Довольно долгое время основу театрального репертуара составляли иностранные пьесы, поскольку собственной национальной драматургии (как корпуса, а не в виде отдельных пьес) в Венгрии тогда не существовало. Ставились адаптированные варианты итальянских, французских и немецких пьес или либретто. Разыгрывавшие их труппы тоже были, по большей части иностранными. Вслед за первыми более-менее успешными опытами драматургов эпохи Просвещения, сумевших соединить классицистическую традицию с оригинальным культурным элементом (в Венгрии это был Дёрдь Бешшени — автор «Философа» (1777), в России — Денис Фонвизин с его «Недорослем» (1782)), появляются национальные театры, где ставятся комедии, трагедии, драмы, а затем и оперы, написанные уже на национальных языках. Формируется и собственный театральный канон.

Первой и одной из главных пьес этого канона стала трагедия Йозефа Катоны «Бан Банк» (1815). В условиях, когда борьба за независимость Венгрии казалась почти безнадежной после разгрома якобинского заговора (1794–1795), драматург выбирает в качестве сюжета известный эпизод венгерской истории — заговор дворян в 1213 г. против немки-королевы Гертруды. У Катоны убийство королевы вождем национальной оппозиции становится воплощением борьбы народа с чужеземной властью (в отличие от интерпретации того же сюжета в исторической драме австрийского драматурга Ф. Грильпарцера «Верный слуга своего господина»). Пафос борьбы за национальную независимость, пронизывающий пьесу, вообще характерен для венгерской литературы XIX в. При этом Банк у Катоны — не ходячая идея, но сложный и противоречивый человек, наделенный индивидуальностью.

Фигура государственного деятеля, который «свято верит в необходимость создания правового государства в стране, измученной братоубийственными междоусобицами», сохраняет верность верховной власти, видя ее бессилие, и, в итоге, обречен на одиночество (в последней сцене герой произносит финальную реплику, оставшись один в глубине сцены), не теряет актуальности и сегодня. Однако со временем протестная, воплотившая актуальные для своего времени идеи пьеса, а затем и опера² по ней превратились в некий застывший символ: когда в 1928 г. Шандор Хевеши заявил о намерении существенно переработать драму Катоны для юбилейной постановки в честь столетия Национального

² Опера Ференца Эркеля «Бан Банк» на либретто Бени Эгреша (премьера — 1861 г.).

театра «буря негодования дошла до парламента», члены которого выразили недовольство «возмутительными и антинародными» планами [6]. Но если в конце 1920-х годов отход от канонического «исторического» решения казался невозможным, то в 1940 г. Калман Надашди ставит оперу «Банк Банк», стараясь сгладить политический конфликт и антинемецкую риторику, и делает акцент на личной трагедии главного героя, а его жена Мелинда оказывается не жертвой политического убийства, но сама бросается в бурлящую реку [6].

Современный театр постепенно отходит от традиционной трактовки Банка как аллегорического воплощения идеи «венгерской независимости» в условно средневековом антураже и задействует в постановках традиции народных мистерий, ритуалов и фольклорной драмы (Аттила Виднянский, 2002, 2008), пытается актуализировать драму, радикально трансформируя кажущийся слишком архаичным и сложным для восприятия текст Катоны, как в рэп-версии Роберта Альфёльди «Банк Банк — джуниор» (2009) или же обращается к театру-перформансу, играя спектакль в декорации из огромных серых быков как символов «всего венгерского» в версии Шандора Жотера и театра «Кретакёр» (2008).

События 1848—1849 гг. и поражение в борьбе за независимость, габсбургская реакция, цензура и ограничение свобод болезненно сказались на ситуации в венгерском театре. 1850-е — начало 1860-х годов принято считать периодом стагнации венгерской драматургии. Основу репертуара составляли переводные бульварные комедии или признанная зарубежная классика. На этом фоне заметным явлением стала драма в стихах Имре Мадача «Трагедия человека» (1856—1860), Романтико-философская театральная традиция в духе Зыгмунта Красинского и Генриха Ибсена соединилась с буйной фантазией Мадача. С учетом общественно-политических настроений середины XIX в. можно представить, какой энтузиазм могла вызвать пьеса венгерского автора, «замахнувшегося» на всю историю человечества. Коллизия и философское наполнение позволяют сравнить «Трагедию человека» с «Фаустом» Гёте.

Грандиозное произведение Мадача можно назвать драмой лишь с оговорками — драматическая поэма слишком велика в объеме и трудна для постановки из-за обилия сцен, переносящих трех основных героев: Люцифера, Адама и Еву в разные моменты истории человечества³. Уместнее было бы определить жанр произведения как драматическую поэму. Тем не менее, в «Трагедии» есть и элементы, присущие драме: конфликт — противостояние Бога и Люцифера в традициях средневековых мистерий, и Люцифера с человеком; тщательно прописанные характеры: хитроумный софист Люцифер, Адам, страстный в своих попытках реализовать свободу воли и найти разумное объяснение смысла жизни, и женственная Ева.

Сценическая судьба «Трагедии человека» заслуживает отдельного разговора: впервые драма была поставлена лишь спустя четверть века после написания, в 1883 г., в XX в. пользовалась большой популярностью в хортистской Венгрии, а затем в 1947 г. была на семь лет запрещена к постановке как «реакционное» и «антипрогрессистское» произведение, после чего еще несколько раз возвращалась на сцену и попадала под запрет. Примечательно, что главный идеолог культуры времен Матяша Ракоши Йозеф Реваи в своем послесловии к изданию «Трагедии человека» 1960 г. приходит к выводу, что настоящей ошибкой партии был не запрет «Трагедии»

³ Из-за сложности сценического воплощения самой адекватной, на наш взгляд, стала мультипликационная версия «Трагедии человека», над которой режиссер Марцелл Янкович работал с 1988 по 2011 г.

к постановке (хотя сам запрет он считает необходимым), но неспособность предложить истинно марксистское прочтение этого произведения [7].

Серьезность поставленных проблем и безграничный пессимизм автора диссоциировали с общей установкой на развлекательность. В Австро-Венгрии, начиная с конца XVIII в. — начала XIX в. функции драматического представления, в силу политических причин, были практически полностью сведены к увеселению публики. «Венская традиция», развлекательный характер которой был связан с деполитизацией городского общества в эпоху царствования императора Франца I и деятельностью Меттерниха с его шпионами и полицейским надзором, игнорировала острые политические дискуссии и избегала критических рассуждений.

На этом фоне романтизм в венгерском театре постепенно уступает место реалистической пьесе и новым, пограничным жанрам. Автором таких произведений стал Ференц Молнар (1878—1952), сумевший, с одной стороны, адаптировать для венгерского зрителя модную французскую драму, а с другой — привнести в театр новую эстетику, близкую к эстетике кино. В целом, театр межвоенной Венгрии не шел на открытый конфликт с властью, а власть, со своей стороны, не слишком сильно давила на театр. Неудивительно, что одной из самых успешных пьес этого периода стала «Игра в замке» Молнара, «ключевой посыл которой сводился к необходимости обманывать и верить в обман ради спокойной жизни» [8. 138о.].

После полного захвата власти коммунистами в 1948—1949 гг. возникли государственные театральные структуры. Сообразно эпохе труппы государственных театров находились в административном подчинении и собственную репертуарную, политику проводить не могли.

С 1949 по 1955 г. театр впал в некоторое оцепенение. Новое свое ставить было практически невозможно — режим Ракоши, лучшего ученика Сталина, был настолько жесток, что цензура практически все время работала на запрет. Подробно картину взаимодействия театра и власти в этот период описывает в своих воспоминаниях философ, ученица Дёрдя Лукача⁴ Агнеш Хеллер:

«Никогда не забуду Ричарда III в исполнении Тамаша Майора. Больше всего я ходила именно в Национальный театр — там ставили классиков. В остальных театрах шли современные драмы. В одном спектакле по пьесе Шоу, в “Святой Иоанне”, прозвучало “мерзавцы еврей”⁵, или что-то в этом роде. На этих словах кто-то из публики начал аплодировать, после этого с криками «сволочи, нацисты» встали другие зрители, завязалась драка [...] Во времена Ракоши открыто выражать поддержку или протест было нельзя. В театре мы не могли сидеть в одиночестве — мы вместе дышали, вместе кричали, вместе радовались, но потом расходились по домам один на один со своими впечатлениями. Театральное переживание было неполным, оно не имело продолжения. Кто-то ходил в театр ради антракта, когда можно встретиться со всеми и устроить что-то вроде посиделок по интересам. До 53-го народ слишком уж боялся любых бесед на публике, но театр был хорош, давал художественный и политический заряд. До 53-го Тамаш Майор играл Ричарда III как Гитлера, а в 1953—1956 гг. в шекспировском герое угадывался Сталин. После одной из речей Имре Надя слова

⁴ Дёрдь Лукач (1885—1971) — крупнейший венгерский философ, литературовед, критик, специалист по эстетике, в числе прочего, автор «Истории развития современной драмы» (1912).

⁵ Такая реплика в пьесе действительно есть, ее произносит Капеллан: «А все эти мерзавцы еврей. Где только деньги переходят из рук в руки, тут и они сейчас же вотрутся. Будь моя воля, я бы ни одного еврея не оставил в живых ни в одной христианской стране!» (перевод О. Холмской и Н. Рахмановой).

писца “Плох свет и хуже будет с каждым днем, когда такое зло творится в нем” вызывали шквал аплодисментов не хуже, чем на настоящей демонстрации. Тогда же, после 1953, в Театре Петёфи давали шиллеровского “Дона Карлоса”. Дон Карлос поворачивался к королю и произносил: “О, дайте, государь, свободу мысли!” — на эту реплику публика тоже откликнулась аплодисментами. После 1953 политизация театра стала привычным делом: в каждой пьесе выделяли одну-две реплики, чтобы публика понимала, о чем на самом деле речь, и зрители благодарно хлопали в ответ» [9. С. 216].

После прихода к власти Яноша Кадара в 1956 г. ситуация несколько изменилась — учреждения культуры перешли в режим «ручного управления»⁶. Власть по-прежнему определяла, какие именно пьесы могли ставиться, но появились некоторые «лазейки» для новой драматургии. Преимущество отдавалось новым венгерским пьесам, пусть и тщательно отфильтрованным. Однако, несмотря на цензуру со стороны государства и самоцензуру театров (примером последней может служить отказ от постановки пьесы Имре Шаркади «Симеон Столпник» в 1960 г.⁷), на сцену попадали и не однозначно прорежимные пьесы — так в 1970-е произошло с «Тотами» Иштвана Эркена, явной сатирой на убийственную бессмысленность власти, хотя его же драме «Пишти в кровавой буре» повезло уже меньше [12. 91–93о.].

Согласования происходили на уровне замминистра Дежё Тота и «венгерского Сулова» — Дёрдя Ацела, с чьим именем принято связывать систему трех «Т» (хотя на практике она применялась еще до того, как Ацел занял свой пост). Суть системы состояла в разделении явлений культурной жизни (в том числе и театральной) на три категории: «запрещенные» (*tiltott*), куда попадали авторы, чьи произведения не отвечали негласным предписаниям и отсылали к нежелательным «империалистическим» художественным направлениям; «поддерживаемые» (*támogatott*) могли рассчитывать на государственный заказ и различные льготы; пространство между первой и второй занимала третья категория — «терпимые» (*tűrt*) — для тех, кто мог потенциально переместиться как в ряды облащенных властью художников, так и впасть в немилость.

Дёрдь Ацел давал общие перспективные указания на предстоящий год Комитету по агитации и пропаганде. Отдел театра в Министерстве культуры распоряжался, каким образом следует подкорректировать тексты постановок, оцененных как «проблемные», мог запросить режиссерскую концепцию, пригласить режиссера и драматурга на консультацию, его представители могли посетить репетиции спектакля.

Каждый театр был обязан регулярно ставить пьесы советских авторов (а также пьесы авторов из стран «народной демократии»), причем это всегда были произведения с сильной идеологической составляющей, вроде «Беспокойной старости» Рахманова, «Разлома» Лавренева, драм Корнейчука и т.п., и только в конце 1960-х — в 1970-е годы начинают появляться пьесы, которые и в СССР воспринимались как актуальные и «острые» — «Прошлым летом в Чулимске» Вампилова, «А зори здесь тихие» Васильева, «Таня», «Иркутская история» Арбузова и т.д. [13. С. 156–165].

Об обязательной советской программе в театрах иронически упоминает Иштван Эркень в своей новелле «Кафе “Ниагара”» (1958), герои которой — пара

⁶ О роли театра в событиях 1956 г. см. [10].

⁷ Подробнее об этом и других подобных случаях см. [11]. Там же указывается на возвращение на сцену в 1967 г. ранее запрещенных пьес венгерских и зарубежных драматургов.

провинциальных интеллигентов — во время поездки в Будапешт идут в оперу, оперетту и смотрят в драматическом театре советскую пьесу, воспринимая это как скучную повинность.

В представлениях кадаровского аппарата театр был проблемой, которую нужно было постоянно решать. По словам венгерского театроведа Петера Гала Молнара: «С театром всегда проблема. Если плохо функционирует — проблема. Если хорошо — тоже проблема, потому что не льстит обществу, но точно отражает его лицо.» И это, естественно, не очень нравилось «корифеям культуры» [14], какие бы цели они при этом ни пропагандировали.

Новый этап в отношениях театра и власти начался в конце 1960-х — начале 1970-х годов, когда театр стал постепенно превращаться в площадку для выражения новых идей.

Главную роль в этом процессе сыграла так называемая революция провинциальных театров — особый венгерский феномен возникновения значительных репертуарных театров в небольших городах, где начинала интенсивно развиваться промышленность и молодая техническая интеллигенция жаждала адекватных развлечений. Самым влиятельным в этом смысле стал театры городов Капошвар и Сольнок (характерно, что с возвращением власти в театр одними из первых апроприированных провластными театральными деятелями театров и театральных институтов стали именно капошварские).

Любопытно, что этот феномен был не в последнюю очередь связан с постановками русских пьес. В 1965 г. чеховскую «Чайку» одновременно поставили Габор Секеи в Сольноке и Габор Жамбеки в Капошваре [15]. Венгерских пьес, позволявших дискутировать со зрителем и властью на злободневные темы, было недостаточно, либо они не попадали на сцену по цензурным соображениям (см. выше) — отсюда и обращение к Гоголю, Чехову, Горькому. Тенденция ставить русских классиков, используя их тексты как прямые аллюзии на современную политическую ситуацию сохранялась вплоть до середины 1980-х годов. Так в 1984 г. в постановке «Ревизора» Хлестаков у Жамбеки вызывал явные аллюзии с Горбачевым и в финале уносился вверх на лифте.

Не все постановки, содержавшие прямую критику власти, конкретных исторических событий или лиц вызывали ответную реакцию государственной идеологической машины, однако в период с конца 1970-х и до середины 1980-х годов можно выделить несколько постановок, обративших на себя внимание не только публики, но и властей [16. 243–273о.]. Иногда это были вполне «невинные» пьесы, но режиссерская концепция заставляла их звучать по-новому, и публика моментально на это реагировала. Именно это произошло в 1977 г. с пропагандистской опереттой о социалистическом изобилии «Государственный универсам»⁸, поставленной Тамашем Ашером. Известную своей «неблагонадежностью» постановку привезли в Будапешт, но решили не показывать, однако билеты были уже проданы, и народу пришлось столько, что между толпой недовольных зрителей и билетерами возник конфликт, зрители прорвались в театр, спектакль состоялся, имел огромный успех, а само событие назвали «битвой в театре комедии» — Дёрдь Ацел еще долго ссылался на это происшествие, упоминая его каждый раз в контексте разговоров об опасности «разогревания настроений публики». После будапештского аншлага спектакль запретили.

⁸ Оперетта Яноша Керекеша и снятый по ней одноименный фильм 1953 г. во многом переключаются с советскими «Кубанскими казаками» — если в последнем показано сельское изобилие, то в венгерском варианте речь идет о товарном изобилии в городе.

Еще одна характерная история начала 1980-х — постановка оперетты «Тяжелая Барбара» Восковеца-Вериха (реж. Дюла Газдаг, 1980) — премьера состоялась на второй день после ввода советских войск в Афганистан и на словах «с легкостью вводим и выводим контингент» публика бешено заплодировала, Газдага уже «взяли на карандаш», но власти разрешили вывезти спектакль в Будапешт, где во время показа представителю ЦК Палу Шведу в ложу подсел режиссер Ласло Бабарци и в опасных местах начинал что-то шептать на ухо, чтобы Швед не разобрал текст.

В 1981 г. тот же Бабарци поставил «Ричарда III» — премьера совпала с приходом к власти Войцега Ярузельского. В финале постановке Ричмонд выходил на сцену в зеленой форме, чтобы принять власть как Генрих IV, актер был очень похож на Ярузельского. Весть о том, что в Капошваре пародируют генерала в черных очках (так писали в доносах, хотя на самом деле актер, игравший короля, выходил на сцену без очков), дошла до Будапешта. Первый секретарь регионального отделения партии Петер Варга отослал в столицу документ, в котором выразил мнение о нежелательности политической актуализации драмы «Ричард III» и подчеркнул: «Мы подобную линию терпеть не будем. Мы даем господержку, мы содержим театр, у нас есть на это право. Театр не может подпитывать оппозиционные мысли и не может служить местом сбора оппозиции» [16. 248о.]. По словам того же чиновника, Дёрдь Ацел также «осуждал актуализацию классических пьес».

Одним из самых ярких примеров противостояния театра и власти в начале 1980-х годов стал конфликт, связанный с постановкой пьесы «Марат/маркиз де Сад» Петера Вайсса (режиссер Янош Ач, 1981). Из-за случайного, по признанию самого режиссера, совпадения спектакль восприняли не как нарочито странное действие в брехтовском духе, но как программное заявление. Зрители приезжали в театр из Будапешта целыми автобусами. Причиной такой реакции публики во многом стала декорация к спектаклю, элементом которой была огромная фотография двора кинотеатра Корвин, где в 1956 г. шли бои. По словам Габора Жамбеки: «Не было такого зрителя в зале, кто бы не понимал, что речь идет о 56-ом годе» [16. 254о.] Однако и театралы, и критики, писавшие о спектакле, соблюдали так называемый закон большого тсс, и власти узнали о намеке на события 1956 г. в спектакле, посвященном Великой французской революции, только из немецких газет, после чего, в результате доноса заместителя заведующего Отделом науки, образования и культуры ЦК ВСРП Андраша Кноппа дело дошло до ЦК (на тот момент Дёрдь Ацел вернулся к управлению культурой), где пришлось объяснять выбор декорации тем, что Ач сам жил в доме рядом с кинотеатром Корвин и искал здание, похожее на Лувр или на типичное для европейского города место, где могли бы разворачиваться события революции — вроде Дворцовой площади в Петербурге (ее фотографию авторы спектакля также использовали для декораций). В 1983 г. спектакль показательно раскритиковали в прессе. Театр хотели закрыть совсем, но местное партийное руководство вступилось за него как за местную гордость. В итоге уволили драматурга — Иштвана Эрши, автора текста, но сам спектакль не запретили, и он оставался в репертуаре театра и после 1989 г.

Как мы видим, в описанных примерах речь в основном идет о постановках классических или развлекательных пьес в политически актуализированном ключе, а также исторических драм, позволяющих проводить различные параллели с событиями венгерской истории и обсуждать современные проблемы. Показательно, что в венгерской драматургии советского периода пьесы, где

центральной темой был бы анализ власти или взаимоотношений театра (или, шире, художника/интеллектуала) и власти составляют очень небольшую часть. Самыми значительными в этом отношении, на наш взгляд, можно считать пьесы Ласло Немета (1901–1975) – в первую очередь, драмы «Галилей» (1953), «Иосиф II» (1954), «Сечени» (1946), однако сценическая судьба этих произведений из-за слишком очевидной связи с современными автору событиями оказалась сложной: за исключением «Галилея», они почти не ставились (и не ставятся)⁹ и не вошли в канон пьес с протестным потенциалом – т.е. позволяющих высказаться на злобу дня пусть и на историческом или абстрактном материале.

Следует также отметить, что в середине 1990-х годов наблюдаются попытки восполнить этот пробел – проблему безнравственности и жестокости власти поднимает Дёрдь Шпиро в пьесе «Дом Арпада» (1995), полемизируя с Йозефом Катоной и его «Баном Банком», а также проводя параллели с шекспировскими хрониками и пушкинским «Борисом Годуновым». Десятилетием ранее, в 1983 г. Шпиро создает пьесу «Самозванец» – уникальный для венгерской драматургии анализ отношений театра и власти на материале истории становления польского национального театра (главный герой – Войцех Богуславский). Несмотря на отсылку к конкретному историческому периоду, венгерские зрители увидели в протагонисте намек на одну из самых заметных и противоречивых фигур венгерского театра в XX в. – актера и режиссера Тамаша Майора (сам актер играл Богуславского в первых спектаклях). Однако после успеха постановки 1983 г. (театр Йозефа Катоны, реж. Габор Жамбеки) пьеса ставилась довольно редко и, в основном, в региональных театрах или венгероязычных театрах ближнего венгерского зарубежья (последние постановки 2016 г. – в театре Мари Ясаи в г. Татабания и театре «Чики ятексин» в г. Чиксеред).

Вторая половина 1980-х – начало 2000-х годов – период значительных изменений в структуре и стилистике венгерского театра. Смена политического режима (1985–1986 гг.) сопровождалась возникновением большого количества независимых театров. Новая театральная политика и законы, регулирующие финансирование театров (в частности Закон ХСІ 1991 г.) способствовали формированию новых отношений между театрами и органами государственной власти. Было бы преувеличением утверждать, будто вмешательство государства в театральную практику прекратилось (финансирование одних театров в ущерб другим, поддержка тех или иных коллективов, обеспечение гастролей и т.д.), однако отсутствие официальной цензуры и конкуренция за зрителя способствовали появлению не только чисто развлекательной продукции, но и постановок, провоцирующих активный диалог со зрителем, в том числе и на политические и социальные темы. Одним из самых ярких представителей новых театров стало объединение «Кретакёр» (1995) во главе с режиссером Арпадом Шиллингом. Одной из ключевых (хотя и не единственной) тем в постановках этого театра стал как раз вопрос власти как явления и взаимоотношений человека и государства – спектакли «Черная страна» (2004, реж. Арпад Шиллинг), «Жилой квартал “Нибелунги”, часть 3» (2004, реж. Корнел Мундруцо), «Бан Банк» (2007, реж. Шандор Жотер) демонстрировали новый для Венгрии тип политически активного театра, не отказывающегося при этом от художественной составляющей. «Кретакёр» предложил не только новый театральный язык, но и новую модель существования театра в изменившихся идеологических и экономических условиях: объединение отказалось от стационарного здания,

⁹ Подробнее о театральной судьбе пьес Немета см. [17].

а деньги стало пытаться добывать самостоятельно — заключая партнерские соглашения, участвуя в совместных проектах, гастролях, обращаясь к спонсорам и используя возможности, предлагаемые подобным творческим объединениям со стороны государства. В 2004 г. «Кретакёр» выступил с предложением сократить количество театров, функционирующих на деньги государства, и создать открытую, рыночную структуру взаимодействия театров и государства, построить сеть, которая объединила бы все театры страны, сделав их более мобильными и гибкими. Однако театральная общественность, в большинстве своем, оказалась к этому не готова, да и последующие изменения в законодательстве и политико-идеологических устремлениях власти не способствовали развитию такой модели.

К концу первого десятилетия XXI в. государство вновь «вспомнило» о театре, и в этом новом обращении его к популярному виду искусства можно отметить черты, напоминающие, с одной стороны, о национальной рефлексии середины и второй половины XIX в. и о стремлении выявить и, по возможности, пресечь проявления излишнего свободомыслия, характерные для позднего советского периода, — с другой. Важным фактором изменений (их следствием и причиной одновременно) стали и новые законы (Закон XCIX «О поддержке зрелищно-художественных организаций и особых правилах найма» 2008 г. и содержащий новые изменения Закон LXXXVI от 2011 г.), включающие положения о финансировании учреждений культуры и порядок подачи конкурсных документов. Еще до принятия законов возобновилась практика прямой критики театральных постановок представителями власти, а их следствием стало прекращение финансирования таких объединений как описанный выше «Кретакёр», хотя, следует отметить, что ряд театральных групп аналогичной структуры сумели выйти на самоокупаемость и обходятся практически без государственного финансирования (театр ТАП — ТАР, например).

Характерной иллюстрацией отношений театра и государства в современной Венгрии нам представляется история с двумя постановками музыкального спектакля по поэме Шандора Петёфи «Витязь Янош», режиссерами Робертом Альфёльди (2009) и Аттилой Виднянским (2014). Признанная классикой еще при жизни автора сказочная поэма «Витязь Янош» (1844–1845) стала со временем по-настоящему культовым произведением — по ней сняты художественный и мультипликационный фильмы, а в 1904 г. композитор Понграц Качо написал оперетту на сюжет поэмы. Выдающийся поэт первой половины XX в. Дежё Костолани назвал «Витязя Яноша» «венгерской Одиссеей». Сочетающий в себе традиционные фольклорные сюжеты, указания на исторические события, элементы культуры европейского романтизма и национально-освободительную риторику текст поэмы знаком каждому школьнику, что делает его, с одной стороны, «сакральным» (т.е., любые изменения канонической версии вызывают у консервативно настроенного зрителя активное отторжение), а с другой стороны, позволяет использовать как точку отсчета в рефлексии о прошлом и настоящем страны и национальной культуры. Постановка «Витязя Яноша» становится, таким образом, программным заявлением театра и режиссера и обращает на себя внимание не только публики, но и государства. Важную роль в поэме играет финальный эпизод: пройдя многочисленные испытания и войны, Янош узнает, что его возлюбленная Илушка умерла, и в поисках ее попадает в страну фей, где находит воскресшую любимую и венчается с ней на царство. В варианте Альфёльди страна фей оказывается станцией метро, а феи — уличными проститутками, вместо сказочного

счастья главного героя ждет бесконечное разочарование. Зрители и критика восприняли спектакль неоднозначно, однако самые резкие отрицательные отзывы прозвучали не в прессе, а в парламенте страны, где депутат Шандор Пёрже в своем выступлении осудил деятельность Альфёльди на посту главы Национального театра, указав на «подрывание основ», и перечислил возмутительные, по его мнению, сцены из нескольких спектаклей, в том числе, и превращение Юлишки (так депутат ошибочно окрестил Илушку) в проститутку у Западного вокзала. Справедливости ради, следует отметить, что одним из аргументов против деятельности Альфёльди было также снижение количества зрителей – т.е., рентабельности государственного театра. Четыре года спустя Альфёльди на посту главного режиссера Национального театра сменил Аттила Виднянский¹⁰. Одной из первых постановок Виднянского в Национальном театре снова стал «Витязь Янош»: на этот раз режиссер выбрал более традиционную эстетику сказочного мира, изобразив ее с помощью сложной театральной машинерии. Возвращение к привычной трактовке образов и соединение традиции с современными достижениями техники позволили сделать спектакль доступным и для детской аудитории, однако, по мнению ряда критиков, предложив более «спокойного» Витязя Яноша, Виднянский вновь деактуализировал классическое произведение, символически вынул его из ящика (на сцене книгу Петёфи в буквальном смысле вынимают из сундука), сдул пыль и положил обратно в более привычной для современной публики версии.

Примеры с государственным Национальным театром и независимым объединением «Кретакёр», на наш взгляд, выявляют новый тип отношений театра и государства в условиях «мягкой» цензуры, когда влияние на независимый театр оказывается путем выделения или невыделения средств по конкурсу, что часто означает прекращение деятельности независимого театра или его трансформацию в театр политический, как это и произошло с театром «Кретакёр» – см. последние спектакли Арпада Шиллинга – «Лузер» (2015) и «День гнева» (2015); для театров, существующих на дотации государства, становится важно сохранить приток публики (выбор делается в пользу более кассовых постановок – как и в первой половине XX в.), что же касается обсуждения актуальных вопросов – театр не уходит от них, но чаще прибегает к эзоповому языку, отсылая зрителя к практике позднесоветского периода.

Мы не ставим целью анализ программных заявлений современных венгерских режиссеров и политиков относительно перспектив взаимодействия театра и властных структур и делаем данный вывод исходя исключительно из театральной практики и возможной ее проекции на предыдущие исторические периоды, однако гибридный (и, в этом смысле, новый для Венгрии) тип такого взаимодействия позволяет предположить, что эти отношения приведут к появлению новых видов театра с точки зрения его устройства, а также сформируют новый театральный язык, на котором театр и будет в дальнейшем общаться с публикой и с государством, при условии сохранения театром функций, описанных в начале статьи. Аналогичным образом и государство вырабатывает новые способы общения с театром, в условиях, когда «принцип преследования национальных интересов создает для власти новые возможности манипулирования,» как справедливо отмечает венгерский театровед Ласло Петерди Надь [18].

¹⁰ Символично, что последней постановкой Альфёльди стала пьеса о взаимоотношениях актера и власти по роману Клауса Манна «Мефисто» (2013).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Жене Ж.* Это странное слово о... / Театр Жана Жене. Пьесы. Статьи. Письма. СПб., 2001.
2. *Леман Х.-Т.* Постдраматический театр. М., 2013.
3. *Дмитриевский В.Н.* Театр и суд в пространстве тоталитарной системы // Системные исследования культуры. СПб., 2009; *Прохорова Т.Г., Шамина В.Б.* Театр и политика в советской и постсоветской России: формы интерактивного диалога // Ученые записки Казанского университета. 2014. Т. 156. Кн. 5.
4. *Színház és politika. Színháztörténeti tanulmányok, 1949–1989.* (Színháztudományi szemle 37/2007). Budapest, 2007.
5. *Színház és diktatúra a 20. században.* Budapest, 2011.
6. *Balogh G.* Kétféle Bánk Bánaz operában // Critikai lapok. 2015, 07–08. szám. https://criticailapok.hu/index.php?option=com_content&view=article&id=38050&catid=24
7. *Madács I.* Az ember tragédiája. (Magyar Helikon). Budapest, 1960.
8. *Romsics I.* Magyarország története a XX. században. Budapest, 2010.
9. *Хеллер А.* Освенцим и Гулаг // Неприкосновенный запас. 2015. № 2.
10. *Якименко О.А.* Венгерский театр и 1956 г. (готовится к публикации).
11. *Karinthy F.* Napló, 1967–1969. Budapest, 1993.
12. *Horváth A.* Magyar sajtószabadság és – szabályozás 1914–1989. Budapest, 2013.
13. *Якименко О.А.* Русская драма на венгерской сцене, венгерская драма на русской – парадоксы взаимодействия // Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории. Ставрополь, 2016. Вып. II.
14. *Eörsi L.* A művészet, mint a hatalom kritikája, a kaposvári Marat/Sade és a kultúrpolitika // A hatalom reprezentációi, hatalmi diskurzusok. Országos széchényi könyvtár tudományos ülészak, 2015. nov. 25–26. <http://www.rev.hu/hu/node/136>
15. *Якименко О.* Чехов в венгерской театральной культуре. История и современность // Славяноведение. 2010. № 5.
16. *Eörsi L.* A kaposvári Marat/Sade és a kultúrpolitika / Kádárizmus mélyfúrások. Budapest, 2009.
17. *Németh L.* Galilei. (A dráma «pere» 1953–1956). Debrecen, 1994.
18. *Peterdi N.L.* Színház és diktatúra a 20. században // Kritika, 2012. február. http://www.kritikaonline.hu/kritika_12februar_peterdi.html#fel

© 2018 г. А. М. ДРОНОВ

ОТ ИЛЛИРИЗМА К ХОРВАТИЗМУ В АВСТРИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В статье рассматриваются причины зарождения и задачи иллирийского национального движения в королевстве Хорватии-Славонии в первой половине XIX в. на внутривнутриполитическом пространстве Венгерского королевства и Австрийской империи в целом.

The article considers the causes of emergence and the goals of the Illyrian national movement in the Kingdom of Croatia-Slavonia in the first half of the nineteenth century within the inner-political space of the Kingdom of Hungary and the Austrian Empire as a whole.

Ключевые слова: иллиризм, хорватское национальное возрождение, Хорватия, Венгрия, Австрийская империя, мадьяры, Людевит Гай.

Keywords: Illyrism, Croatian national revival, Croatia, Hungary, Austrian Empire, Magyars, Ljudevit Gaj.

Первая половина XIX в. для монархии Габсбургов — это новый этап становления ее как Австрийской империи. Само провозглашение нового государства в 1804 г. определило исторические Австрийские земли как лидирующие. Кроме того, новая империя больше дистанцировалась и от конгломерата германских земель, до 1806 г. объединявшихся в Священную Римскую империю.

Несмотря на то что идеи Великой французской революции о построении национального государства на основе «свободы, равенства и братства» распространились на континенте в том числе и в ходе Наполеоновских войн, новое название империи — Австрийская — не позволяет говорить о ее (моно)национальном характере, так как тогда еще не существовало самой австрийской нации [1]. Российский историк Т.М. Исламов отметил парадокс: «Немецкоговорящие австрийцы, одними из первых в Европе приступившие к государственному строительству» еще на заре «темного Средневековья», осознали себя особой нацией лишь к середине XX в. [2. С. 173].

Тем не менее, в Центральной Европе на смену сословному обществу шло гражданское, основанное на идеях Просвещения и естественного права — как отдельного человека, так и народа. Высшей формой социальной организации все чаще называли нацию, что предполагало наличие у народа прав политического субъекта.

Среди теоретиков в области изучения феномена наций и национализма остается дискуссионной периодизация достижения тем или иным этносом стадии нации. В отличие от Франции, где становление модерного государства обусловило

Дронов Александр Михайлович — младший научный сотрудник Института славяноведения РАН.
Статья написана в рамках работы над проектом РГНФ/РФФИ № 15-31-01003a1.

формирование единой французской нации в конце XVIII в., этносы Габсбургской монархии в начале XIX в. были организованы по принципам сословного общества [3. С. 378]. Сложившийся на рубеже Средневековья и раннего Нового времени конгломерат наследственных земель объединяла лишь личность монарха. Этот союз королевств и земель разного статуса лишь отчасти был упрочен в 1713 г. «Прагматической санкцией» Карла VI (1711–1740). М. Гросс и другие хорватские исследователи, применяя шкалу М. Гроха из этапов А, В и С к периодизации развития национализма, указывают, что в разных землях монархии этот процесс происходил все равно неравномерно [4. С. 147]. Венгерская историческая наука в целом придерживается мнения, что процесс складывания наций в Карпатском регионе начался для всех его жителей уже с конца XVIII в. [5. S. 201].

В данной статье рассматривается развитие хорватского национализма в первой половине XIX в., в немецкоязычной историографии также именуемая «Предмартовским периодом» (Vormärz), который охватывает десятилетия между Венским конгрессом (1815) и революцией 1848 г. Речь пойдет об идеях иллиризма – этого изначально искусственного термина, которым обозначался спектр политических ожиданий идеологов хорватского национального движения. Источниками для исследования послужили газеты 30–40-х годов XIX в., выпускавшиеся сторонниками иллиризма, и вышедшие из-под их пера политические сочинения (в первую очередь – брошюры с изложением собственных взглядов).

Сам феномен иллиризма уже прорабатывался в трудах крупнейших отечественных хорватистов В.И. Фрейдзона и И.И. Лещиловской [6–9]. Он также описан в коллективном труде «История Югославии» [3]. В хорватской историографии данная проблематика начала изучаться во второй половине XIX в. [10] и до сих пор не теряет актуальности. Однако в период существования социалистической Югославии власти порой ставили ограничения непредвзятому анализу межнациональных отношений, в первую очередь хорватов и сербов, а «сверху» делался акцент на «братстве и единстве».

В Австрийской империи хорватско-славонская элита получила шанс занять более достойное место, чем в прежней конфигурации владений Австрийского дома. В ходе освобождения исторических хорватско-славонских территорий от турок и присоединения территории венецианской Далмации на повестке дня оказался вопрос реставрации средневекового Хорватского королевства. Ведь в Приморской части находились столицы первых хорватских королей.

Именно в Далмации первые шаги по конструированию особой иллирской нации [11–12] были предприняты Наполеоном, который считал, что «Иллирия – это стража, поставленная перед воротами Вены» [10. S. 413]. Характерна попытка разработки французскими лингвистами единого иллирского языка на основе как словенских диалектов севера провинций, так и хорватских (в центре и на юге) и сербских (на востоке и юге) [13]. Обозначение территории как «Иллирия» указывало на преемственность с одноименной римской провинцией. Кроме того, европейские путешественники уже на рубеже XVIII–XIX вв. называли население Западных Балкан «иллирами», так как совмещали античные представления о данной территории с современными им реалиями [14. S. 63].

В начале XIX в. в Венгерском и собственно Хорватско-Славонском королевствах, имевших признанные административно-политические границы в составе Австрийской империи, уже существовали предпосылки для формирования

суверенных¹ наций по французскому типу. Поэтому, по аналогии с моноэтничными государствами Западной Европы, первостепенной задачей для политических элит как Венгрии, так и Хорватии-Славонии являлось создание и популяризация единого языка для всей территории королевства. Ассимиляторские в основе своей устремления венгерских сословий, считавших, что государственным языком на всей территории королевства должен стать венгерский, толкали деятелей хорватского возрождения к поиску варианта для общенационального языка. Данное обстоятельство сближает процессы формирования хорватской нации с аналогичными процессами у других «языковых наций»², которые образовывались в противовес господствующему наречию.

Появление языковых наций в Австрийской империи ускорили два события. Во-первых, издание в 1774 г. «Всеобщего школьного устава» для австро-чешских провинций и в 1777 г. учебного плана «Ratio educationis» для Венгерского королевства, где начальное образование на родном языке провозглашалось обязательным и бесплатным. Во-вторых, введение в Венгрии декретом Иосифа II (1780–1790) в 1784 г. немецкого языка в качестве обязательного – вместо латыни – в делопроизводстве, управлении и суде. В частности, Т.М. Исламов указал, что централизация йозефинской эпохи «привела в действие иные, весьма эффективные механизмы, стимулировавшие процессы нациообразования» [15. С. 63], такие как «эффект реакции ненемецких народов на попытку расширить сферу употребления немецкого языка» [15. С. 63]. Вопрос о языке обучения вызывал особенно жаркую дискуссию, поскольку именно школы были для народов империи местом, где формировалась идентичность будущих подданных [16]. Как уже говорилось выше, французы, опираясь на опыт метрополии, попытались создать общий для местных словенцев, далматинских славян, хорватов и сербов иллирийский язык, поскольку видели в местных славянах потомков древних иллиров, считавшихся тогда автохтонным населением. На севере Австрийской империи на западных славян повлиял факт возрождения Наполеоном польской государственности в виде Герцогства Варшавского под протекторатом Франции.

Все эти факторы оказали то или иное влияние на формирование языковых наций типа «Kulturnation», где пропагандируемая их представителями культура, включавшая свой родной язык и восстановление исторической памяти, выступала в качестве контркультуры по отношению к другой «Kulturnation», но принятой на государственном уровне [17. С. 56]. В.А. Тишков определяет конфликт разнопорядковых субъектов (если этническое меньшинство или нетитульный этнос выступает оппонентом титульному народу или его государственным институтам) как «группа против государства» (group versus state) [18. С. 634]. Такое явление попытались объяснить западноевропейские исследователи М. Дюверже и А. Финкелькраут, назвав «вирусом фрагментации» (см. [19. С. 23]).

В политической борьбе внутри монархии каждая часть империи опиралась на исторически сформировавшиеся представительные институты. Причем если венгры

¹ Под «суверенной» далее понимается нация, которая является государствообразующей и имеет официально признанные административно-политические границы (в том числе и как субъект другого государства). Таким образом конкретизируется терминология Б. Андерсона об «официальном национализме» как имперском и «воображаемом» понятии «суверенной» нации как «свободной».

² «Языковой» можно назвать нацию, формирующуюся вокруг идеи о том, что люди, говорящие на определенном языке (наречии своих предков), составляют национальную общность. Данный термин близок «лингвистическому национализму» Б. Андерсона, но применим не только к Центральной и Восточной Европе.

отстаивали свои права только перед лицом Вены, то хорватам приходилось решать вопросы еще и с Пресбургом/Пожонью (Братислава, Словакия) [20].

Венгерский историк Эндре Арато (1921–1977) отметил: «Обосновывая свое отношение к Австрии, венгры использовали как этническую, так и территориально-историческую концепцию в качестве аргументов к расширению дворянских привилегий, а в целях обуздания национальных стремлений меньшинств использовали вторую концепцию» [21. С. 346]. Подобное разделение исследователь нашел и у хорватов в 1830–1840-е годы [21. С. 346]. Смысл борьбы за территориальную автономию королевства Хорватии и Славонии выразил в 1790 г. хорватский бан граф Ян (Янош) Эрдёди: «Regnum regno non praescribit leges» («Королевство королевству законы не предписывает») [22. S. 728]. И именно 1790 г. хорватский историк Д. Чепуло считает началом появления «протомодернизационных» настроений в венгерском парламенте [23. S. 229].

Венгерское Государственное собрание в Пресбурге перешло с латинского языка на венгерский в 1830 г., тогда как сабор Хорватии и Славонии на хорватский лишь в 1847 г., или через три года после речи одного из лидеров иллиризма Ивана Мажураича, впервые произнесенной в стенах этого сословно-представительного органа на родном языке [24. S. 211].

Территория королевства Хорватии и Славонии находилась в окружении крупных и влиятельных языковых массивов (венгерского, немецкого и итальянского), тогда как местные славяне говорили на нескольких наречиях, наиболее распространенным из которых было штокавское (в Славонии, Далмации и на Военной границе). В 1820-е годы слависты из других частей Австрийской империи воспринимали штокавщину в качестве языка сербов, тогда как с хорватами как народом ассоциировалась лишь кайкавщина. Например, чешский будитель П.Й. Шафарик в книге «История славянского языка и литературы всех наречий», вышедшей в 1826 г., к сербскому языку относил славонское, далматинское и боснийское наречия. Самих далматинцев, славонцев и боснийцев П.Й. Шафарик включал в число «католических славяносербов» [25. S. 226].

Движение иллиризма как раз и явилось реакцией на такое состояние хорватского языка, которое не соотносилось с непрерывно существовавшей хорватской государственностью³ [26]. В развитии этого движения можно проследить три главных направления.

Во-первых, это движение в среде хорватского духовенства, как известно, еще со времен Средневековья и потери хорватскими землями политической независимости отличавшегося повышенным вниманием к сохранению славянской культурной традиции в виде глаголицы и богослужения на славянском языке. Хотя к Новому времени славянское богослужение почти исчезло, уступив место общекатолической латыни, но традиция прервана все равно не была. Именно духовенство встало в начале XIX в. одним из первых вдохновителей хорватского иллиризма. Важную роль здесь сыграл епископ загребский М. Врховац (1752–1827), который выступал за сотрудничество хорватов и сербов, был близок идеям панславизма, а к концу жизни превратился в сторонника иллиризма. Епископ отдавал предпочтение кайкавскому наречию хорватского языка и собрал группу священников для перевода на это наречие Библии. Среди шести священников, взявшихся за перевод Ветхого и Нового Завета на кайкавщину, помимо хорватов были двое чешского происхождения и один — немецкого. Преемник

³ В хорватской историографии период развития хорватского национального движения до Л. Галя рассматривается как «иллиризм перед иллиризмом».

М. Врховаца А. Алагович (1760—1837) продолжил кайкавскую традицию и издал календарь «Danicza zagrebeckha» («Загребская заря») на кайкавщине. При этом он активно сотрудничал с Л. Гаем в деле просвещения народа. С 1837 г. епископом Загребским являлся Юрай Вараяи Хаулик (1788—1869), словак из венгерского Надьсомбата (Трнава, Словакия). С 1840 по 1842 и с 1845 по 1848 г. он помимо епископского сана являлся еще и исполняющим обязанности бана Хорватии и Славонии и показал себя активным сторонником иллиризма.

Во-вторых, это вызванное языковой «революцией сверху» Иосифа II движение за права хорватского дворянства. Благодаря сохранению своих королевских институтов Хорватия и Славония сохранили и свое дворянство. Именно второе сословие, ощущавшее себя в качестве представителей хорватской политической нации, могло выдвинуть требования к королю в связи с претензиями их коллег из других частей империи. Кроме того, назревала проблема поиска средств идеологической защиты от стремлений венгров лишить хорватское дворянство исторических прав, а королевства прочно интегрировать в свое правовое поле. Прорывом здесь стала «Диссертация» (1832) Я. Драшковича. В центре этой политической программы находится «Великая Иллирия», но это не абстрактная мечта об объединении всех иллиров или южных славян, а вполне прагматическая модель создания «Иллирийского королевства» в качестве возрожденного средневекового Хорватского королевства в границах Хорватии, Славонии, Далмации, Боснии и Военной границы. Причем помимо хорватской и славонской военной границы в это политическое образование должны были войти и два полка Банатской границы. Такое королевство на границе двух империй, как замечает немецкий историк В. Бешнитт, предусматривало и возможность федерализации монархии Габсбургов [27. S. 138]. Сама «Диссертация» была написана Драшковичем на штокавском наречии, которое и предлагалось автором в качестве «иллирского языка». При этом выбор именно штокавщины граф объяснял тем, что большинство известных ему литературных произведений за всю историю написано хорватскими авторами именно на этом наречии.

В-третьих, городская, в первую очередь загребская, интеллигенция, организовавшая хорватский вариант распространявшегося среди многих славянских народов Австрийской и Османской империй движения будителей — активистов национального, культурного и языкового возрождения. С этой волной иллирского движения рука об руку шел и так называемый литературный иллиризм [28]. Именно на этом этапе хорватское движение приобретает национальный характер и становится массовым, охватывая широкие слои, в первую очередь, городского населения. Идеи иллиризма стали поддерживаться меценатами из торгово-финансовых кругов.

В качестве основы для иллирского литературного языка Людевит Гай (1809—1872) так же, как и граф Янко (Янош) Драшкович (1770—1856) выбрал штокавское наречие. Не исключено, что так он хотел перехватить инициативу у сербского национального движения, развивавшегося параллельно хорватскому и ознаменовавшемуся восстаниями в Османской империи, созданием вассального от султана Сербского княжества и разработкой В. Караджичем сербского литературного языка на основе господствовавшей среди сербов штокавщины. Иначе привязка хорватского письма к кайкавщине могла привести к формированию исключительно кайкавской хорватской нации, что было чревато потерей территорий в будущем. К выбору штокавщины подтолкнула и ориентация части хорватской национальной интеллигенции на идею иллиризма, корни которой были еще в Иллирийских провинциях Наполеона и неудачных попытках

французских лингвистов выработать общий для «иллиров» литературный язык. В то же время в качестве письменности для хорватского языка Л. Гая выбрал не кириллицу, как у сербов, а латиницу на основе чешского письма (до этого хорваты не имели единого письменного стандарта) [29]. Таким образом, несмотря на языковую близость, важную роль сыграл фактор вероисповедания и культурной традиции: использование латыни в качестве официального языка и языка богослужений.

До Л. Гая на ниве хорватского «национального возрождения» трудились лишь интеллектуалы-одиночки, как например, Антун Миханович (1796–1861), написавший песню «Хорватское отечество», которая в 1891 г. стала гимном Хорватии, или уже упоминавшийся епископ М. Врховац и др. Однако эти отдельные личности, выступавшие с хорватских патриотических позиций, не имели широкой поддержки. Л. Гая поддержала группа последователей, ядро которой составляли Д. Раковац, В. Бабукич, П. Штос, Л. Вукотинович, И. Мажураич. При этом стоит отметить, что большинство лидеров движения иллиризма не были этническими хорватами. Так, Людвиг (Людевит) Гай и Август Шеноа были чешского происхождения, Людевит Фаркаш (Вукотинович) – венгерского, Фердинанд Визнер (Фердо Ливадич) и Игнац Фукс (Ватрослав Лисинский) – немцы, Димитрия Деметер был по национальности цинцаром, Якоб Фрасс (Станко Враз) – словенцем и т.д. [30. Р. 10, 31. С. 92]. Очевидно, что лидеры движения иллиризма были представителями разных народов многонациональной Австрийской империи. Тем не менее, они были вдохновлены идеями иллиризма и смогли встать во главе этого движения. Ассоциация себя с иллирами и хорватами как своими, а не чужими, привела отдельных представителей к необходимости «коренизации» в хорватской среде и смене не только фамилий, но и имен, что вполне укладывалось в контекст эпохи [32]. Например, немец Игнац Фукс стал Ватрославом Лисинским, переложив свою немецкую фамилию на славянский лад. То же самое сделал со своей венгерской фамилией и Людевит Фаркаш.

Таким образом, приверженность идеям иллиризма не носила четкой национальной окраски. Скорее это было увлечение национальной романтикой в духе того времени [33]. В кружке Л. Гая даже разработали отличительные знаки движения. Хорватская традиционная верхняя одежда (сурка) отдавала приоритет народному духу и его глубинным крестьянским корням [9. С. 245], красный колпак показывал симпатию идеям Великой французской революции и традицию хорватских народных бунтов типа восстания 1572–1573 Матии Губеца (1538–1573). В основе иллирской символики был своеобразный герб Иллирии (звезда над молодым месяцем) и лира, созвучная самому названию этой географической территории.

Вместе с тем, после объединения Л. Гаем всех трех течений иллиризм позволил охватить широкие слои населения: среднее и мелкопоместное дворянство, интеллигенцию, учащуюся молодежь, низшее католическое духовенство и даже отдельных представителей аристократии. Под началом Гая в деле просвещения населения, выпуске газет и другой печатной продукции, организации культурных мероприятий трудились бок о бок графы и бароны, представители католического духовенства и разночинцы. Также национальному движению симпатизировали и многие офицеры Военной границы, о чем свидетельствуют письма «иллиров с Границы» в редакцию газет Гая и их стихотворения или рассуждения, одухотворенные идеей великого и свободного иллирского народа.

Такое быстрое распространение иллирского самосознания было связано не только с пропагандистской политикой хорватских сторонников иллиризма.

В XVIII в. этноним (или даже конфессионим?) «иллир» в Габсбургской монархии обозначал для венских властей преимущественно православных сербов и был близок понятию «влах» или «рац» [34. С. 201]. Так, в сочинении австрийского политика графа Йоганна Кристофа Бартенштейна (1689–1767) сербское население Габсбургской монархии именуется «Natio Illyrica seu Rasciana» («нация иллирская или расцианская») [35. S. 49]. Этот же термин обнаруживается в названиях государственных ведомств: в 1745 г. императрица Мария Терезия (1740–1780) учредила специальную Иллирскую придворную комиссию, которая в 1747 г. была реорганизована в Иллирскую придворную депутацию, просуществовавшую в течение еще тридцати лет. В компетенцию этих ведомств входила выработка политики в отношении сербов в соответствии с их правовым статусом, дарованным им предыдущими монархами.

Таким образом, хорватский иллиризм имел не только корни в культуре Возрождения в регионе Восточной Адриатики позднего Средневековья – раннего Нового времени, но и, не исключено, был тесно связан с сербским экзоэтнонимом. Поэтому хорватское движение иллиризма можно рассматривать еще и как попытку перехватить у сербов их уже ставшее официальным наименование «иллиры». Другими словами, хорваты не только сами становились «иллирами», но и оказывались пионерами среди южных славян по распространению этого искусственного этнонима венской администрации, а следовательно, потенциально перехватывали инициативу в популяризации иллирского самосознания.

В хорватской историографии национальным возрождением считается период 1830–1848 гг., который является периодом появления, расцвета и упадка иллиризма [36]. Следует разобрать предпосылки зарождения как иллиризма, так и противостоящего ему мадяронства.

Изначально иллиры не были настроены сугубо антивенгерски. Л. Гая уст-раивала хорвато-венгерская политическая уния: «Да хранит Бог конституцию венгерскую, королевство Хорватию и национальность иллирскую!» [22. S. 729]. Невозможности делать радикальные шаги в отношении Венгрии способствовала и политическая ситуация к началу 1830-х годов. Рассмотрим, какая информация имела у делегатов хорвато-венгерской партии в венгерском парламенте о том, когда идеи панславизма и иллиризма появились на «политическом поле нашей родины и в Хорватии» [37. № 57]. Примечательно, что для венгров иллиризм и панславизм были понятиями, неотделимыми одно от другого. Представитель мадяронов заметил, что «до 1830 года хорваты были друзьями нашей народности», именно от них «пришло напутствие, что в высших школах учителем не может быть тот, кто не знает венгерский» [37. № 57]. Действительно, как говорилось выше, с 1790 г. венгры делали все больше шагов по интеграции территории королевств Хорватии и Славонии в правовое поле Венгерского королевства и этнической гомогенизации «natio Hungarica» [38; 39]. Как писал Э. Арато: «Понятие “нация хунгарика”, объединившее историческое и территориальное понятие нации, находилось тем не менее в противоречии с венгерской идеей “одной политической нации” (оставлявшей все меньше места для реализации национальных чаяний славянских народов и румын. – А.Д.)» [21. С. 347]. Можно сказать, что на смену противостояния хорватского «иллирского» дворянства венгерскому «хунгарскому» проекту шло противоборство в целом хорватской (иллирской) и венгерской элит как представителей своих, воображаемых моноэтническими, политических наций.

В ходе заседания Государственного собрания в Пресбурге в 1825–1827 гг. было решено вводить венгерский язык в школах и администрации всех уровней

Венгерского королевства. В Хорватии сословия в 1827 и 1830 г. проголосовали за придание венгерскому статусу обязательного языка для гимназий. При этом в качестве официального языка делопроизводства они сохранили латынь, боясь потерять автономию в случае согласия на введение венгерского. Подобные опасения особенно возросли в 1830 г. после того, как на имперском рейхстаге Хорватию обозначили не как обычно в качестве «*regnum socium*» («союзное королевство») по отношению к Венгрии, а в виде «*partes adnexae*» («присоединенные части») [27. S. 134].

И именно в 1830–1833 гг. начал конституироваться иллиризм в качестве ответа на такой вызов для Хорватии со стороны правительства и парламента Венгрии. В 1830 г. с программой реформы правописания выступил Людевит Гай, изучавший право и философию в университетах Граца, Пешта и Лейпцига. В 1830–1831 гг. обрел известность молодой священник Павао Штос (1806–1862) со стихотворениями «Смотри – новый год» и «Изображение родины в начале 1831 года». В 1832 г. с политической программой «Диссертация» на политическую сцену вышел Я. Драшкович. Таким образом, делегат-венгр, с одной стороны, оказался прав, говоря, что за начало отсчета появления иллиризма в политике нужно брать 1830 или 1832 г., что он относит к «делу д-ра Гая», которое «вышло на поверхность», по мнению спикера, с 1827 г. С такой датировкой согласен В.Д. Бешнитт, который в качестве идей, повлиявших на складывание иллиризма, называет не только «теории славистов» Я. Коллара и П.Й. Шафарика, что согласуется с позицией венгерских депутатов, но и Великую французскую революцию, немецкий романтизм, а также славянскую главу в книге «Мысли, относящиеся к философической истории человечества, по разумению и начертанию Гердера» (1829). А кроме того актуальные на 1830–1831 гг. процессы в Европе: «Июльскую революцию во Франции, восстания поляков и итальянцев, возникновение Бельгии, увеличение автономии Сербии» [27. S. 134–135]. 1830 г. как начальную точку отсчета своей «Истории иллиризма» взял и современник этих событий немецкий историк В. Вахсмут. Однако надо иметь в виду, что иллиризм развивался к этому времени не только Л. Гаем, а предпосылки для успеха начали закладываться еще раньше.

Видные представители иллиризма выступали в печати с программными текстами по различным вопросам этого национального движения. Так, до 1842 г. статьи написали И. Кукулевич, С. Млинарич, Ф. Жерявич. Общим посылом их работ была защита и восхваление иллирского языка и народности, а также размышления о месте иллиров в современной им политической обстановке.

Осенью 1842 г. лидеры иллиризма Драгутин Раковец (1813–1851) и Людевит Вукотинович (1813–1893) выступили с новыми программными заявлениями. В сентябре вышел памфлет Д. Раковца «Малый катехизис для больших людей», который выстроен в вопросно-ответной манере и показывает основные различия между сторонниками иллиризма и провенгерской партией. «Малый катехизис» обобщал размышления главных деятелей иллирского национального движения и по сути являлся политической программой.

В целом посыл катехизиса был, скорее, рассчитан на интеллектуала, чем на простого обывателя. На первый вопрос, «какова причина сегодняшней распри между хорватами», автор ответил, что «одна, не особо большая, часть хорватов, в основном состоящая из дворян, отрекшись от своей природной народности и языка, хочет навязать целому народу язык и народность венгерскую». Тогда как «другая, гораздо большая, часть хорватов защищает свою природную народность и язык славянский». Первых автор называл «псевдомадьярской»

партий, а вторых – иллирской партией [40. № 72]. Здесь Раковец сразу обозначил численное и моральное превосходство иллиров над мадяронами. Слово «псевдомадьяры» для обозначения мадяронов автор объяснил во втором вопросе: так он обозначает тех, кто «имеют венгерские намерения, но не являются настоящими, по рождению, крови и языку мадярами» [40. № 72]. Важно, что Д. Раковец, обвиняя мадяронов в непатриотичности, указал, что они «стремятся омадьярить крестьян и везде ввести обычаи, привычки и одежду венгерские» [40. № 72]. В этой фразе явственен национальный посыл: третьему сословию, которое иллиры считали своим, грозит изменение идентичности.

Следует заметить, что «непатриотичность», любовь к венгерской культуре, родственные связи с венграми и т.п. были лишь одной из причин, побуждавших «хорватов по крови» становиться сторонниками хорвато-венгерской (мадяронской) партии. О второй причине написал Л. Гай в «Извещении и приглашении на подписку на первое полугодие 1843 г. девятого года “Иллирских народных новостей” и “Зари Иллирской”». Так, по его словам, некоторые католики не желали поддерживать иллирское движение, так как боялись, что иллиры склоняют «римо-католиков» к принятию «греческой веры» (православия. – *А.Д.*) [41. S. 185]. Это было небеспричинным, учитывая уже давнюю традицию официального именования иллирами именно сербского населения Габсбургской монархии.

Была еще и третья причина, осмыслить которую пытались лидеры иллиризма. Это приверженность части хорватских интеллектуалов кайкавскому наречию и нежелание принимать штокавшину в качестве литературного языка для хорватов. Например, И. Кристианович, хорватский епископ и духовник загребской семинарии в первой половине 1830-х годов был ярким противником иллиризма и не принимал штокавское наречие, поэтому писал на кайкавшине и делал на нее переводы с немецкого и латыни даже после Венского литературного соглашения 1850 г.

С третьей была тесно связана четвертая причина: желание называться привычным именем «хорваты», а не «иллиры». Так думали, в первую очередь, отдельные представители духовенства (типа выше упоминавшегося Кристиановича) и дворянства, для которого было самым главным отстоять муниципальные права королевств Хорватии и Славонии, а не менять идентичность на искусственную иллирскую или заниматься лингвистическими проблемами.

В подражание «Малому катехизису» в ноябре 1842 г. вышел памфлет Л. Вукотиновича «Иллирские вопросы», имеющий то же построение, что и брошюра Д. Раковца: вопросы и ответы. Однако стоит отметить, что если Раковец адресовал текст скорее интеллектуалам («большим людям»), то Вукотинович в качестве целевой аудитории своего посыла рассматривал скорее простой народ. Об этом говорит житейский характер вопросов его творения. Так, первый вопрос гласит, «нужно ли нам оставаться иллирами», ответ положительный, краткий и написан в разговорной форме, второй вопрос, «иллиризм – это хорошая вещь?» [40. № 90]. Далее он простыми словами объясняет, что такое государство и почему людям оно нужно и т.д. В отличие от катехизиса Раковца, где уделяется основное внимание языковому и территориальному вопросу, в брошюре Вукотиновича рассматриваются главным образом вопросы веры и преданности королю, что еще раз доказывает ее предназначение для простого народа.

Если мадяроны в основном следовали курсу правительства Венгрии и выступали за усиление интеграционных процессов двух королевств, то в «Малом катехизисе» Раковец привел пять основных политических требований, смысл которых сводится к защите народного языка и литературы, просвещению народа, а также сохранению «неоскверненными» муниципальных прав как

политического фундамента. И выступил против двух пунктов программы мадьяронов, по его мнению, заключающимися в ассимиляции и национальном унижении иллирского народа [40. № 73].

При конструировании особой иллирской нации большое внимание уделялось историческим правам самого Хорватского королевства. При этом история хорватов была национализирована иллирами, создавался идеальный романтический образ прошлого, память о котором необходимо было возродить. Для пропаганды своего, национального, взгляда на историю иллиры не только начали выпускать газеты и писать литературные произведения, но и основали культурную лабораторию общехорватского масштаба, получившую название Матица иллирская. При самой матице и через нее открывались народные читальни [42].

Также появилась кафедра хорватского языка и литературы. Эта кафедра была оазисом иллирского духа, своим местом для хорватской национальной интеллигенции, поэтому на проникновение сюда каких-либо чуждых идей извне реагировали нервно. А раздражающими идеями были две: венгерская и сербская.

Опасность со стороны сербов заключалась в существовавшем у них сильном историческом мифе о былом величии своего народа. Этот миф зиждился на так называемом косовском мифе, тесно связанном с обширным народным косовским эпосом, а также памяти о некогда могущественном и обширном «Душанове царстве» (империи царя Стефана Душана Сильного (1331–1346)). Этот миф был вызван к жизни во время Первого сербского восстания (1804–1813) в Османской империи, так как сербы при активной поддержке России оказались совсем близки к воссозданию своего независимого государства. Возник проект высшего сербского духовенства, являвшегося для лишенных своего дворянства сельских турецких сербов одновременно и клиром, и национально-ориентированной интеллигенцией. Архимандрит Арсение Гагович и митрополит Стефан Стратимирович разработали проект «славяно-сербской империи», тогда как вождь восстания Карагеоргий Петрович выдвинул идею присоединения восставшего Белградского пашалыка к монархии Габсбургов [43, 44].

Однако в отличие от сербов хорваты не обладали к началу XIX в. сопоставимым по заряду «историческим мифом». Единственное, что они могли противопоставить сербам – это свое непрерывное историческое право в качестве де-юре никогда не терявшего независимость Хорватского королевства. Отсюда желание создать свой, иллирский, миф и историческую картину. Причем критика дотошных историков того времени не бралась в расчет. Так, Д. Раковец ответил им, что хоть и не доказано родство славян и древних иллиров, но главное, что в каких-то венгерских источниках хорваты названы именно так [40. № 73].

Уже в «Малом катехизисе» 1842 г. Д. Раковец задался вопросом, какое бы слово могло стать заменой названию «иллир», и сам предложил менее выразительное «юго-западные славяне». Однако приоритет он отдавал все же «иллирам», хотя его и упрекали в том, что исторические иллиры не были предками славян. У автора катехизиса был аргумент, что и этноним «русские» немецкого происхождения, но он помог объединить «северных славян» [40. № 73]. Важно, по мнению Раковца, то, что в средневековых книгах сами венгры, «говоря о Далмации, Хорватии и Славонии вместе, давали этим королевствам название Иллирия», а в описании земель венгерского географа конца XVIII в. (1779) он нашел запись, что «Иллирия делится на венгерскую, венецианскую и турецкую». Причем Раковец считал, что под «венгерской Иллирией» следует понимать «королевства Славонию, Хорватию и Далмацию», а их язык географ определил как «иллирский», что значит «славянский» [40. № 73]. Таким

образом, Д. Раковецем в дискурс иллиров и мадяронов было введено понятие «венгерская Иллирия».

Кроме того, следует отметить, что Раковец ясно давал отчет об искусственности понятий «Иллирия», «иллиры» при сохранении всех различий между исторически сформировавшимися народностями. Так, он указал на три причины, которые мешали «полному соединению всех иллиров» в одну нацию: различие имен (хорваты, сербы и словенцы), различие вероисповеданий (католики и православные) и различие письменности (латиница и кириллица) [40. № 72, 73]. В этом же 1842 г. Лайош Кошут (1802–1894) в Государственном собрании внес закон о переводе венгеро-хорватских отношений на основу «чисто персональной унии» [5. S. 206].

В продолжение ответных мер мадяронов на разрастание иллирского движения в Хорватии провенгерские делегаты в венгерском парламенте в 1844 г. предложили поставить цель «разлучить иллирскую партию от хорватского народа, с которым нас соединяют исторические связи» [40. № 57]. Уже сама цель мотивировала мадяронов бороться против иллиров их же оружием: исторической памятью. Правда, надо было взять сюжеты не из исторической памяти западнобалканского ареала и не германско-имперского, а своего, т.е. венгерского. Это, по сути, был цивилизационный выбор между сербами и венграми, одинаково опасными для хорватской народности. С другой стороны, согласно новой политике мадяронов, хорватам разрешалось использовать свой язык у себя на родине, тогда как венгерский становился «дипломатическим языком» для общения с венгерским правительством, парламентом, административными и судебными органами [40. № 57]. Кроме того, предполагалась активная поддержка провенгерских групп в Хорватии, при этом все хорваты именовались «братьями» и «братским народом» для венгров. Председатель парламента в конце заседания одобрил и утвердил новую тактику хорватских мадяронов. Таким образом, это заседание по выработке противодействия «панславизму и иллиризму» можно считать поворотным для политической борьбы провенгерских сил королевства Хорватии и Славонии.

Тем не менее, успех мог сопутствовать мадяронам, как полагали делегаты, лишь в случае плохого отношения к иллирам со стороны хорватских властей. Но епископ загребский уже высказывал естественность поддержки иллиров, а столичный жупан вообще носил красный иллирский колпак в знак солидарности с движением.

Однако в самом иллиризме продолжались дискуссии о векторе развития, хотя главная цель была достигнута: у хорватов появилось мощное национальное движение. Чтобы убедиться, что иллиризм в основе оставался именно хорватской идеей, нужно проследить эволюцию новостных изданий главного его идеолога Л. Гая. В 1835 г. это «*Novine horvatzke*» с приложением «*Danicza horvatzka, slavonzka y dalmatinzka*», выходящие на кайкавщине. Тут в центре внимания находилась именно кайкавская Хорватия. В следующем 1836 г., усиливая мотив иллиризма, Гай сменил название своей газеты на «*Ilirske narodne novine*» и печатал ее на штокавщине, а приложение к газете теперь называлось «*Danica Ilirska*». Этот новостной орган формировал у читателей представление о большом иллирском народе южных славян, авторы статей и творческих зарисовок именовали себя иллирами и т.д. При этом наибольшее внимание уделялось именно осознанию единства Хорватии, Далмации и Славонии. Когда в 1843 г. император пошел на уступки венграм и запретил название «иллиры», то оказалось, что семь лет развития иллиризма не прошли даром. Теперь Л. Гай издавал «*Narodne novine*» с приложением «*Danica horvatska, slavonska i dalmatinska*», т.е. возвратился к названию 1835 г., но уже на штокавщине, и адресовал их именно народу Хорватии, Славонии и Далмации.

В такой ситуации нет ничего странного, что сформулированная в 1842 г. Д. Раковецем идея о «венгерской Иллирии» оказалась живучей. Тем более при бане-мадьароне Ф. Халлере в 1843 г. наименование «иллиры», как уже говорилось выше, было запрещено, а в 1845 г. вообще произошли столкновения между сторонниками иллиризма и мадьяронами в Загребе, приведшие к жертвам, что вынудило бана подать в отставку. В этих условиях находившийся в эмиграции в Белграде и издававший там запрещенную австрийскими властями газету «Branislav» [45; 46] словак и иллир Б. Шулек развил идею Д. Раковца. В 1844 г. в брошюре «Каковы намерения иллиров?» он предложил объединяться хорватам и славонцам против общей угрозы – венгров и до конца отстаивать свои муниципальные права. В территориальном смысле Шулек видел «венгерскую Иллирию» как Хорватию, Славонию, Далмацию, Военную границу и северо-западную Боснию («турецкая Хорватия» или «турецкая граница»). Причем, Далмацию необходимо было присоединить к королевству Хорватии и Славонии. Стоит отметить, что слова Шулека о северо-западной Боснии имели под собой обоснование. Так, в 1837 г. глава Боснийского пашалыка Мехмед-паша написал жалобу хорватскому бану и главнокомандующему Военной границы на влияние Л. Гая среди боснийского населения [47. S. 175].

Если борьбу иллиров и мадьяронов рассматривать как противостояние идеи «большой (штокавской) Хорватии» и «малой (кайкавской) Хорватии», то мадьяроны одержали верх. Ведь они призывали вернуться в 1835 г., отрицая путь национального строительства, проделанный иллирами к середине 1840-х годов. А на это как раз и вынуждены были пойти иллиры из-за запретов властей и требований венгров: Л. Гай вернул прежние названия газет, где нет слова «иллир», а Б. Шулек возродил, по сути, программу территориального объединения Я. Драшковица 1832 г.

Однако иллирам удалось через мегаидею сформировать суверенную нацию королевства Хорватии и Славонии уже к 1848 г., т.е. к моменту первой битвы наций в монархии Габсбургов. Это доказывает то, что в 1847 г. хорватский сабор перешел с латыни на хорватский язык, причем в его штокавском варианте. Поэтому здесь можно согласиться с немецким историком В. Кесслером. В отличие от чешского исследователя Мирослава Гроха он относит складывание хорватской нации к рубежу XIX–XX вв., при этом признает победу «политического хорватизма» уже к середине 1840-х годов и формирование «хорватско-славонской нации» к 1848 г. [48. S. 384].

XIX столетие можно назвать веком Реконструкции, поскольку этнические общности, как политические, так и языковые, превращались в нации путем реконструкции общих истории, культуры и языка. На хорватское национальное движение, несомненно, повлияло то, что оно начало развиваться в эпоху классического «героического национализма»⁴.

Одной из причин возникновения иллиризма могло стать то, что Хорватия и Славония находились не только на пограничье двух крупных империй (Австрийской и Османской), но и на стыке трех крупных ареалов исторической памяти⁵: германско-имперского, венгерского и западнобалканского. Влияние германско-имперского ареала обнаруживается в католицизме хорватов, в их вовлеченности

⁴ Здесь предлагается использовать классификацию национализмов корейского историка Йе-Хьун Лима, который подразделяет их на «классические героические» (преимущественно XIX в.) и «жертвенные» (как феномен XX в.) [49].

⁵ Ареал исторической памяти – пространство, на котором живут группы людей, связанные общей исторической памятью.

в войны внутри и вне сначала Священной Римской, затем – Австрийской империи. Венгерский ареал возник в процессе совместного существования хорватов и венгров в границах общего Венгеро-хорватского королевства. Западнобалканский ареал отсылает к тесным и длительным контактам с Венецианской республикой, также взаимодействием с очень близким по языку населением Боснии, Герцеговины и Сербии, в том числе и через кордон Военной границы.

Таким образом, во-первых, к 1848 г. хорваты уже сформировали национальное ядро, чему немало поспособствовала реформа правописания Людевита Гаю и формирование единого литературного языка. Во-вторых, идеология иллиризма явилась необходимым промежуточным звеном для превращения хорватов из сугубо кайкавцев через мегаидею общеюжнославянской «Великой Иллирии» (как альтернативы общеюжнославянской сербской нации) в суверенную нацию королевства Хорватии и Славонии. Причем курс на национальное строительство «венгерской Иллирии» как части общеюжнославянского пространства позволил избежать отказа от самой идеи иллиризма в принципе. Ведь идеологи иллиризма исходили из положения о том, что значимость, вес той или иной территории в империи влияет и на расположение к ней имперского центра, т.е. на субъектность в границах огромной монархии.

В-третьих, положительный опыт иллиризма доказал, что для национального становления географическая привязка надежнее политико-этнической и, соответственно, иллиризм, связанный с определенной географической территорией, был верным выбором и снимал возможные противоречия этнических элит на местах.

Противостояние между иллирами и мадьяронами, по сути, было конфликтом двух ареалов исторической памяти: каждый ссылался на выгодные ему эпизоды истории и привлекал юго-западное пограничье германо-имперского ареала в качестве либо союзника (хорваты), либо противника (венгры), также исходя из своей исторической памяти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Величко О.И.* Проблемы формирования австрийской нации // *Художественная культура Австро-Венгрии: Искусство многонациональной империи. 1867–1918.* СПб., 2005.
2. *Исламов Т.М.* Вопросы нации, национального самосознания и национальной идеологии в австрийской историографии // *Национализм и формирование наций. Теории – модели – концепции.* М., 1994.
3. *История Югославии.* М., 1963. Т. 1.
4. *Романенко С.А.* Хорватская историография 80-х: между историей и политикой // *Национализм и формирование наций. Теории – модели – концепции.* М., 1994.
5. *Fónagy Z.* Paralelnosti i konflikti u eri nacionalnog preporoda // *Hrvatsko-madžarski odnosi 1102. – 1918. Zbornik radova.* Zagreb, 2004.
6. *Фрейдзон В.И.* История Хорватии: Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.). СПб., 2001.
7. *Фрейдзон В.И.* Нация до национального государства: Историко-социологический очерк Центральной Европы XVII в. – начала XX в. Дубна, 1999.
8. *Лециловская И.И.* Иллиризм. М., 1968.
9. *Лециловская И.И.* Хорватия в XVII–XIX веках: культурные аспекты исторического развития. М., 2013.
10. *Smičiklas T.* Povijest Hrvatske. Zagreb, 1879. Dio II.
11. *Clewing K.* Staatlichkeit und nationale Identitätsbildung: Dalmatien in Vormärz und Revolution. München, 2001.
12. *Фрейдзон В.И.* Далмация в хорватском национальном возрождении XIX в.: К истории югославизма и его неудачи. М., 1997.
13. *Марков В.* Иллирийские провинции Наполеона // *Французский ежегодник 1973.* М., 1975.
14. *Zeman M.* Reise zu den «Illyriern». Kroatienstereotype in der deutschsprachigen Reiseliteratur und Statistik (1740–1809). München, 2013.

15. *Исламов Т.М.* Средняя Европа на начальном этапе модернизации // Центральная Европа как исторический регион. М., 1996.
16. *Puttkamer J.* Schulalltag und nationale Integration in Ungarn. München, 2003.
17. *Соколовский С.В.* Онто-логики национального: культурная сложность национальных сообществ и проблемы ее категоризации // Культурная сложность современных наций. М., 2016.
18. *Тишков В.А.* Этнополитический конфликт: системный и антропологический подходы // Этничность и религия в современных конфликтах. М., 2012.
19. *Хершак Э.* Этничность как форма интеграции (теоретические проблемы и некоторые примеры стран Средней Европы) // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997.
20. *Schödl G.* Ungarn und Kroatien: Wechselbeziehungen und Identitätsbildung zwischen Tradition und Konstruktion // Beitrag zur Eröffnung des II. Panels «Identitätsformen im Wandel zwischen modernen Nationalstaatskonzeptionen und ständischer Lebenswelt». Berlin, 2010.
21. *Арато Э.* Венгеро-славянские культурные отношения в первой половине XIX в. // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII–XIX вв. М., 1978.
22. *Švoger V., Tyrković T.* Između ugrofilije i ugrofobije. Slika Mađara u Hrvatskoj od 16. do 19. stoljeća // A horvát-magyar együttélés fordulópontjai. Prekretnice u suživotu Hrvata i Mađara. Budimpešta, 2015.
23. *Čepulo D.* Hrvatski državno-pravni identitet i hrvatsko-ugarski odnosi 1790–1868. // Hrvatsko-mađarski odnosi 1102.–1918. Zbornik radova. Zagreb, 2004.
24. *Kolar M.* Politička pitanja i ideologije u Hrvatskoj od 1790. –1868. (s posebnim osvrtom na hrvatsko-mađarske veze) // Hrvatsko-mađarski odnosi 1102.–1918. Zbornik radova. Zagreb, 2004.
25. *Šafařík P.J.* Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten. Prag, 1869.
26. *Blažević Z.* Ilirizam prije ilirizma. Zagreb, 2008.
27. *Beschnitt W.D.* Nationalismus bei Serben und Kroatien 1830–1914. Analyse und Typologie der nationalen Ideologie. München, 1980.
28. *Leto M.R.* Danica Ilirska i pitanje hrvatskog književnog jezika // Slavica tergestina. 2004. № 11/12.
29. *Stančić N.* «Naš narod» Ljudevita Gaja iz 1835. godine // Radovi. Zagreb, 1990. Vol. 23.
30. *Vukcevič I.* Croatia: Ludvig von Gaj and the Croats are Herrenvolk Goths Syndrome. New York, 2012.
31. *Берућ Д.* Хрватско праваштво и Срби. Нови Сад, 2005. Т. 1.
32. *Хаванова О.В.* Чиновничество в монархии Габсбургов XVIII века. Сочетания и конфликты идентичностей // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2016. Вып. 54.
33. *Бернштейн С.Б.* Культурный язык – письменный язык – литературный язык // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII–XIX вв. М., 1978.
34. *Чиркович С.* История сербов. М., 2009.
35. *Bartenstein J.C.* Kurzer Bericht von der Beschaffenheit der zerstreuten zahlreichen Illyrischen Nation in den kaiserl. königl. Erblanden. Frankfurt; Leipzig, 1802.
36. *Флаккер А.* Структура культуры хорватского национального возрождения // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII–XIX вв. М., 1978.
37. *Novine horvatsko-slavonsko-dalmatinske.* 1844.
38. *Kessler W.* Politik, Kultur und Gesellschaft in Kroatien und Slawonien in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Historiographie und Grundlagen. Walter de Gruyter GmbH, 1981.
39. *Хаванова О.В.* Нация, отечество, патриотизм в венгерской политической культуре: движение 1790 года. М., 2000.
40. *Ilirske narodne novine.* 1842.
41. Ankündigung und Einladung zur Pränumeration für das erste Semester 1843 der neunten Jahrganges «Ilirske Narodne Novine» (Ilirische Nationalzeitung) und der «Danica ilirska» (Ilirischer Morgenstern) // *Wachsmuth W.* Geschichte des Illyrismus oder des süd-slavischen Antagonismus gegen die Magyaren. Leipzig, 1849.
42. *Равлић Ј.* Ilirska čitaonica u Zagrebu // Historijski zbornik. Zagreb, 1963. Vol. XVI.
43. *Белов М.В.* У истоков сербской национальной идеологии: механизмы формирования и специфика развития (конец XVIII – середина 30-х гг. XIX века). СПб., 2007.
44. *Белов М.В.* Проблема институализации и легитимации власти в Сербии 1804–1830 гг. // Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации. СПб., 2006.
45. *Šurmin Đ.* Hrvatske novine u Beogradu 1844 godine // Srpski književni glasnik. Beograd, 1911. № XXVII/11.

46. Šidak J. O uredniku i značenju ilirskog «Branislava» (1844–45) // Historijski zbornik. Zagreb, 1961. Vol. XIV.
47. Wachsmuth W. Geschichte des Illyrismus oder des süd-slavischen Antagonismus gegen die Magyaren. Leipzig, 1849.
48. Kessler W. Vom Recht der Stände zum «kroatischen Staatsrecht» // Reiche und Territorien in Ostmitteleuropa. Historische Beziehungen und politische Herrschaftslegitimation. Oldenbourg, 2006. Bd. 2.
49. Lim J.-H. Victimhood nationalism in contested memories: national mourning and global accountability // Memory in a Global Age: discourses, practices and trajectories. (Palgrave Macmillan/ Memory Studies). London etc., 2010.

© 2018 г. М. Ю. БОРИСЁНОК

АВСТРОМАРКСИСТСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ КРАСНОЙ ВЕНЫ И ЕЕ БАЛКАНСКИЕ ОТРАЖЕНИЯ

Статья посвящена влиянию идейного наследия австрийских социал-демократов межвоенного периода на Балканы. В 1920–1930-е годы теоретики австромарксизма, в особенности О. Бауэр, выдвинули ряд перспективных для ситуации на Балканах новаций, представлявших собой альтернативный планам большевиков и Коминтерна вариант переустройства общественных отношений.

The article deals with the influence of the ideological heritage of the Austrian Social-Democrats of the interwar period in the Balkans. In the 1920s and 1930s, theorists of the Austromarxism, especially Otto Bauer, suggested a number of innovative interpretations, which were an alternative to the Bolsheviks' and the Comintern's plans of reorganisation of social relations in the Balkans.

Ключевые слова: социал-демократия, австромарксизм, Балканы, самоуправленческий социализм, Красная Вена.

Keywords: Social Democracy, Austromarxism, Balkans, self-management Socialism, Red Vienna.

Различные разновидности идеологических и практических разработок на основе марксизма в XX в. оказали существенное влияние на историю Балкан. Помимо Коминтерна и большевиков в этой связи стоит обратить внимание и на наследие социал-демократов, идейно формировавшихся в условиях многонациональной Австро-Венгрии. Межвоенный опыт австрийских социал-демократов, с 1918 по 1934 г. практически воплощавших свои теоретические наработки в условиях перспективного социального проекта Красной Вены, имел и свои балканские отклики, которым и посвящена данная статья.

Как известно, по итогам Первой мировой войны Австрия превратилась в небольшую республику, утратив все свои славянские владения. Практически все политические силы новорожденной республики сходились во мнении о нежизнеспособности «малой Австрии». Так, выдвинутые революцией в политические лидеры социал-демократы стояли на пангерманских позициях; в принятом Национальным собранием 12 ноября 1918 г. законе о форме государства в Австрии, провозгласившем республиканское устройство страны, второй параграф гласил: «Немецкая Австрия является составной частью Германской республики» [1. С. 29]. О необходимости государственной интеграции со славянскими странами осторожно заявляла лишь Христианско-социальная партия (ХСП). Она также стояла на позициях пангерманизма и отрицала существование австрийской нации, но в то же время стремилась сохранить позиции на Балканах и в бассейне Дуная. Эта точка зрения была сформулирована в программной статье

Борисёнок Михаил Юрьевич – аспирант исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

в газете «Reichspost» 21 ноября 1918 г. лидером партии И. Зейпелем: «Австрия может примкнуть к другим государствам на Востоке или на Западе, на Юге или на Севере, но, конечно, только как полноправное звено федерации, не спускаясь до уровня простой составной части» [2. S. 2].

Помимо ХСП лишь австрийские коммунисты косвенно, в духе пролетарского интернационализма предполагали возможность объединения со славянскими странами: «Возможен только один лозунг: объединиться с пролетариатом всех пограничных стран, заручиться в случае необходимости экономической и военной помощью освобожденной России и прежде всего осуществить революцию» [3. S. 167].

Так или иначе, идея Дунайской федерации была похоронена практически одновременно с проектом аншлюса, запрещенным Сен-Жерменским договором 1919 г.

Несмотря на утрату влияния Австрии в землях распавшейся империи, страна сохраняла важное значение для своих соседей на Балканах. В первое десятилетие Австрийской республики в Вене обосновалась многочисленная эмиграция из балканских стран. В Венском университете учились студенты из Болгарии и Югославии. Австрийская столица стала спасительным островком для многих деятелей балканского рабочего движения. Так, в 1923 г. после подавления Сентябрьского восстания вместе с В. Коларовым в Вену прибыл Г. Димитров, который поддерживал непосредственный контакт с австрийскими коммунистами [4. С. 561], позднее там одно время заседал президиум Балканской коммунистической федерации.

Политические события в Австрии также вызывали неподдельный интерес на Балканах. Партии левого толка Болгарии и Югославии уделяли большое внимание австромарксизму – идеологической платформе австрийских социал-демократов в эпоху Первой республики.

Термин «австромарксизм» возник как своеобразный экзоним, его авторство принадлежит американскому социалисту, эмигранту из Российской империи Луи Будену (Louis V. Boudin, настоящая фамилия Будянов, 1874–1952), который в 1907 г. в статье в немецком журнале социал-демократического толка «Die neue Zeit» так охарактеризовал группу молодых венских теоретиков [5. 1927. 3 X. S. 1]. В дальнейшем это понятие, по выражению О. Бауэра, «быстро натурализовалось» и стало таким образом самоназванием. Следует отметить, что термин возник заметно позднее описываемого явления. Так, уже в 1895 г. было основано «Свободное объединение социалистических студентов и выпускников (Akademiker)» под председательством социального философа М. Адлера (1873–1937), а в 1904 г. вышел первый том серии «Марксистских исследований» (Marx-Studien) под редакцией М. Адлера и Р. Гильфердинга (1877–1941), в которой в дальнейшем был опубликован ряд ключевых работ раннего австромарксизма. В 1907 г. О. Бауэр (1881–1938) и К. Реннер (1870–1950) начали издавать журнал «Der Kampf», который стал основной дискуссионной площадкой австромарксистской теории. Сформировался и постоянный состав «австромарксистского кружка», в который помимо Бауэра и Реннера входили Гильфердинг, М. и Ф. Адлеры.

Первая мировая война нанесла серьезный удар по австромарксизму. Участие Австро-Венгрии в Четверном союзе внесло разлад внутри пятерки, а после войны их пути окончательно разошлись. Гильфердинг и Ф. Адлер (1879–1960) покинули Вену и Австрию. Ставший в 1918 г. федеральным канцлером новорожденной республики Реннер сделался заметной фигурой в новом австрийском государстве, но отошел от теоретической работы в рамках австромарксизма, возглавив правое крыло социал-демократической партии. Своеобразие его как политика отлично показывает характеристика, данная ему экс-императором Карлом I: «Реннер – это хамелеон,

он мог бы спокойно играть роль как императорского и королевского министра-президента, так и Белы Куна» [6. S. 206]. Наконец, М. Адлер продолжал заниматься теорией и соединять учения Маркса и Канта [7], но чисто австрийская проблематика отныне занимала в его работах подчиненное место.

После 1918 г. на идеологической ниве социал-демократии возник уже второй по счету австромарксизм, главным теоретиком которого выступил Бауэр. Он стал своеобразным редуктором, связующим звеном между двумя австромарксизмами. Отныне политика и идеология сочетали в себе несочетаемые, на первый взгляд, начала — трезвый рационализм и революционный энтузиазм. Для Бауэра преодоление этих различий представлялось естественным и простым, так как второй австромарксизм позиционировал себя как идеология единства: «Австромарксизм сегодня — это не что иное, как идеология единства рабочего класса» [5. 1923. 3 X. S. 2]. Лозунг всеобщего единения стал теоретической подпоркой политической практики социал-демократов, причем практика во многом шла впереди теории.

Замечу, что второй австромарксизм не сводится к Бауэру, но это его центральная фигура, неформальный лидер. Бауэр не занимал в партии самых высоких постов, он возглавлял ее фракцию в Национальном совете. При этом он оставался ведущим теоретиком социал-демократов в межвоенный период и автором Линцской программы партии 1926 г. По словам Г. Фирнберг (1909—1994), министра образования (1970—1983) при канцлере Б. Крайском, Бауэр был «доминирующим политиком, учителем и теоретиком социал-демократической партии в межвоенный период», который хоть и формально не был ее председателем, но «в решающей степени повлиял на ее облик между двумя мировыми войнами» [8. S. 37]. Можно согласиться с утверждением Н. Лезера, что Бауэр был «крестным отцом всех больших умственных построений австромарксизма» [9. S. 222].

От довоенного австромарксизма Бауэр унаследовал проблему марксистского детерминизма, заключавшуюся в противоречии между объективными факторами исторического процесса и политической деятельностью. В этой связи данному теоретику не стоит приписывать недиалектическое понимание истории, хотя в его текстах часто встречаются утверждения вроде: «Социализм стал исторической необходимостью; мы его достигнем в любом случае» [10. S. 36].

Детерминизм Бауэра проявился в его политических прогнозах. Так, после Жевневского договора 1922 г., ознаменовавшего усиление позиций Христианско-социальной партии, неформальный лидер социал-демократов утверждал, что усиление позиций буржуазии будет недолгим [11. 1924. 17. Febr. S. 61], аргументируя это своей теорией равновесия сил. Когда же этот прогноз не оправдался, а «реставрация буржуазии» становилась все более очевидной, Бауэр назвал это «неизбежным результатом общего закона истории» [11. 1930. 23 Jg. S. 198]. В этой связи детерминизм выступал не только в качестве структурного элемента марксистской теории, но также выполнял немаловажную функцию освобождения партийного руководства от прежних обещаний. Разрешение старой проблемы детерминизма имело чисто практическое измерение: успехи партии объяснялись субъективным фактором, в то время как все неудачи списывались на влияние объективных закономерностей. Бауэра с интересом читали и балканские социал-демократы, которым не раз приходилось сталкиваться с аналогичными политическими проблемами — нехитрый опыт австрийских коллег легко перенимался.

Бауэр открыто причислял себя и к сторонникам хорошо известной в XIX в. теории «малых дел»: «Зачастую мы расходует себя в мелкой будничной борьбе и падаем духом, если ее результаты нас разочаровывают. Учение Маркса вырывает нас из этого настроения. Оно показывает нам, что само развитие капитализма

преумножает пролетариат, принуждает его к организации и к борьбе, неумолимо приближая его победу. Мы можем проиграть сражение, но победа в войне будет за нами. И эта победа будет означать полное, коренное преобразование всего человеческого общества. Пониманию этого мы обязаны Марксу. Величие задач, которые он научил нас понимать, придает даже самым малым нашим делам значимость и благородство» [12. Bd. 6. S. 236]. Эту идею теоретик пронес через весь межвоенный период — в частности, на излете демократического периода Первой республики, в 1928 г., он опубликовал статью под характерным названием «Революционная мелкая работа» [12. Bd. 3]. Теория «малых дел» в австромарксистской аранжировке, в свою очередь, оправдывала существование Красной Вены в качестве социал-демократического анклава в буржуазной Австрии. По Бауэру, революция складывается из множества мелких подвижек, ей необходим часто «не взрыв, но всхлип». И эти теоретические построения австромарксистов в условиях перехода Югославии и Болгарии к авторитаризму благосклонно воспринимались балканскими социал-демократами.

Краеугольным камнем теоретических построений Бауэра также была так называемая «теория равновесия сил». Ее очертания можно разглядеть уже до 1914 г. — достаточно привести в пример статью с говорящим названием «Паузы покоя в истории» [11. 1910. 3.Sept.]. Однако в законченном виде теория равновесия сил была обнародована в 1923–1924 гг. Бауэр констатировал, что «результатом революции (Австрийской 1918 г. — *М. Б.*) стало состояние, когда ни буржуазия, ни пролетариат не могут установить свою единоличную гегемонию и по этой причине вынуждены делить государственную власть между собой». При этом государство, вопреки ортодоксальному марксизму, уже окончательно перестало быть машиной для подавления одного класса другим: «На современном этапе развития государство не является институтом господства ни буржуазии, ни пролетариата» [11. 1924. 27.Febr. S. 61]. Такая концепция нейтралитета государства в условиях классовой борьбы была выдвинута еще первым австромарксизмом — примером тому известная работа Гильфердинга «Финансовый капитал».

Примечательно, что свою теорию Бауэр вписывал в общеевропейский контекст. Баланс классовых сил, по его мнению, был характерен и для остальных стран континента, где теоретик также не усматривал гегемонии буржуазии или рабочего класса, не делая исключений даже для Италии и СССР. В фашистской Италии, по Бауэру, имела место диктатура государства, а не класса. Что же касается режима большевиков, то к нему у социал-демократов было сложное отношение (как, впрочем, и у вождей РКП(б)–ВКП(б), в особенности И.В. Сталина, к социал-демократам). Бауэр не мог не признать историческое значение прихода к власти рабочего класса: «Россия, бывшая на протяжении столетия цитаделью европейской контрреволюции, превратилась в арену наиболее кровопролитной пролетарской революции. Впервые пролетариат завоевал господство над огромным государством. Впервые он предпринял попытку разрушить капиталистическую организацию общества и построить на ее руинах социализм». Вот только результатом этой революции, на взгляд австромарксиста, стала не диктатура пролетариата, а диктатура партии и «деспотический социализм» [12. Bd. 2. S. 225]. Критикуя большевиков, Бауэр по-прежнему лелеял старую мечту о демократическом социализме, которая постепенно переходила в разряд несбыточных фантазий (замечу, что проект Красной Вены вряд ли был воплощением этой мечты — при его практической реализации австрийскими социал-демократами, особенно в финансовых и строительных начинаниях,

активно применялись административные методы, основанные на безраздельном господстве социал-демократов в городском совете).

И во второй половине 1920-х годов Бауэр продолжал утверждать, что политическая ситуация и в Европе, и в республике определяется равновесием сил. Так, в 1926 г. на Линцском съезде партии он уверял: «Должны ли мы верить, что пришло время, когда рабочий класс должен признать, что кризис, последовавший после войны, закончился поражением пролетариата и его результатом стало укрепление капитализма, новый расцвет капитализма? Я полагаю, что нет!». Следом Бауэр диагностировал свое видение ситуации на континенте: «Европа, которая все же остается капиталистической, в которой не произошла мировая революция по большевистскому сценарию, но вместе с тем и не Европа того медленного развития, которое Центральная и Восточная Европа имела до войны, но Европа, которая предоставляет, несомненно, большую вероятность скачкообразного, резкого изменения баланса сил между классами» [13. S. 252]. Подобные прогнозы вызывали оптимизм и у балканских адептов социал-демократии, продолжавших надеяться на решительные перемены и в условиях монархических диктатур короля Александра Карагеоргиевича и царя Бориса III.

В отличие от Реннера, Бауэр видел в государстве не средство для примирения классов, а средство для достижения господства [19. S. 159]. Равновесие же сил неформальный лидер второго австромарксизма воспринимал не как цель, а как лабильное переходное состояние. Конкурентное сотрудничество буржуазии и пролетариата в одном государстве должно было служить не «средством для преодоления классовой борьбы, а для надежного закрепления ее (имеются в виду достижения рабочего класса. — М.Б.) результатов» [11. 1924. 17.Febr. S. 60].

Таким образом, после 1918 г. австрийская социал-демократия отказалась от попытки коренного революционного переустройства общества. Путь к социализму австромарксисты хотели проложить в условиях буржуазно-парламентской республики: «Победа демократии является началом борьбы за социализм» [10. S. 6].

В целом стратегия социал-демократической революции, разработанная Бауэром, основывалась на двух основных принципах:

1. Демократический переход к социализму без марксовской диктатуры пролетариата.

«Времена революций, когда сознательное меньшинство возглавляет бессознательное меньшинство, — эти времена прошли для Центральной и Восточной Европы [...] Гегемония пролетариата над трудовым народом уже не может быть осуществлена в форме диктатуры пролетариата над “неразумной” крестьянской массой, напротив, она может быть выполнена только в том случае, когда мы сможем побудить мелкобуржуазно-мелкокрестьянские массы к активной кооперации с пролетариатом, к совместной борьбе с пролетариатом и, в конечном итоге, завоевать их поддержку для партии пролетариата» [14. S. 22]. Партия социал-демократов должна опираться на «активную волю и активную поддержку большинства населения» [14. S. 22].

2. Революция как созидательный процесс.

«Мы должны построить социалистическое общество путем планомерной работы, шаг за шагом продвигаясь к поставленной цели [...] Социальная революция может быть только результатом созидательной, организаторской работы» [10. S. 9]. Таким образом, Бауэр представляет революцию в качестве процесса, а не насильственного переворота. Условием революции в этой связи является политическая власть, достигнутая «революционными средствами».

Стало быть, Бауэр требовал демократического перехода к социализму, а главным драйвером этого процесса должна быть рабочая партия. В крестьянском по своей сути обществе Балкан эти идеи воспринимались социал-демократами как интересная перспектива, а воплощения большевиками подобных мечтаний в условиях сходного по крестьянской природе российского общества не позволяли отрицать и возможность их скорого практического воплощения.

Центральным текстом политической теории Бауэра и, соответственно, послевоенного австромарксизма стала партийная программа, принятая на Линцском съезде. Ее выработка пришлась на второй и последний пик могущества социал-демократов после революционного подъема 1918–1919 гг. Бауэр, автор программы, не связывал ее принятие с изменением политики партии, она скорее должна была твердо зафиксировать новые ориентиры и подвести под них полнокровное теоретическое обоснование [13. S. 247].

На данном этапе, согласно новой теоретической модели австрийской социал-демократии, классовая борьба пролетариата выражается в форме политической борьбы. Бауэр на съезде почти по-ленински утверждал, что «завоевание политической власти больше не воспринимается как мечта о планах на будущее, а как задача, которую мы должны поставить как непосредственную задачу нынешнего поколения рабочего класса» [13. S. 255]. Продолжение этой мысли получилось не менее оптимистическим: «В начале программы говорится: рабочий класс завоевал в Австрии демократическую республику и навязал эту демократическую республику буржуазии. Сейчас мы должны использовать эту демократическую республику, использовать права, которыми мы сами себя наделили, и захватить господство в республике демократическими средствами. Господство буржуазии в республике основывается на том, что народное большинство находится на ее стороне. Мы хотим развеять это влияние капиталистов и крупных землевладельцев на умы и самими стать большинством в народе и таким образом демократическим способом прийти к власти» [13. S. 263]. Цель обретения власти, впрочем, рисовалась весьма расплывчато: «Тем самым мы установим господство пролетариата, но не для того, чтобы установить новый режим продолжительного классового господства, а для того чтобы вырвать у капиталистов и крупных землевладельцев средства производства и тем самым положить конец делению общества на классы. Тогда будет демократия, которая будет выражением не господства одного класса, а самоуправлением солидарного народа» [13. S. 264].

Примечательно, что частично реализовать данную концепцию Бауэра удалось Й.Б. Тито и его соратникам в рамках «самоуправленческого социализма» в послевоенной Югославии, сделавшего упор именно на самостоятельность первичных партийных, общественных и производственных организаций. В отличие от концепции Бауэра, титовский курс не предусматривал либерализма в политической жизни. Югославский маршал полагал, что наличие нескольких партий и, соответственно, нескольких программ развития общества приведет к реставрации капитализма и «организованному разрушению завоеваний революции» [15. С. 606]. Но идеи народного самоуправления, четко акцентированные Бауэром, были титовцами впитаны и усвоены.

Итак, в межвоенный период Бауэр теоретически обосновал два этапа в процессе достижения социал-демократами политических целей. Первый этап должно было увенчать получение демократического большинства в государстве, а второй составляли реформы сверху, нацеленные прежде всего на изменение отношений собственности.

Переход от одного этапа демократической революции к другому социал-демократы планировали осуществить исключительно в правовом поле. Для того чтобы стать партией власти, они должны были стать партией большинства. Бауэр подчеркивал, что старая модель расширения электоральной базы, на которую социал-демократы делали ставку раньше, перестала быть актуальной. Если в довоенное время развитие капитализма означало рост промышленности и автоматически вело к увеличению числа рабочих, то теперь, по мнению теоретика австромарксизма, на длительный период времени данностью станет «сокращение всех основных отраслей промышленности» [13. S. 256].

В этих новых условиях социал-демократы взяли курс на расширение массовой базы за счет включения в рабочее движение новых социальных групп: крестьян, служащих и интеллигенцию: «Когда мы говорим рабочий класс, то подразумеваем не только промышленный пролетариат, но также работников сельского и лесного хозяйства и работников умственного труда» [13. S. 257]. Бауэр акцентировал внимание на том, что рабочий класс – это все, кто вынужден продавать свой труд. Однако социал-демократия должна привлекать в ряды своих сторонников лишь наиболее эксплуатируемые слои населения. Бауэр констатировал, что политическая борьба в существующих условиях в конечном итоге сводится к «борьбе за души большинства населения» [13. S. 259], и прежде всего «средних слоев, которые не относятся ни к буржуазии, ни к пролетариату» [13. S. 260]. К числу последних Бауэр относил эксплуатируемую часть мелкой буржуазии, крестьянства и интеллигенции, которые должны были стать союзниками рабочего класса. Эти идейные установки Бауэра, озвученные на съезде в Линце, были, как представляется, серьезной альтернативой большевистским проектам ускоренного раскрестьянивания. Если в межвоенную эпоху балканские социал-демократы могли опираться на эти идеи в проектах по будущему переустройству аграрных обществ, то после Второй мировой войны эти подходы использовались и в сталинских тактических выкладках при установлении режимов «народной демократии».

При этом партия не должна была изменить свой облик в угоду новым сторонникам, что Бауэр всячески подчеркивал. Ярче всего это иллюстрирует следующая цитата из его речи на Линцском съезде: «Всякий, кто хочет к нам примкнуть, должен знать, что он примыкает к рабочей партии, для которой интересы рабочего являются главным мерилем ее политики, к партии, которая не имеет права колебаться там, где интересы рабочего сталкиваются с интересами соседних слоев, к партии, чьим подлинным ядром является рабочий класс и чьей целью было и есть освобождение рабочего класса» [13. S. 261].

С новой формой классовой борьбы самый видный австромарксист межвоенной эпохи связал и новое понимание диктатуры пролетариата. При этом Бауэру пришлось спорить с самим Марксом, который в «Критике Готской программы» так охарактеризовал предстоящий процесс смены общественно-политической формации: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата» [16. Т. 19. С. 27]. Бауэр, в свою очередь, указал на то, что со времен Маркса изменился характер политической власти и классовое господство не обязательно предполагает насильственную диктатуру. В частности, «в Австрии господствует буржуазия, но это не означает, что мы два года живем при диктатуре Рамека¹» [13. S. 270].

¹ Рудольф Рамек (1881–1941) – федеральный канцлер Австрии в 1924–1926 гг. от ХСП.

Бауэр видел демократию тем инструментом, который позволяет осуществлять классовое господство без прямого применения насилия и говорил о том, что именно в таком ключе социал-демократы станут осуществлять трансформацию капиталистического общества в социалистическое. Тем самым демократия для межвоенного австромарксизма является не только средством прихода к власти, но и осуществления этой власти в будущем. На съезде в Линце Бауэр пел демократии дифирамбы: «Допустим, что пролетариат завоевывает власть демократическим способом. Что же он будет делать? Станем ли мы ликвидировать демократию? Об этом не может идти и речи! Мы добились демократии не для того, чтобы ее ликвидировать, а для того, чтобы использовать ее в соответствии с потребностями рабочего класса, чтобы реорганизовать государственный аппарат в соответствии с потребностями рабочего класса, чтобы поэтапно вырвать средства производства у капиталистов и крупных землевладельцев» [13. S. 271]. Маркса же времен «Критики Готской программы» Бауэр в 1926 г. попросту выбросил с парохода современности: «Сегодня мы должны принять программу, в которой нам следует не объяснять, что Маркс имел в виду в 1875 г., а взглянуть на мир как он есть сейчас, используя марксистский метод» [13. S. 271].

Для межвоенных Балкан демократия была явлением скорее экзотическим, но желание действовать поэтапно, без радикальных крайностей, местных социал-демократов привлекало: вариант мирной трансформации по Бауэру не казался несбыточным в условиях массовой веры в то, что Первая мировая война в истории человечества будет последней.

Несмотря на то, что идеология австрийских социал-демократов подразумевала принципиально мирный переход к социализму и этот тезис был утвержден в партийной программе 1926 г., вопрос о возможном применении насилия не был окончательно снят. Бауэр признавал гражданскую войну исключительно в качестве крайней меры, которая может быть оправдана лишь защитой демократии. Гражданская война в этом смысле превращалась в оружие последнего шанса: «Если несмотря на все усилия социал-демократической рабочей партии буржуазной контрреволюции удастся подорвать демократические устои, тогда рабочий класс будет вынужден взять государственную власть в гражданской войне» [12. Bd. 3].

Имелась в программе Бауэра и более вероятная, чем гражданская война, отсылка к диктатуре: «Если же буржуазия посредством саботажа промышленной жизни, насильственного неподчинения или заговора с иностранными контрреволюционными силами будет сопротивляться тем общественным преобразованиям, которые являются задачей государственной власти рабочего класса, тогда рабочий класс будет вынужден сломить сопротивление буржуазии установлением диктатуры» [12. Bd. 3].

Критика же насильственной диктатуры по Марксу—Ленину основывалась не только на гуманистических соображениях. Бауэр считал, что достигнутое насилием классовое господство приведет к установлению деспотического режима, имеющего мало общего с настоящим социализмом, заложником которого станет сам пролетариат. Об этом свидетельствовал опыт первых лет функционирования Советского государства. Бауэр отмечал на съезде в Линце: «Все начинается с того, что буржуазию лишают свободы печати, а заканчивается тем, что когда Троцкий и Зиновьев хотят обратиться к российским рабочим, то они могут сделать это только в нелегальных брошюрах. Все начинается с запрета свободы собраний для буржуазии и заканчивается тем, что старая ленинская гвардия может проводить свои собрания только ночью в лесу» [13. S. 268]. Бауэр

весьма прозорливо пророчествовал: «Тот, кто прибегает к насилию, сам становится жертвой насилия» [13. S. 267].

Таким образом, пролетариат, сплотившийся вокруг социал-демократов, может применить силу лишь в случае открытой агрессии со стороны буржуазии. Покуда этого не произошло, согласно Бауэру, должен был действовать принцип: «Не рубить головы, а завоевывать их» [13. S. 267].

Уже в 1929 г., после установления в Югославии монархической диктатуры, эти теоретические выкладки Бауэра для его балканских сторонников оказались мало претворяемыми в жизнь. Для активного сопротивления диктатуре власти не хватало реальных сил, начиная с собственно пролетариата, оставалось лишь верить в теорию о скором наступлении вреда от насилия.

Весь демократический период Первой республики австромарксистов преследовал призрак революции. И если для высших эшелонов партии австрийских социал-демократов были очевидны недостатки советского пути, то простой венский трудящийся вполне мог завидовать государству, в котором рабочий класс громкогласно поставлен выше всех остальных. Именно поэтому Бауэром была выдвинута концепция отложенной революции. Еще в 1919 г. в работе «Путь к социализму» главный теоретик второго австромарксизма разделил понятия политической и социальной революции. Если первая из них, а именно установление демократического строя в 1918 г., была «результатом насилия», то будущая социальная революция будет «плодом смелой, но осознанной многолетней работы [...] Ведь политическая революция может, как сказал Маркс, “высвободить элементы будущего общества”; построить же из этих элементов новое общество — это цель, которая не может быть достигнута ни в уличных боях, ни в гражданской войне, а только в творческой законодательной и административной работе» [10. S. 5].

В то время Бауэр противопоставлял понятия политической и социальной революции, отвергая при этом «иллюзии узколобого ревизионизма или реформизма», в соответствии с которыми «общество может мирно “врасти” в социализм» [10. S. 5].

В 1923 г. в работе «Австрийская революция» Бауэр писал: «Вся история классовый борьбы пролетариата — это не только история изменения условий, в которых рабочий класс живет, но и история развития самого рабочего класса» [17]. Это ключевой тезис, который позволил выдвинуть концепцию отложенной революции. Бауэр обнаружил элементы нового общества в самих рабочих, их окончательное высвобождение в итоге и ознаменует победу революции: «В начале этого развития рабочий на предприятии был ничем иным, как безвольным орудием в руках хозяина фабрики, а в короткие часы досуга в конце рабочего — ничем иным, как грубым, обессиленным зверем. В конце этого развития рабочий должен стать всесторонне развитой личностью, готовой к самостоятельному управлению своей жизнью и трудом, и которая не выносит хозяина, потому что не нуждается в нем» [17].

Это довольно неожиданные, резкие слова для Бауэра. Примечательно, что сам термин «рабочее животное» австромарксист позаимствовал у Маркса, который, в свою очередь, использовал его в совершенно другом контексте. Так, в «Экономически-философских рукописях 1844 года» Маркс заметил, что «политическая экономия видит в рабочем лишь рабочее животное, лишь скотину, потребности которой сведены к самым необходимым физическим потребностям» [16. Т. 42]. Теоретик австромарксизма фактически не признавал за рабочим человеческого достоинства, личности, потому что эти понятия не соответствуют его идеалам. В этом проявился патернализм и элитизм высшего руководства партии австрийских

социал-демократов, который в итоге сильно сказался на практической работе и в частности, в отношении самих рабочих к реформам Красной Венны.

Таким образом, Бауэр ставил целью «революцию душ», следствием которой должно было стать новое поколение людей, готовых к постройке социализма: «Это развитие от рабочего животного к личности — вот в чем развитие к социализму. Любая революция государственных или общественных институтов означает для движения к социализму настолько много, насколько она означает развитие от рабочего животного к личности» [17]. Этот же тезис попытался развить и М. Адлер. В 1924 г. он опубликовал любопытную работу под названием «Новые люди. Размышления о социалистическом воспитании» [18]. Левый социал-демократ полагал, что социализм должен быть преимущественно не политическим движением, а скорее культурным, как христианство. Сформированный путем осознанной и целенаправленной социалистической образовательной и культурной работы «новый человек» должен был стать репрезентацией по отношению к миру капитализма и христианства. «Царство наше не от капиталистического мира сего, а от социалистического мира, которого сейчас не существует, но который мы можем и должны создать», — проповедовал Адлер [18. S. 83].

Однако для достижения этой цели человек будущего, новый человек должен быть создан именно в традиционных рамках — именно этот аспект австрийской модели был наиболее притягателен для Балкан, которые в XX в. предпочитали развиваться с учетом традиции. Адлер усматривал отличительную черту социализма в том, что он «способствует этой перестройке и трансформации человека у своих сторонников» [18. S. 83]. С этим перекликаются слова известного австрийского пролетарского поэта Й.Л. Штерна (1886—1966), который утверждал в 1930 г., что социалистическое воспитание превращает каждого рабочего в «сосуд революции», в котором «разум, характер и чувства зажигаются светлой идеей социализма» [19. S. 28].

Безупречная в плане риторики, стратегия австрийских социал-демократов не выдержала испытания практикой. Приход к власти в 1932 г. канцлера Э. Дольфуса привел к разгону парламента и установлению авторитарного режима, открыто позиционировавшего себя как фашистский. Таким образом, была ликвидирована видимость баланса сил. А в 1934 г. оказалась под запретом и сама деятельность социал-демократов. При этом партия Бауэра поступилась важными пунктами своей программы, отказавшись от вооруженной борьбы за демократические институты: восстание 1934 г. было инициировано местными ячейками Шуцбунда², в то время как партийное руководство заняло пассивную позицию.

Социал-демократическая партия Югославии стояла на близких идеологических позициях с австрийскими социал-демократами, особенно это проявилось после гражданской войны в Австрии 1934 г., когда фашистское будущее Европы стало приобретать ясные очертания. Так, в 1934 г. в журнале «Snaga» («Сила») — центральном печатном органе югославских социал-демократов — вышел цикл статей, в котором был проведен анализ политики австрийских коллег и причин ее провала. Буржуазные силы сумели отстранить социал-демократов от управления государством. Австрийским социал-демократам, по мнению их югославских коллег, напротив, удалось укрепить свои позиции на муниципальном уровне, главным образом, в городах и организовать пролетариат в шуцбунд для защиты

² Республиканский шуцбунд (нем. Republikanische Schutzbund) — вооруженная организация австрийских социал-демократов в 1923—1936 гг., выступившая на стороне республики в гражданской войне 1934 г.

демократии и интересов рабочего класса. Таким образом, в политической жизни Альпийской республики сложилось своеобразное двоевластие — равновесие сил буржуазии и пролетариата. Однако под воздействием внешних и внутренних факторов это равновесие было нарушено грубым образом — фашизм у власти ликвидировал сам фундамент этого равновесия — демократическую систему. Этому способствовала оборонительная, пассивная стратегия социал-демократов [20. № 3. С. 2].

Примечательно, что югославские социал-демократы опасались прихода к власти Габсбургов в Австрии на фоне контрреволюции — в этом отношении они разделяли настроения официального Белграда. На страницах журнала «Snaga» об этом писал выдающийся деятель австрийской социал-демократии Ю. Дойч (1886—1968): «Как только они (реакция — *М.Б.*) получили в руки оружие, они направили его против рабочих, против социал-демократии, чтобы проложить Габсбургам дорогу в Хофбург. Их агенты и лакеи снова сидят на Бальхаусплатц³» [20. № 9. С. 11].

Балканские коммунисты занимали преимущественно негативное отношение к австрийским социал-демократам, придерживаясь официальной позиции Коммунистического интернационала. Лаконично и ярко она была изложена болгарским коммунистом Г. Димитровым. Так, в письме австрийским рабочим, опубликованном после поражения республиканского шуцбунда в февральских боях 1934 г., Димитров писал: «В 1918 г. вы имели все в руках. В ваших руках было оружие, вы создали свои Советы рабочих и солдатских депутатов. Вас окружали с двух сторон советские республики Венгрии и Баварии. Буржуазия потеряла голову: она боялась, что вы поступите с ней так же, как русские рабочие в 1917 г. со своей буржуазией [...] Если бы австрийский и германский пролетариат пошел в 1918 г. путем русских большевиков, сейчас не было бы фашизма ни в Австрии, ни в Германии, ни в Италии, ни в Польше, ни на Балканах, и, несомненно, что не буржуазия, а рабочий класс был бы уже давно хозяином положения в Европе» [21. С. 7]. Политику австромарксизма Димитров оценивал крайне негативно: «Австрийская социал-демократия во главе с Фрицем Адлером и Отто Бауэром повела рабочий класс по иному пути. Она пошла на союз с буржуазией против революции. Она старалась запугать австрийских рабочих трудностями героической борьбы русских рабочих и крестьян, она обещала дать рабочим социализм без революции, без пролития крови — одним избирательным бюллетенем и парламентскими комбинациями. Она толкала их не на борьбу, а на примирение с буржуазией на основе мелких, временных уступок, которые были для буржуазии средством спасти себя от революции» [21. С. 8].

Таким образом, теоретические рецепты О. Бауэра по завоеванию политического превосходства и мирному переходу к социализму были для межвоенных Балкан перспективной «идеологией на вырост», которую местные социал-демократы надеялись претворить в жизнь в условиях грядущей модернизации общественных отношений. Многие из выкладок австромарксизма внешне выглядели реалистичнее и осуществимее, нежели уже реализуемые планы большевиков, а идеи о самоуправлении народа пригодились и коммунистам-титовцам в послевоенные годы.

В реальной же политической практике 1920—1930-х годов глубинный просчет австрийской социал-демократии заключался в невозможности предложить реальную объединительную программу для различных слоев австрийского общества. Сделав ставку на «пролетарскую аристократию» — рабочих крупных

³ Площадь в Вене, на которой расположены правительственные здания.

промышленных центров, партия социал-демократов превратилась в лидеров меньшинства и фактор сплочения остального традиционного общества вокруг правых партий. С похожими трудностями пришлось столкнуться и партиям левого толка на Балканах, где апелляция к национальным, а не классовым чувствам, до Второй мировой войны оставалась более убедительным аргументом в политической борьбе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Kelsen H.* Die Verfassungsgesetze der Republik Deutschösterreich. Wien, 1919. Bd. 1.
2. Reichspost. 1918. 21 XI.
3. Soziale Revolution. 1919. 8 I.
4. *Турок В.М.* Очерки истории Австрии. 1918–1929. М., 1955.
5. Arbeiter Zeitung.
6. *Hanisch E.* Der grosse Illusionist: Otto Bauer (1881–1938). Wien, 2011.
7. *Adler M.* Kant und der Marxismus. Berlin, 1925.
8. *Frei A.G.* Rotes Wien: Austromarxismus u. Arbeiterkultur; sozialdemokratische Wohnungs- und Kommunalpolitik 1919–1934. Berlin, 1984.
9. *Leser N.* Zwischen Reformismus und Bolschewismus. Wien, 1985.
10. *Bauer O.* Der Weg zum Sozialismus. Wien, 1921.
11. Der Kampf.
12. Otto Bauer Werkausgabe. Wien, 1976.
13. Protokoll des Parteitages 1926. Die Verhandlungen der Sozialdemokratischen Arbeiterpartei abgehalten vom 30. Oktober bis 3. November in Linz. Wien, 1926.
14. *Bauer O.* Der Kampf um die Macht. Wien, 1924.
15. Югославия в XX веке: Очерки политической истории. М., 2011.
16. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19; М., 1974. Т. 42.
17. *Bauer O.* Die österreichische Revolution. Wien, 1923. <https://www.marxists.org/deutsch/archiv/bauer/1923/oesterrev/12-staat.html>
18. *Adler M.* Neue Menschen. Gedanken über sozialistische Erziehung. Berlin 1924.
19. *Stern J.L.* Klassenkampf und Massenschulung. Wien, 1930.
20. Snaga. 1934.
21. *Димитров Г.М.* Письмо австрийским рабочим. М., 1934.

© 2018 г. С. И. МИХАЛЬЧЕНКО

ЛЕКЦИОННОЕ ТУРНЕ С.Л. ФРАНКА ПО ГОРОДАМ ЛАТВИИ, ЭСТОНИИ И ЛИТВЫ В 1928 ГОДУ

Статья посвящена подробностям лекционного турне русского философа С.Л. Франка по Латвии, Эстонии и Литве в феврале-марте 1928 г. На основе неопубликованных писем Франка жене Т. Франк и материалов прессы показывается как реакция общественности стран Балтии на лекции ученого, так и восприятие самим философом реалий жизни в этих странах.

The article is devoted to the details of the lecture tour of the Russian philosopher Semyon Frank in Latvia, Estonia and Lithuania in February and March of 1928. On the basis of Frank's unpublished letters to his wife and the periodicals, both the reaction of the public in the Baltic States to the lectures of the scholar, and the philosopher's perception of the realities in these countries are shown.

Ключевые слова: С.Л. Франк, страны Балтии, русская эмиграция, переписка ученых.

Keywords: Semyon Frank, Baltic states, Russian emigration, scholars' correspondence.

Адаптация русских эмигрантов первой волны за рубежом – сложный процесс, затронувший многие аспекты жизни и деятельности изгнанников [1]. Одним из направлений приспособления к заграничной действительности для представителей преподавательского и научного сообщества были лекционные поездки, позволявшие хоть немного улучшить свое материальное положение. Причем, хотя лекции организовывались в разных странах, где можно было собрать достаточное количество слушателей, выгоднее было это делать в странах с высоким процентом восточнославянского населения. К таковым относились страны Балтии и восточные районы Польши и Чехословакии (Прикарпатская Русь).

В 1920–1930-е годы эти регионы были чрезвычайно популярны как место выступлений русских ученых и писателей – здесь выступали и И.А. Бунин, и И.С. Шмелёв, и К.С. Бальмонт, и многие другие литераторы. Выступления зачастую собирали полные залы, что позволяло выплачивать гонорары. Не отставали от писателей и ученые, прежде всего, гуманитарии, в том числе философы [2–5].

Так, в 1927 г. приезжал в Ригу Николай Николаевич Алексеев (1879–1964) – юрист и философ, магистр государственного права (1911), до 1918 г. преподававший в Московском университете [6]. После бурных лет Гражданской войны, когда Алексеев дважды эвакуировался в Константинополь, он с 1921 г. жил в Праге, преподавая на Русском юридическом факультете, активно занимаясь

Михальченко Сергей Иванович – д-р ист. наук, профессор Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского.

Подготовлено в рамках проекта РГНФ № 15-01-00209.

при этом и научной деятельностью. С середины 1920-х годов он становится одним из лидеров евразийского движения. Именно в качестве пропагандиста идей евразийства он отправился в ноябре 1927 г. в Латвию и Эстонию, поскольку Прибалтика, как он отмечал, с точки зрения евразийства, территория «непочатая, девственная» [7. С. 66].

Алексеев ехал в Латвию с определенным волнением. «Со всех сторон мне дали понять, что я не могу рассчитывать на широкий успех, — вспоминал он. — «Русские здесь очень правые, — говорили мне, — они вас не придут слушать [...] Евреи тоже не придут [...] они не интересуются евразийством». Друзья искренне предупреждали меня, чтобы я не слишком высказывал симпатии коммунистам! [...] Могут быть неприятности! [...] Словом, я чувствовал сильную враждебную агитацию, с одной стороны, смущение — с другой [...]». Уже по дороге он почувствовал, что не столько едет в незнакомую страну, сколько возвращается в Россию. Где-то за Вильно «было уже трудно сказать точно, где я, где-нибудь в Тверской или Новгородской губернии, между Москвой и старым Петербургом [...] Озера стоят синие, свинцовые, беляши ходят по ним от ветра, темные леса нависли над самой водой. Россия здесь физически необычайно близка и ощутительна во всем своем неповторимом своеобразии [...]» [7. С. 67].

Тем не менее, уже на первой лекции «публики было изрядно много — но все “зеленая” молодежь [...] Когда я взшел на эстраду, я чувствовал тот холодок, который разделял меня и слушателей. Молодежь ведь тоже была “подготовлена”, а кроме того, искренне не знала, с кем имеет дело. Об евразийстве она слышала только от “отцов” — и что слышала? Я стал говорить и уже через несколько минут почувствовал, что лед тает. Могу заметить, что давно мне не приходилось иметь дело с аудиторией, которая слушала бы с таким напряженным волнением, с такой жадностью, как это было в Риге [...] Я чувствовал, что здесь в Риге, для нас нащупалась благоприятная почва, и что сказанное мною было сказано не напрасно» [7. С. 67].

По окончании лекции был устроен диспут. «Я думаю, что растаял лед и некоторых “отцов” — на том прощальном диспуте, который устроен был перед моим отъездом, — отмечал Алексеев. — То, что мне сказали “отцы”, было сердечно и дружелюбно — спасибо им за это [...]» [7. С. 67]. Лекционное турне Алексеева вынужденно прервалось в Риге — ему не дали эстонскую визу и дальнейшие его выступления в Дерпте и Ревеле не состоялись.

В конце 1927 г. в Вильно, Ригу и Ревель приезжал Василий Васильевич Зеньковский. В Риге у философа было «4–5 публичных лекций, которые дали много ценных (в разном смысле) знакомств», — вспоминал он позднее [8. С. 137]. Особенно ему запомнились выступления перед местными старообрядцами: «Это были очень интересные для меня встречи с чужим миром» [8. С. 137]. Главной целью Зеньковского в прибалтийской поездке, однако, были не столько лекции как таковые, сколько вопросы организации Русского Студенческого Христианского Движения.

В феврале-марте 1928 г. состоялась лекционная поездка в Прибалтику выдающегося русского философа С.Л. Франка. Причем, в отличие от Зеньковского, Франк поехал в специально организованное лекционное турне. В существующей биографической литературе, посвященной Франку, подробности этого турне не охарактеризованы. Этим подробностям и посвящена настоящая статья.

Семен Людвигович Франк оказался в эмиграции в 1922 г. Он был пассажиром одного из нескольких «философских пароходов», привезших высланных из Советской России интеллектуалов в Западную Европу. В 1922–1938 гг. Франк жил

в Берлине, преподавая до 1933 г. в Русском научном институте (в 1932–1933 гг. его возглавлял) и в первой половине 1920-х годов в Религиозно-философской академии. В Германии «материальное положение Франка не отличалось стабильностью» [9. С. 145], причем со временем ухудшалось [10. С. 71–72]. Несмотря на работу в двух институтах и вывезенные из России небольшие сбережения, наличие большой семьи (жена и четверо детей) приводило к финансовым затруднениям, поэтому Франк не пренебрегал никакими заработками.

Интересу Франка к поездке в Прибалтику способствовало, вероятно, и то обстоятельство, что он не раз задумывался о возможности получения кафедры в балтийских вузах. Так, в 1924 г. он пытался занять кафедру социологии в университете в Риге [10. С. 71], а в 1927 г. найти работу в Юрьеве. О последней возможности, в частности, шла речь в письме Бердяева Франку 16 ноября 1927 г. («Если бы Вы могли получить кафедру в Юрьеве, то это, конечно, наиболее Вас устроило бы» [11. С. 64]. Сам Бердяев в марте 1927 г. посетил Ригу и выступал там с большим успехом [12. Р. 1–3].) Следует отметить, что многие из представителей русской профессуры, оказавшейся в эмиграции, стремились в прибалтийские университеты – этому способствовало и то, что во вновь образованные университеты в Риге и Каунасе требовались квалифицированные преподаватели. К тому же здесь (особенно в Риге) было много русскоязычных студентов. В итоге в Риге смогли устроиться юрист В.И. Синайский, экономист В.И. Косинский, историк Р.Ю. Виппер, искусствовед Б.Р. Виппер (всего только в Латвийском университете в 1920–1930-е годы преподавало от 11 до 21 человека [13]); в Каунасе в межвоенные годы преподавали историки Л.П. Карсавин (с 1929 г. читал лекции по-литовски) и И.И. Лаппо [14–16]. В Тартуском университете в Эстонии работали юристы Д.Д. Гримм и И.М. Тютрюмов, экономист М.А. Курчинский и др. [17; 18].

Поездка Франка была организована Русским Просветительным обществом. В конце февраля 1928 г. ученый выехал в Ригу через Варшаву и Кенигсберг. Вероятно, 28 февраля он приехал в Ригу, а далее план был таков: в Риге «я остаюсь до вторника 6-го утра (кроме трех лекций платных читаю еще бесплатные для студентов в университете – организовано Христианским союзом), – писал он жене, – потом еду в Двинск и оттуда обратно в Ригу 7 утром, а вечером еду в Ревель (Режицу пришлось оставить из-за очень плохого сообщения; надо трепаться целую ночь, гонорар весьма сомнительный, боюсь слишком переутомиться). В Ревеле читаю по-русски и по-немецки 8, 9, 10 и 11, и остаюсь отдохнуть 12-го. 13-го выезжаю в Дерпт и оттуда, уже прямо 16-го или 17-го в Ковно. Немцы в Эстонии дают мне за 4 лекции всего 240 марок, русские – чистый доход от 2-х лекций» [19. Л. 2].

Первые впечатления от города были скромные: «Тут, конечно, настоящая провинциальная Россия, квартира, как самая плохонькая и убогая саратовская» [19. Л. 2].

Тем временем за несколько дней до начала лекций в главной русскоязычной газете Латвии «Сегодня» появилось извещение о двух лекциях, которые будут прочитаны 29 февраля («Наука о чудесах») и 2 марта («Новое варварство»). 2 марта газета сообщала об успешном начале лекций и давала краткую биографию ученого. Отмечалось, что после эмиграции Франк работает в Берлине в Русском научном институте и в Религиозно-философской академии. Франк предполагал в первой лекции говорить о научной основе оккультизма, о типах оккультных явлений, о взаимоотношении науки и мистики. Подробные отчеты о лекциях публиковались в вечернем выпуске газеты «Сегодня», откликнулась на

них и газета «Слово». 2 марта о лекции «Смысл жизни» говорилось: «В необыкновенно ясной, простой, но в то же время и увлекательной форме рассказал лектор о том “проклятом” вопросе, который издавна мучил человека в его неустанных поисках истины» [20]. Через два дня Франк прочел в Риге последнюю лекцию «Религиозные основы общественности». «Лектор в кратких словах обрисовал кризис той веры и тех идей, которыми мы жили до недавнего времени и которые рухнули в результате встряски последнего 10-летия» [21].

Франка тепло приветствовали в общественных организациях города — в студенческом религиозном кружке [22] и в Христианском Союзе Молодых Женщин [23]. Как и Зеньковский, Франк посетил молебен в старообрядческой церкви в Московском предместье Риги.

И сам лектор был удовлетворен пребыванием в Риге. 1 марта он писал жене: «Вчера прочитал 1-ю лекцию. Народу была масса» [19. Л. 5об.]. Первоначальное грустное впечатление о городе быстро развеялось: «Здесь у меня хорошее впечатление. Рига — прекрасный русский губернский город, много лучше Саратова. Но главное — русский. Как здесь относятся ко мне и вообще к русским ученым — немножко дает почувствовать, как было бы, если бы мы оставались в России в прежнем положении» Его впечатления от лекций в общем совпадали с оценками в прессе: «читал импровизированную лекцию (бесплатную!) в университете «О смысле жизни», устроенную латышским студенческим христианским союзом. Аудитория опять не вместила желающих и пришлось перемещаться в актовЫй зал, было около 300 человек молодежи». Тем не менее, итогом пребывания в латвийской столице было пессимистическое замечание: «В Риге было бы хорошо жить, но надежд на это, увы, никаких, кажется, нет» [19. Л. 6].

Посещение следом за Ригой Даугавпилса, который Франк называл по старинке Двинском, чуть убавило восторженности, хотя в целом оно также было успешным: «Вчера я был в Двинске, — сообщал он Т. Франк 7 марта. — Это уездный русский город, в первый момент забавно и интересно, но потом становится даже тяжело. Публика там соответствующая — старые русские провинциальные обыватели, которым, в сущности, мои лекции совсем не нужны. Народу было, как говорят, по тамошним условиям много. После лекции за ужином устроили формальную попойку. Можешь себе представить, как я себя чувствовал — боялся, что я с ними не выберусь оттуда» [19. Л. 10].

8 марта Франк приехал в Таллин. Об этом днем позже сообщила местная газета «Вести дня». Программа чтений была аналогична рижской, только последовательность обратная и одна из тем преобразовалась в «Кризис мирозерцания и судьбы России». Лекции предполагалось читать в Русской гимназии [24]. Таллинская пресса так же, как и рижская, уделяла значительное внимание лекциям Франка, откликаясь на все его выступления и давая краткое их содержание. 12 марта газета «Вести дня» отмечала, что «злободневная тема доклада, как и крупная личность самого почтенного профессора собрали полный зал Русской гимназии, с напряженным интересом выслушавший двухчасовое сообщение, в сжатой форме дающее слушателю важнейшее из столь пестрой событиями истории нашего века, богатой кризисами всех областей жизни и катастрофическими изменениями в быту и сознании современного человечества». По мнению Франка — в изложении автора заметки — «как французская революция произвела переворот в сознании всего человечества, так и русская заставила мир пересмотреть все старые ценности». В результате революции мир вступил в глобальный кризис — социальный, мировоззренческий, экономический [25].

Сам Франк оставил хотя и менее восторженные, чем рижские, но все же вполне положительные замечания о пребывании в столице Эстонии. «Ревель — старинный немецкий город с крепостью на горе, но совсем обрусевший. Похоже на Финляндию. Русский дух и стиль соединены с немецкой чистотой и культурностью», — отмечал он в письме жене 8 марта [19. Л. 11–12], а днем позже, делаясь впечатлениями о лекции на немецком языке, писал: «Народу было не очень много, человек 60–70, но, по-видимому, потому что немцев здесь вообще немного. Посланник тоже присутствовал, лекцией [...] очень оказались довольны» [19. Л. 13].

В Таллине состоялась встреча Франка с участниками «Русского Христианского студенческого движения». Размышляя на волновавшую тогда мыслителя проблему зла, Франк вышел на тему предназначения эмиграции. По его мнению, главная задача русского рассеяния — накопление в себе духовных сил, возвращение добра. «Нельзя жить на бивуаках, ожидая, что каждую минуту подадут поезд, чтобы ехать домой. Необходимо, чтобы каждый момент нашей жизни был духовно оправдан», — подчеркивал Франк. Именно в этом, по его мнению, была главная задача эмиграции [26].

Вполне удачным оказалось и пребывание ученого в Тарту (Франк называл его в письмах Дерптом). «Вечером читал немецкую лекцию — я теперь обнаглел, читаю без подготовки, как русскую, и все довольны. Народу было больше, чем в Ревеле», — писал он жене 15 марта. Познакомившись с местными русскими профессорами, отметил их невысокий уровень («Все это люди без ученых заслуг, случайно попавшие в университет и глубоко провинциальные» [19. Л. 17–18]), самому же ему устроиться в балтийских университетах не удалось.

Завершение лекционного турне Франка по Прибалтике в литовской столице Ковно (Каунасе) было триумфальным. «Здесь большой успех», писал он Т. Франк 19 марта, так как рижские газеты сделали рекламу и публикации было много [19. Л. 21]. 19 марта он прочитал лекцию «Наука о чудесах» в университете [27], а 21 марта — «Кризис современной культуры и судьбы России» в зале Русской гимназии¹.

Поездка Франка в Прибалтику в 1928 г. — не единственное лекционное турне в его жизни. Были и другие и до 1928 г., и после. Тем не менее, на примере этого путешествия можно проследить как некоторые важные особенности организации такого рода поездок русской профессуры, так и уточнить отдельные моменты биографии знаменитого русского философа и истории русской эмиграции в целом.

¹ Буквально за неделю до Франка, 11 марта, перед местной публикой выступил на тему «Россия и эмиграция» преподававший в Каунасском университете Л. Карсавин. И хотя выступление в целом было успешным, все же лекция оставила впечатление «чего-то незаконченного». «Никого лекция не толкнула на развитие темы, углубление или разъяснение ее», — отмечала главная местная русская газета [28]. Так что успех Франка тем более стоит быть отмеченным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Волошина В.Ю.* Вырванные из родной почвы: социальная адаптация российских ученых-эмигрантов в 1920–1930-е годы. М., 2013.
2. *Инфантьев Б.* Образ Латвии 20–30-х годов в творчестве русских зарубежных писателей // Диаспоры. 2002. № 3.
3. *Бакунцев А.В. И.* Бунин в Прибалтике: литературное турне 1938 года. М., 2012.
4. *Mihal'cenko S.I.* Ruský spisovateľ Ivan Šmeľov o Československu v roku 1937 // Východná dilemma strednej Európy. Bratislava, 2010.
5. *Михальченко С.И.* Словакия и Подкарпатская Русь 1920-х гг. в «Воспоминаниях» Е.В. Спекторского // Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память. М.; СПб., 2014.
6. *Поляков А.В.* Разочарованный странник (Н.Н. Алексеев и идея государства): Комментарий к послесловию А.В. Полякова к книге «Алексеев Н.Н. Идея государства» (СПб., 2001) // <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1140020>
7. *Алексеев Н.Н.* Поездка в Латвию // Евразийская хроника. Париж, 1928. Вып. 10.
8. *Зеньковский В.В.* Мое участие в Русском студенческом христианском движении // *Зеньковский В.В.* Из моей жизни: Воспоминания. М., 2014.
9. *Буббайер Ф.С.Л.* Франк. Жизнь и творчество русского философа. М., 2001.
10. *Оболевич Т.* Семен Франк: Штрихи к портрету философа. М., 2017.
11. «В Берлине Вы объективно нужнее»: С.Л. Франк и Н.А. Бердяев в 1927 году. Фрагмент неизданной переписки / Публ. А. Гапоненкова // Самопознание. 2016. № 6.
12. *Lowrie D.A.* Rebellious prophet. A Life of Nicolai Berdyaev. New York, 1960.
13. *Фейгмане Т.* Русские преподаватели в Латвийском университете (1919–1940) // <http://www.russkije.lv/ru/lib/read/%B0/pub/reads-in-latvia-edition2/feigmane-professores-rus-latvii-2.html>
14. *Мякишев В.П. И.И.* Лаппо – ученый с живым чувством исторической действительности // Вестник Воронежского госуниверситета. Серия Гуманитарные науки. 2004. № 1.
15. *Ласинкас П.* Русские историки-эмигранты в Литве: И.И. Лаппо // http://www.russianresources.lt/archive/Lappo/Lappo_2.html;
16. *Ласинкас П.* Русские историки-эмигранты в Литве: Л.П. Карсавин // http://www.russianresources.lt/archive/Karsavin/Kars_5.html.
17. *Лаасик Э. Профессор И.М. Тютрюмов как преподаватель Тартуского университета в 1920–1940 гг.* // Советское право. 1983. № 2.
18. *Ленс А.* Тартускому университету – 375 лет (Вклад русских правоведов-эмигрантов из России в восстановлении юридического факультета Тартуского университета в 1920–1930-х годах и сотрудничество в настоящее время русских и эстонских ученых-криминологов) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2008. № 2 (15).
19. Дом русского зарубежья. Архив. Ф. 4 (С.Л. Франк). Оп. 1. Д. 6. Письма С.Л. Франка Т.С. Франк.
20. «О смысле жизни». Лекция проф. С.Л. Франка // Сегодня вечером. 1928. 02 III. № 50.
21. «Религиозные основы общественной ответственности» (Последняя лекция С.Л. Франка) // Сегодня вечером. 1928. 05 III. № 52.
22. Проф. С.Л. Франк среди русской молодежи // Сегодня вечером. 1928. 05 III. № 52.
23. Проф. С.Л. Франк среди местных общественных деятелей // Сегодня вечером. 1928. 06 III. № 53.
24. Проф. С.Л. Франк в Ревеле // Вести дня. 1928. 09 III. № 68.
25. «Кризис миросозерцания и судьбы России». Доклад проф. С.Л. Франка // Вести дня. 1928. 12 III. № 71.
26. Проф. С.Л. Франк у участников «Русского Христианского студенческого движения» // Вести дня. 1928. 15 III. № 74.
27. Эхо. Каунас, 1928. 17 III. № 64.
28. Россия и эмиграция. На диспуте // Эхо. Каунас, 1928. 14 III. № 61.

© 2018 г. *И. И. БАРИНОВ*

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ БОЛГАРИИ

В статье рассматриваются текущие взаимоотношения славянского большинства и неславянских меньшинств в Болгарии и связанные с ними проблемы становления единой болгарской гражданской нации. Параллельно исследуются особенности постсоциалистического пути Болгарии и сложности инкорпорации страны в Европейский Союз.

The article considers the current state of relations between the Slavic majority and non-Slavic minorities in Bulgaria and related problems of the formation of Bulgarian civic nation. At the same time, peculiarities of the post-Socialist transition in Bulgaria and its incorporation into the European Union are examined.

Ключевые слова: Болгария, этнические меньшинства, гражданская нация, Европейский Союз.

Keywords: Bulgaria, ethnic minorities, civic nation, European Union.

В 2007 г. Болгария официально стала членом Европейского Союза. Это событие в каком-то смысле подытожило ту долговременную тенденцию, которая имела место в стране начиная с 1989 г. В указанный период времени стремление государств бывшего социалистического блока «забыть» советский опыт актуализировалось в рамках лозунга «Возвращение в Европу!», причем каждый раз в него вкладывалось что-то свое. Так, для Болгарии европеизация должна была означать, прежде всего, «модернизацию, необходимую и неизбежную» [1. С. 78]. Вместе с тем сама специфика Юго-Восточной Европы, традиционность, местами даже архаичность местных обществ, сразу же артикулировали трудности восприятия европеизма. Как отмечает социолог из пражского Карлова университета Пол Блоккер, это выразилось в прерывистой, порой навязываемой модернизации. По словам автора, сам опыт социального развития в указанном регионе после 1989 г. стал не столько долгожданным «возвращением к Европе», сколько «началом новой дифференциации опытов открытости и закрытости и ростом напряжения между этими двумя взаимоисключающими стремлениями» [2. С. 18–19].

В рамках рассуждений об усвоении/локализации западной модерности Блоккер поднял крайне важную тему – проблему взаимодействия «самобытности»

Баринов Игорь Игоревич – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.

Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00021 «Регулирование межнациональных отношений и этносоциальных конфликтов в современном мире: потенциал гражданской идентичности (сравнительный политический анализ)») в Национальном исследовательском институте мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН).

(закрытости) и «европейскости» (открытости) в ходе формирования новой идентичности, а вместе с ней и гражданских наций в постсоциалистических странах. Выбор Болгарии здесь не случаен вдвойне. Если следовать предложенной методологии, болгарское общество не является полностью «открытым». Как показывает статистика, среди болгарского большинства есть значительный сегмент людей, опасющихся потери своей идентичности в результате евроинтеграции [3. С. 228]. Что касается «закрытости», то болгарская культура лишь декларативно репрезентируется в каждом члене общества, тогда как в реальности в болгарском обществе действует ряд инклюзивных и эксклюзивных практик.

С одной стороны, Болгария, наряду с Румынией, придает большое значение собственной этнокультурной традиции, позиционируя себя как нечто «особое» между условным Востоком и условным Западом. Хотя наполненность данных категорий варьируется в зависимости от ситуации, сам дискурс «самобытности» остается неизменным. В результате происходит «либо уклонение от установленных на Западе норм, либо ряд систематических уступок давлению модернизации при сохранении глубинных старых привычек» [2. С. 19]. В этой связи ключевым вопросом становится характеристика той стадии развития, на которой в настоящий момент находится болгарская нация.

Болгарское общество, внешне кажущееся монолитным, являет нам сложную этническую палитру. По переписи 2001 г. болгары, представленные двумя неравными группами – христианами в большей части и мусульманами (помаками) – в меньшей, составляли большинство населения (около 84%). Помимо них в стране присутствуют два значимых меньшинства – турецкое и цыганское (соответственно 9,4% и 4,7% населения) [4. С. 117].

При глубинном изучении межэтнического взаимодействия и практик повседневности в Болгарии выявляется значительное число противоречий, не укладывающихся в рамки классических представлений о титульной нации и меньшинствах. Само клише «национальное меньшинство» было привнесено в Болгарию именно со стороны Евросоюза – через Рамочную конвенцию 1998 г. До этого национальная интеграция происходила посредством соотнесения деятельности «других» с целями доминантной группы для установления некоего баланса интересов.

Долгое время сюжеты, связанные с меньшинствами, отдавались на откуп собственно болгарской традиции и внутреннему болгарскому праву [5. С. 23]. Вероятно, самым негативным проявлением данного императива стала стратегия болгарского нациестроительства времен развитого социализма 1960–1980-х годов. Тогда болгарские турки (а также частично помаки и цыгане, исповедовавшие ислам) стали объектом различных экспериментов правительства – от идеи сплавления их этнокультурных традиций с лояльностью социалистическому болгарскому государству до попыток уничтожения турецкой групповой идентичности в ходе печально известного «возродительного процесса» 1982–1985 гг. [6. С. 227–231; 7. С. 293–294]. Тогда по разным данным от 800 до 900 тыс. человек подверглись насильственной смене имен и фамилий с целью возвращения их к «исконным» болгарским корням [5. С. 16; 6. С. 231]. Это привело к общественной дестабилизации, пошатнувшей межэтнический баланс в Болгарии.

В целом нельзя не отметить, что взаимоотношения большинства и меньшинств в болгарском обществе глубоко противоречивы. С одной стороны, продолжительное взаимодействие представителей указанных сообществ на сравнительно небольшой территории способствовало взаимовлиянию различных по своей сути культурных традиций и местами размывало границы самоидентификации.

Так, исторически тесное соприкосновение болгар и турок снизило роль религиозного фактора. На православное Рождество турки могут есть свинину и пить вино сами и угощать своих родственников по случаю праздника, чтобы затем снова стать «мусульманами» [8. С. 244]. Этнические болгары, в свою очередь, тоже могут участвовать в проведении мусульманских праздников. Специфичность исламской традиции в Болгарии проявляется и в инкорпорированности помаков в болгарское христианское сообщество, в том числе, на бытовом уровне. Даже в ходе «возродительного процесса» большая часть помаков без особых возражений приняла болгарские имена, а некоторые из них (особенно в смешанных населенных пунктах) специально выбирали себе имена из православных святцев.

Тем не менее, несмотря на взаимопроникновение культур, каждая группа стремится к поддержанию собственной традиции. Как считают болгарские исследователи, на первое место в иерархии идентичностей выходит этничность. К примеру, турки не воспринимают как «своих» тех, кто по тем или иным причинам перешел в ислам [8. С. 241–242]. Помаки могут обозначать себя «турками» в силу религии, однако попытки части активистов турецкой этнической партии «Движение за права и свободы» (ДПС) приобщить молодое помакское поколение к турецкой традиции в свое время вызвали протест среди самих болгарских мусульман [9. С. 534–535], которые, как уже говорилось, считают себя интегральной частью болгарского славянского сообщества. Этнический маркер проявляется и в распространенном в Болгарии локальном патриотизме. Так, способ самоидентификации бабеченей (жителей помакского села Бабек в Родопях) можно расшифровать как «мусульманин из Бабека, принадлежащий к болгарскому сообществу». Болгары из внутренних районов страны на бытовом уровне могут снисходительно относиться к «поморянам» (выходцам из приморской Болгарии), называя их обслугой для туристов, однако не ставят под сомнение принадлежность «поморян» к своему сообществу.

Похожие правила действуют и в случае с турками. По статистике 96,4% представителей турецкого меньшинства назвали родным языком турецкий [4. С. 117], 88% заявили о себе как о мусульманах [10. С. 30]. В Болгарии турки в основной массе живут компактными общинами на юге (Хасково, Кырджали) и северо-востоке (Шумен, Нови-Пазар). В их среде существуют сильные неформальные лидеры, которые, наряду с прочим, принимают на себя судебные-полицейские функции в случае возникновения конфликтных ситуаций внутри общины. «Сплоченность» является главной характеристикой, которой, согласно социологическим опросам, болгары наделяют своих соседей турецкого происхождения [10. С. 33].

Каким же образом болгарскому большинству и этническим меньшинствам удастся (и удастся ли?) сосуществовать в рамках одного государства? Ответить на этот вопрос можно при помощи понятия «социальность». Данный собирательный термин включает ряд общих характеристик, таких как трудоустроенность и лояльность государственным институтам, и более частные факторы (образ жизни, уровень образования, жилищные условия). В рамках данного исследования термин вводится для оценки реальной включенности этнических меньшинств в болгарское общество и их восприятия болгарским большинством.

Что касается турецкого сообщества, то несомненным плюсом для него является более высокий, чем у цыган, образовательный уровень и социальная адаптированность. Значительная часть турок работают в сфере сельского хозяйства, причем структуры Евросоюза выделяют немалые средства для стимуляции их традиционного занятия – табаководства. Как показывают

социологические опросы, 71% христиан и 85% мусульман Болгарии считают друг друга «хорошими соседями», 58% и 57% соответственно допускают возможность брака между представителями разных религий, а 62% и 81% — найма на работу представителя другого сообщества [10. С. 35–38]. В определенном смысле стремление членов турецкого сообщества быть вовлеченными в болгарское общество проявляется и в политической сфере. Так, большинство турок голосуют за ДПС, «старую» партию турецкого меньшинства, а не за радикальную партию ДОСТ («Демократы за ответственность, свободу и толерантность»), занимающую открыто протурецкую позицию. Подобный настрой свидетельствует о лояльности местных турок своей «малой родине» и находит одобрение у болгарских властей.

Иной и при этом куда более негативной представляется ситуация с цыганским меньшинством в Болгарии. Уровень предубеждения болгар по отношению к цыганам наиболее высок, причем здесь фактор «социальности» наиболее отчетливо выступает на первый план. Если противоречия между болгарским и турецким сообществом могут быть сглажены за счет длительного межкультурного диалога и общей социализированности турок, то к цыганскому населению страны этот фактор неприменим. Многовековая общественная изоляция цыган как этнических парий и навешивание ярлыков в наши дни оборачивается для них социальной и культурной депрессией. Ситуация в цыганском сообществе Болгарии характеризуется бедностью, крайне низким уровнем образования и здравоохранения, бытовой неустроенностью и, как следствие, его криминализацией. Цыганам по большому счету все равно, за кого голосовать. Известно, что в ходе каждых выборов различные болгарские политические партии (включая, как ни парадоксально, ультраправые), за бесценок скупают цыганские голоса.

Социальная неадаптированность цыган усугубляется и другими факторами, а именно глубокой внутренней культурной и социальной неоднородностью цыганского сообщества. По мнению исследователей, его отличает слабая внутригрупповая солидарность, неустойчивая и ситуативная самоидентификация [11. С. 128]. Размежевание проходит в соответствии с образом жизни (оседлые — кочевые), по религиозному принципу (среди цыган примерно поровну христиан, мусульман и нерелигиозных) [11. С. 130; 10. С. 30]. На этой почве возникают внутригрупповые этнические стереотипы: представители одной цыганской группы не воспринимают представителей других, приписывая себе положительные, а остальным цыганам — отрицательные качества [11. С. 132]. Не менее проблемной является языковая дилемма. По статистике более 86% болгарских цыган говорят на «цыганском языке» [4. С. 117]. В действительности же речь идет о большом разнообразии говоров и диалектов [11. С. 128–129]. Известно, что правительства других «новых государств» Евросоюза, на территории которых проживает цыганское меньшинство, уже столкнулись со сложно разрешимой задачей, на основе какого диалекта стандартизировать цыганский язык для дальнейшей социальной адаптации цыган [12. С. 276].

Насколько можно видеть, «социальность» выступает важным поддерживающим фактором включенности в болгарскую нацию. Недаром в Болгарии, несмотря на упомянутое предубеждение, на бытовом уровне присутствует клише «наши цыгане». Оно применяется к тем представителям цыганского сообщества, которые уже давно живут в данной конкретной местности и в значительной степени интегрировались в болгарское сообщество [13. С. 32]. При этом, что примечательно, цыганам не помогает то, что для части из них болгарский является родным языком, равно как и то, что они, подобно немалой

части болгар, являются скорее евроскептиками [3. С. 229]. Напротив, турки, которые в массе своей плохо говорят по-болгарски и по большей части позиционируют себя как еврооптимисты [3. С. 228], находятся в ином, нежели цыгане, положении. В данном случае их этническая сплоченность и гомогенная культурная традиция имеют, как ни странно, положительный эффект. Из-за этого «благополучные» члены цыганского сообщества, прежде всего те, кто исповедует ислам, предпочитают соотносить себя с турками.

Таким образом, говоря о болгарской нации, следует отметить, что она представляет собой скорее некий конгломерат сообществ, базирующийся на длительной традиции межкультурного взаимодействия и проистекающем из нее внутреннем межэтническом балансе. Важным интегрирующим фактором здесь выступает «социальность» той или иной группы, т.е. ее реальная включенность в болгарское общество. Отдельного исследования требует вопрос о лояльности главенствующей культуре болгарского большинства как элементу дополняющему или заменяющему лояльность государственным институтам. Как представляется, этот фактор уступает место этническому и социальному: болгары могут допускать этнокультурную обособленность турецких общин, учитывая социализированность их членов, тогда как с цыганами такое наблюдается далеко не всегда.

Текущий уровень межэтнической конфликтности в Болгарии можно в целом обозначить как стабильно невысокий. Тем не менее существует ряд серьезных предпосылок, которые могут привести к его повышению. Старение болгарского общества (это касается, прежде всего, славянского большинства) выдвигает на передний план вопрос о перераспределении рабочих мест и, соответственно, социальной защищенности иждивенцев [13. С. 31]. Остроту здесь добавляет высокий уровень безработицы: по данным 2014 г. она составляла 11,4%, в том числе 23,8% среди молодежи [14. С. 49]. Ситуацию на рынке труда ярко отражает количество ультралевых и антикапиталистических граффити на стенах домов в Софии. Согласно статистике, если на одного работающего болгарина приходится два неработающих члена его сообщества, у турок этот показатель достигает 1:3, а у цыган — 1:9 [4. С. 122]. Учитывая, что уже сейчас около половины населения Болгарии нуждается в социальной защите [14. С. 57], вопросы социального и экономического неравенства в обыденном сознании прочно увязываются с этнической дискриминацией [15. С. 248–250].

Указанные противоречия напрямую перекликаются со сферой культуры. Болгарское школьное образование по устоявшейся традиции этноцентрично. Все события трактуются с точки зрения большинства, тогда как альтернативные образовательные программы не развиты. Долгое время для преподавания на языках меньшинств не было квалифицированных учителей. При обучении в смешанных классах сложности возникали из-за слишком разного социально-экономического и культурного уровня учеников. Так, чтобы привлечь цыганских детей в школы и дать им хотя бы базовое образование, власти обещали выдавать их родителям гуманитарную помощь [16. С. 119–122].

В результате возникла цепная реакция, которая затем превратилась в замкнутый круг. Выключенность из системы государственных образовательных учреждений неболгар привела к снижению их конкурентоспособности на рынке труда, традиционно ориентированном на болгар с соответствующим образованием. В условиях безработицы представители меньшинств оказались в более уязвимой социально-экономической ситуации и в итоге замкнулись в себе, формируя автономные микросообщества.

Стоит отметить, что эта ситуация затрагивает как турецкое, так и цыганское сообщества. Как известно, реагируя на неприспособленность болгарских государственных школ для образования турок, Анкара стремится организовать в Болгарии собственно турецкие школы. Проблема здесь, учитывая вступление Болгарии в ЕС, заключается в том, что дети, изучающие турецкий язык вместо европейских, заранее оказываются неконкурентоспособными по отношению к болгарам [9. С. 535]. Более того, подобная искусственная по своей сути консервация турецкого сообщества, в свою очередь, может спровоцировать не только возникновение новых негативных стереотипов, но и вызвать реальный рост социальной напряженности.

В случае с цыганами, которые фактически исключены из участия в социально-политических институтах, этническая компонента оказывается еще более сильной. Если раньше само существование «цыганской общности» ставилось в научных дискуссиях под вопрос ввиду отсутствия в ней устойчивых внутригрупповых связей, то теперь ситуация изменилась. По мнению болгарских исследователей, внешнее негативное влияние на цыган подталкивает их этническую мобилизацию, причем в качестве интегрирующих факторов выступают направленная на них ненависть и связанная с ней виктимность [11. С. 125–133].

Стоит отметить, что описанные сюжеты характерны не только для Болгарии. Подобные сложности присутствуют также и в других государствах Юго-Восточной Европы – как в действующих членах Евросоюза (Румыния, Болгария, Греция), так и в тех, кто намеревается войти в него (Сербия, Македония). Западным концепциям общественного развития приходится уживаться с региональными цивилизационными особенностями и архаичными инклюзивными/эксклюзивными стратегиями. Вопросы, связанные с реализацией прав этнических меньшинств, нередко используются и этническими, и правопопулистскими партиями.

Возвращаясь к проблеме формирования и развития болгарской гражданской нации, следует обозначить те причины, которые затрудняют и тормозят данный процесс. В широком смысле следует указать на неравномерный и местами незавершенный характер постсоциалистического транзита. Резкий переход к новому политическому и экономическому порядку в начале 1990-х годов радикализировал социальные тенденции, ведущие к «закрытости», а сама демократизация общества по европейскому образцу стала рассматриваться как «источник новых бедствий» [2. С. 19]. В результате институты и социальные практики, способные обеспечить переход к формированию национального единства нового образца, заимствовались выборочно. В этом плане неудивительно, что постсоветская модернизация, в том числе и в области нациестроительства, оказалась поверхностной и фрагментарной.

Хотя в 2013–2014 гг. Болгария получила позитивный отклик в докладах Еврокомиссии, текущие условия развития страны, по мнению специалистов, были недооценены в ходе имплементации правовых норм ЕС [14. С. 46]. Внутренняя традиция иерархизации этнических групп, проанализированная в рамках концепта «социальности», и исторические особенности межгруппового взаимодействия по-прежнему довлеют над попытками сделать болгарское общество «открытым». Помимо этого, реализации программы модерности по европейскому образцу мешает нерешенная проблема бедности и обеспечения равного доступа к ресурсам социальной сферы [14. С. 58–60]. В условиях снижения размера пособий и ассигнований на здравоохранение [4. С. 122] это косвенно способствует тому, что люди отказываются от реализации собственных гражданских прав – одного из базовых понятий политической системы Евросоюза.

Не отвечает указанным задачам и система образования – вероятного инструмента для выравнивания отношений между большинством и меньшинствами. Как отмечают специалисты, здесь необходимы не только гибкие учебные программы, но и активное участие родителей учеников, а также общественных организаций [16. С. 119]. В последнем случае, как предполагается, это должно способствовать продвижению межэтнического диалога и социальной адаптации всех учащихся. Таким образом предполагается сделать первый шаг в сторону реальной «открытости» общества.

Следующим шагом должно стать сочетание диверсифицированных стратегий и публичной активности граждан с грамотной информационной политикой [16. С. 122]. Как известно, далеко не все болгары имеют опыт непосредственного повседневного взаимодействия со своими согражданами-турками, что приводит к негативной стереотипизации. При этом еще в 1990-е годы болгарскими социологами была выявлена прямая корреляция между интенсивностью неформальных контактов представителей болгарского и турецкого сообществ и нивелированием обоюдных религиозных и этносоциальных предрассудков [15. С. 248]. Подобная стратегия должна способствовать созданию единой «ментальной карты» болгарского общества и помешать образованию самодовлеющих этнических островков.

Таким образом, хотя Болгария уже десять лет находится в составе ЕС, становление гражданской нации, а, следовательно, и реальная инкорпорация страны в пространство единой Европы, пока буксуют. Как представляется, стимулировать болгарское общество к этому может политика взаимных уступок Брюсселя и Софии. В первом случае речь идет о более вдумчивом подходе к адаптации разработанных в Западной Европе концепций и требований к специфическим условиям постсоциалистических стран Юго-Востока. Руководство же Болгарии должно, прежде всего, проявить политическую волю к имплементации мер и стандартов, призванных сконструировать новую политику нациестроительства, равно как и разработке механизмов ее поддержания и регулирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Krasteva A.* The Idea of Europe in the Mirror of Bulgarian Cultural Identity // Bulgaria. Facing cultural diversity. Sofia, 1999.
2. *Блоккер П.* Сталкиваясь с модернизацией: открытость и закрытость другой Европы // Новое литературное обозрение. 2009. № 6.
3. *Грушецкий Б.П.* Этнические меньшинства и политика интеграции Болгарии в ЕС и НАТО // Вестник Таврического национального университета. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». 2012. № 4.
4. *Светлорусова Л.М.* Положение этнических меньшинств в Болгарии // Национальные меньшинства в странах Центрально-Восточной Европы: сборник обзоров и рефератов. М., 2007.
5. *Bakalova M.* The Bulgarian Ethnic Model: Legal Framework and Policy Aspects // Bulgaria. Facing cultural diversity. Sofia, 1999.
6. *Kalinova E.* State policy towards the Turkish minority in Bulgaria (1944–1989) // Minorities in the Balkans: state policy and interethnic relations (1804–2004). Belgrade, 2012.
7. *Валева Е.Л.* Государственная политика Болгарии в отношении турецкой этнической общности (1980-е годы) // Славянский альманах. 2012. М., 2013.
8. *Georgieva T.* Coexistence as a System in the Everyday Life of Christians and Muslims in Bulgaria // Relations of Compatibility and Incompatibility between Christians and Muslims in Bulgaria. Sofia, 1994.
9. *Бибикова О.П.* Проблема болгаро-турецкого мусульманского населения в отношении между Софией и Анкарой // Ислам на Ближнем Востоке. 2012. № 7.
10. *Bosakov V.* Bulgarian Turks in the context of neighborhood with other ethnic-religious communities in Bulgaria // International Journal of the Sociology of Language. 2006. № 179.

11. *Томова И.* Формирование цыганской идентичности // Национальные меньшинства в странах Центрально-Восточной Европы: сборник обзоров и рефератов. М., 2007.
12. *Hancock I.F.* Language Corpus and Language Politics: The Case of the Standardization of Romani // Nation-Building, Ethnicity and language Politics in Transition Countries. Budapest, 2003.
13. Права на малцинства, междуетнически и междурелигиозни отношения. София, 2008.
14. *Валева Е.Л., Шабунина В.И.* Парадоксы болгарской трансформации // Переход стран Центрально-Восточной Европы от социализма к капитализму: особенности и результаты. М., 2016.
15. *Mitev P.* Principal Results // Relations of Compatibility and Incompatibility between Christians and Muslims in Bulgaria. Sofia, 1994.
16. *Gyurova E.* Emerging Multi-Ethnic Policies in Bulgaria // Diversity in Action: local public management of multi-ethnic communities in Central and Eastern Europe. Budapest, 2003.

© 2018 г. Л. БУДИЛОВА, М. ЯКОУБЕК

ВОЙВОДОВО – ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕДИНСТВЕННОЙ ЧЕШСКОЙ ДЕРЕВНИ В БОЛГАРИИ

Статья представляет историю Войводово, единственной чешской деревни в Болгарии. Войводово образовалось в 1900 г. и просуществовало до конца Второй мировой войны, когда его жители вернулись в Чехословакию. Население Войводово было известно своим религиозным пылом и сельским хозяйством – деревня была характеризована как «примерная» и местным населением, и органами государственного управления.

The article presents the history of Voyvodovo, the only Czech village in Bulgaria. Voyvodovo was founded in 1900, and its «Czech» period ended after World War Two, when the Czechs left for Czechoslovakia. Voyvodovans were renowned for their religious fervor and farming skills and the village was considered «exemplary» by the local population as well as by the state administration.

Ключевые слова: Войводово, Болгария, чешские земляки, методисты.

Keywords: Voyvodovo, Bulgaria, Czech compatriots, Methodists.

В период с 1900 по 1950 г. в селе Войводово, на северо-западе Болгарии, проживали чешские протестанты, предки которых пришли в Болгарию из различных мест, однако большинство из села Святая Елена¹, находящегося на территории современного румынского Баната.

В послевоенное время большинство войводовцев переселились в пограничные районы Чехословакии; в Болгарии же они представляли собой весьма редкое явление, хотя достаточно многочисленная чешская колония здесь начала формироваться с 1878 г. В рамках «чешского нашествия» [1. S. 389], как часто называют эту миграционную волну, в Болгарию прибывали квалифицированные рабочие, техники, ремесленники, представители интеллигенции, купцы и художники, которые, в основном, поселялись в больших городах [2. С. 457–467; 3. S. 115–126]. Войводовские чехи-протестанты, основным средством к существованию которых являлось земледелие, сильно отличались от остальной части чешской земельной общины в Болгарии. Кроме прочего, они выделялись, по словам посетивших деревню, строгой набожностью, аскетичной нравственностью, старанием и трудолюбием (об образе войводовских чехов см. [4. S. 213–272]. Благодаря этим характеристикам, поселок удостоился образцового звания («село за образец»). В связи с этим нельзя не упомянуть высказывание министра внутренних дел Болгарии, который после посещения Войводово

Будилова Ленка – доктор, сотрудница Университета Западной Богемии (г. Пльзень).
Якоубек Марек – доктор, сотрудник Карлова университета (г. Прага).

¹ Чешский – *Svatá Helena*; румынский – *Sfânta Elena*.

заявил, что был бы рад, если бы в стране был хотя бы десяток поселков, как этот [5. S. 54]. Современному Войводу не удалось сохранить былой славы. Однако благодаря значительному чешскому влиянию в селе все же встречаются типичные чешские дома, до сих пор существует старое здание чешской школы, а часть болгарского населения изъясняется на чешском языке. Помимо архитектурных сооружений здесь сохранилась и евангелистская традиция, представленная в виде методистского собрания.

Для лучшего понимания исключительного положения Войводова среди болгарского населения первой половины XX в. необходимо более детально рассмотреть исторические события и процессы, которые влияли на его формирование.

Как уже было упомянуто выше, большинство чешскоговорящих жителей села Войводово пришли в Болгарию из банатского села Святая Елена, хотя это было не единственное чешское село, основанное в XIX в. в Банате; в таких поселках, как Герник, Бигр, Ровенско и других до сих пор проживает чешскоговорящее население (об истории и этнографии чешских сел в сегодняшнем румынском Банате см. [6; 7; 8. S. 92–115; 9. S. 96–104; 10]. Чешские колонисты стали появляться в этой части Габсбургской монархии в 20-х годах XIX в. Первых поселенцев нанял купец Магыарлым, занимавшийся торговлей деревом, и они трудились в качестве лесников [11. S. 82–83]. Позднее чехи были приняты в союз охраны военной границы, где несли пограничную службу вплоть до аннулирования союза в 1873 г. Область была также доселена другими поселенцами из чешских земель [7. S. 10–25].

Святая Елена занимала особое место в регионе среди других чешских колоний. Во-первых, это поселение было самым старым [10. S. 6–11], во-вторых, здесь, в отличие от остальных чешских поселков, наряду с католиками проживали евангелисты. Именно они позже покинули Банат и основали в соседней Болгарии поселок Войводово, на котором мы и сосредоточим наше внимание. Причины чешского заселения Баната в первой трети XIX в. могут заключаться как в сложившейся экономической, так и в политической ситуации, а именно в существовании военной границы. Австро-Венгрия граничила с Османской империей, которая стремилась колонизировать малозаселенные территории. Тем не менее, именно евангелическая вера святоеленских чехов и специфический путь религиозного развития жителей поселка позволили некоторым исследователям дать другое объяснение: основатели Святой Елены – потомки толерантных сектантов из восточной части Чехии (где они были окружены народными религиозными наставниками и толкователями Библии), депортированные после издания Толерантного патента в 1781 г., так как они отказались переходить в какую-либо из предложенных конфессий, либо позже сами по этой же причине уходили в Банат, к юго-восточным границам Габсбургской монархии [12. S. 129–144; 13. S. 66–88; 14. S. 37–44]. Несмотря на то, что это объяснение подвергалось критике [15. S. 363–382], оно важно для нашей аргументации, потому что подчеркивает главенствующую роль религии в жизни сообщества, сыгравшей также важную роль в последующем миграционном движении. Можно выделить как минимум две причины, по которым часть святоеленского евангелического собрания позже оставила Банат и ушла в соседнюю Болгарию. Во-первых, это споры между католиками и евангелистами, проживавшими в поселении, во-вторых противоречия, возникшие внутри самой евангелистской общины. После прихода нового пастора споры усугубились и евангелистская часть поселка в результате разделилась на две части. Именно эта отделившаяся часть евангелистского собрания, обозначавшая себя как «верующие», в дальнейшем покинула

Святую Елену и ушла в Болгарию [4. S. 36–41, 79–83]. Мотивацией к уходу также послужил недостаток земли [16. S. 1; 17. S. 31–32]; (см. также [18. S. 17–35]).

С 70-х годов XIX в. Болгария начала формировать собственные государственные институты. В 1878 г. в северной части современной Болгарии было создано Болгарское княжество, которое номинально оставалось вассалом Османской империи, а в южной части страны возникла Восточная Румелия, имевшая статус автономной территории в рамках Османской империи. Обе части были соединены в 1885 г., таким образом на Балканах возникла относительно большая страна с населением около 2,8 млн жителей [1. S. 242]. Формальные связи с Османской империей были разорваны, и в 1908 г. была провозглашена полная независимость Болгарии. Еще раньше был издан закон № 222/1880 о заселении незаселенных территорий, в котором новое болгарское государство призвало всех заграничных болгар заселять необрабатываемые земли.

Отделенная часть святоеленской евангелической группы в конце века отреагировала на этот закон, а болгарские ведомства не возражали против иностранных колонистов славянского происхождения, которые отвечали заявленным критериям [19. S. 48]. В 1896 г. из Святой Елены выслали делегацию из пяти человек, которая должна была осмотреть предлагаемые земли в северной Болгарии и наладить контакты с местными ведомствами. Впоследствии около 20 семей продали имущество и уехали в Болгарию [17. S. 32; 4. S. 36]. Первые переселенцы на какое-то время задержались в Плевенской области, в деревнях Мрытвица и Горна Метрополия у местных словаков и павликиан – банатских болгар (Asenovo, Gostilja). Спустя некоторое время святоеленским чехам, к которым присоединились и некоторые словаки из плевенской области, были выделены земли в Сасеке (недалеко от города Кнежа) в северо-западной части Болгарии, где они поселились и основали поселок: выкопали колодцы, построили землянки и засеяли поля. В следующем году к ним присоединились еще 20–25 семей из Святой Елены [17. S. 33]. Эта первая попытка создания поселка была неудачной: многие колонисты заболели малярией, а местное население оказывало сопротивление, проявлявшееся в закапывании колодцев и даже сносе домов (см. [5. S. 55–64; 4. S. 33–72]).

После этой неудачной попытки 18 семей вернулись обратно в Банат, остальным были предложены другие места для переселения. В 1900 г. чехи из Святой Елены вместе со словацкими семьями из Мртвица и несколькими семьями католических банатских болгар и православных сербов покинули Сасек и основали поселок Войводово. Это место носило название «Гладно поле» и находилось на 15 км южнее от дунайского портового города Оряхово, а также поблизости от деревни Букеовцы [5. S. 67; 4. S. 46–69]. Семьи переселенцев бесплатно получали от болгарского правительства за принятие гражданства землю, рассчитывавшуюся в зависимости от величины семьи в размере 25–60 га, а спустя несколько лет им также были предоставлены небольшие налоговые льготы [16. S. 1].

Данные о количестве и происхождении семей, которые основали Войводово, в литературе отличаются. Войводовский «летописец» Нецов говорит о 60 семьях из Святой Елены и 15 семьях словаков с плевенских поселков [17. S. 34], в других же источниках приводятся данные о 80 семьях [17. S. 40]. Очевидно, что количество семей постоянно менялось – это было связано с большой текучестью людей, приезжавших и уезжавших обратно в Святую Елену.

Строительство Войводово было систематизированным – три продольные и три поперечные широкие прямые улицы, имевшие по обеим сторонам ряды акации: «Весной Войводово превращалось в один огромный душистый букет»

[16. S. 1]. Новые переселенцы построили временное жилье из уплотненной глины и выкопали колодцы глубиной 15–22 метра, затем принялись за ограждение земельных участков, строительство просторных домов и хозяйственных построек. Изначально дома строились из саманного кирпича, позже из необожженного и красного. Дома регулярно белились, имели цветные основания и красные черепичные крыши [16. S. 1].

Переселенцам были предоставлены участки для строительства, а также пахотная земля в размере 3000 га, находившаяся к западу от населенного пункта [17. S. 40]. Нецов утверждал, что новым переселенцам было назначено по 10 га на человека, в то же время не менее 30, но и не более 60 га на одну семью [17. S. 40]. Начало было непростым, новые жители испытывали трудности с получением земли, неурожаем; в течение первых двух лет еще несколько семей вернулись обратно в Святую Елену [5. S. 67–68].

На момент основания Войводова чешскоговорящие евангелисты из Святой Елены, как и в последующие 50 лет, представляли собой большинство населения. Однако за пределами поселка жителей Войводова долго принимали не за чехов, а за банатцев, по причине того, что те пришли из Баната, а целое поселение обозначалось как Банатское [17. S. 40]. Поселок, однако, не был ни этнически, ни конфессионально однородным. Здесь встречались и другие группы. Большую часть местных жителей представляли чехи, поэтому как со стороны односельчан, так и со стороны соседей Войводово воспринималось как чешское село.

Наиболее значимой группой наряду с чехами первоначально были словаки [20. S. 33–38; 14. S. 97–99]. Словацкие семьи в Войводове были выходцами из некоторых современных сербских (Ковачица, Падина, Велико Стредиште, Силбаш), венгерских (Питварош, Негилак) и болгарских (Горна Митрополия, Мрытвица (в настоящее время Подем), Брашляница) поселков [5. S. 69–77].

В 1922 г. больше 40 словаков уехали из Войводова в Словакию (однако некоторые из них вернулись назад), чехи в деревне стали преобладать. В то же время уже в 1928 г., а по всей видимости, с 1922 г., вторую по величине этническую группу представляли уже не словаки, а болгары.

Несколько семей павликиан приняли участие в основании поселка. Павликиане отличались от войводских чехов и словаков римско-католическим вероисповеданием, имели свой диалект болгарского языка и носили специфические национальные костюмы. Изначально в Войводове проживали около десяти семей павликиан [17. S. 48]. Однако в течение 1920–1930-х годов они переселились в ближайший поселок Бырдарски-Геран, где жили как банатские болгары, так и католики-немцы. После ухода павликиан большинство болгарских семей составляли православную часть села, приход некоторых из них в поселок связан с эмиграцией чехов в Аргентину: покинутые чехами дома были доступны для заселения.

Помимо болгарских семей в Войводове жили несколько семей православных сербов. Они пришли в село позже, однако не получили бесплатную землю и покинули Войводово спустя пару лет [17. S. 34]. Отношения в рамках села между чешскими евангелистами и их православными соседями – болгарами и сербами – были, в большинстве случаев, дружеские. Чешские семьи держали определенную дистанцию, которая проявлялась в высокой степени эндогамии: чешские жители Войводова старались не заключать браки с болгарами [21. S. 141–160]. В 1921 г. в поселок приехали несколько русских эмигрантов-врангелевцев [14. S. 162–164]. Изначально они работали как наемные рабочие у богатых семей, позже женились и осели. Большинство из них заключали союзы с местными чешками или словачками, а после Второй мировой войны вместе

с ними переселились в Чехословакию. Двое русских, женившись на болгарках, остались в Войводове после 1950 г.

Наиболее крупные миграционные процессы Войводово пережило в 20–30-х годах XX в. Семьи жили в основном за счет земледелия и не поддерживали своих детей в том, чтобы те, выучившись какому-либо ремеслу, уезжали в города. В результате наследования земля постоянно делилась и к 1920-м годам уже не могла обеспечить питанием многие семьи (см. [18. S. 17–35]). Все это вместе с неурожаем, последствиями военных лет и мировым экономическим кризисом вело к депрессивной экономической и социальной ситуации среди местных жителей и вылилось в новую миграционную волну. В 1928 г. люди уезжали в Аргентину, в 1935 г. — в поселок Белинце, находящийся на северо-востоке страны в округе Исперих (см. [22. S. 145–162]). Белинце (на турецком Акчелар) — турецкая деревня, представлявшая собой уникальный случай совместного проживания турок-мусульман и чехов-протестантов, которые, с одной стороны, являлись добрыми соседями, а с другой — из-за значительных различий всегда держали определенную дистанцию (например между чехами и турками ни разу не был заключен брак). Оставшиеся в Войводове чехи поддерживали контакт с переехавшими в Аргентину родственниками, преимущественно при помощи переписки. Контакты с Белинцами также сохранялись: между жителями Войводова и Белинце продолжали заключаться браки. В 1950 г. переселились в Чехословакию и чешские жители Белинце.

В таблице ниже приведены данные о количестве жителей Войводова в период с 1900 по 1950 г. как по демографическому, так и религиозному показателям. К сожалению, данных о последнем периоде существования поселка недостаточно. Тем не менее, эти отсутствующие данные можно дополнить информацией о числе чехов из Войводова, которые переселились в южную Мораву в 1949–1950 гг. (по различным статистическим данным 121 либо 129 семей [23. S. 101]).

Таблица 1. Разделение Воеводова по национальному и религиозному признакам [20. S. 33].

год	всего	чехи	словаки	болгары	сербы	другие	протестанты	православные	Католики
1905	416	210	109	52	55		308	65	43 ²
1910	409	224	86	56	43		310	57	42
1920	616	440	102	45	29		550	45	21
1928	695	476	74	127		17 ³			
1934	798	527	104	148	6	13			

Данные из приведенной выше таблицы указывают на непрерывный рост населения поселка, в основном его чешской составляющей. В то время как в 1905 г. чехи составляли половину жителей, словаки — четверть, а болгары с сербами — оставшуюся четверть от общего числа, в 1928 г. после отъезда некоторых словацких семей, как указывалось выше, в Словакию, чехи составляли 68% населения Войводова, болгары 18%, и словаки только 10%.

² Годом ранее, в 1904 г., в деревне проживали 39 болгарских павликан (католиков) — см. [5. S. 67].

³ К таким «иным» относятся 15 русских, один немец, одна венгерская семья [24. S. 96].

Таким же образом видно соотношение между количеством чешских и словацких жителей поселка и количеством протестантов. До конца 1920-х годов большую часть болгарского населения составляли католики-павликиане, которые впоследствии из поселка уехали. Очевидно, что количество жителей Войводова в 1900—1950 гг. колеблется в пределах 400 человек, в начале века 700—800 человек, из них 580 человек в 1950 г. переселились в Чехословакию.

Социальная жизнь Войводова была связана с религией, особой моралью и аскетическим стилем жизни жителей. Чешский учитель в Войводове Ян Финдейс отмечал: «Войводово жило и живет своей собственной богатой религиозной жизнью. Эта жизнь настолько могущественна, что все остальные события кажутся лишь сопутствующими» [16. S. 2]. Набожность войвоводских чехов и словаков основывалась на определенных устоях: Библия как главный и единственный источник христианской веры, собственная набожность и упор на личные отношения с Богом. Так же как и другие группы протестантов жители Войводова принимали только таинство крещения и евхаристию. Внешне религия проявлялась аскетичным образом жизни: отказ от светских забав, включая танцы, пение (кроме церковных песнопений), театр, алкоголь и курение. Музыка и танец были под запретом даже во время свадебного гулянья.

Воскресенье было днем отдыха, любая работа, включая приготовление воскресного обеда, должна была быть закончена в субботу, этим чехи отличались от болгарского окружения. В воскресенье ни с кем не ссорились, не торговались, в праздник никто не мог принять деньги, это считалось грехом. Воскресенье было посвящено посещению церкви, богослужения осуществлялись два раза в день. После заутренней семьи шли на воскресный обед, после следовала вечерня и воскресная школа для детей. Молодежь, в основном неженатые, в национальных костюмах после службы ходили на прогулки по селу, чаще в направлении к железнодорожному вокзалу, где пели церковные песни. Этот обычай пения около поезда кроется в коллективных представлениях о «старом добром Войводове», которые разделяли как бывшие войвоводские чехи, так и болгары из окрестностей. Все рассказывали о том, как поезда, которые останавливались на станции, не уезжали, не дослушав песню, в связи с чем часто опаздывали. Молодежь продолжала прогулку по направлению к реке, где играли в игры, прогуливались и после обеда возвращались домой.

Уже на рубеже века переселенцы из Святой Елены контактировали с представителем методической церкви в Болгарии, и впоследствии значительная часть жителей Войводова присоединилась к методистам. Американские и британские протестантские миссионеры приезжали на Балканы начиная с первой трети XIX в. [25; 26]. В самой Болгарии действовала поместная конгрегациональная церковь (в южной части) и методистская епископальная церковь (в северной части страны). С финансовой помощью главы болгарской методистской церкви в Войводове была построена новая молельная. В 1905 г. в поселок приехал словацкий пастор, его деятельность еще больше способствовала развитию аске-тичности местных жителей. Его сменило войвоводское собрание, являющееся самым большим в целой методистской миссии в Болгарии.

В 1922 г. методисты прислали в Войводово молодого проповедника из Германии Готтлоба Ковалья. Коваль был лужицким сербом, его родной язык был жителям Войводова более или менее понятен. В результате его миссионерской деятельности произошел раскол между (до тех пор религиозно едиными)

войводцами. Коваль проповедовал новую конфессию – дарбизм⁴. С этого времени протестантское население разделилось на две части, новая социальная граница проявилась в постройке второй церкви в верхней части поселка. Именно поэтому раскол называется «разделением церквей» (о религиозных расколах в Войводове см. [4. S. 90–95]). Одни жители Войводова посещали «*верхнюю церковь*» (дарбисты), другие – «*нижнюю церковь*» (методисты). Дарбисты, в отличие от методистов, не имели своего пастора, на собраниях могли говорить только взрослые мужчины. Эта группа поддерживала контакты как с зарубежными единоверцами, так и с протестантским обществом в болгарском поселке Ковачица. Она подчинялась болгарским законам только при регистрации брака, основываясь на правилах государственно признанной методистской церкви. В случае смешанных браков действовало правило: жена должна была следовать за мужем. Отношения между двумя профессиональными группами описано респондентами очень противоречиво, от взаимной враждебности до терпимости и даже идеи объединения двух церквей. Однако вероятно, что данная информация соответствует разным фазам развития обеих церквей, когда изначально натянутые отношения постепенно приобретали мирные формы.

В понимании набожности и жизненных принципов (аскетизм, неприятие светскости) оба вероисповедания мало отличались друг от друга: и войводские чехи и словаки себя идентифицировали как приверженцев евангелистской церкви. К этому сообществу часто применялось выражение: «Все верим в одного бога, ибо всегда у нас была одна вера, все мы евангелисты» [23. S. 97].

Следующей представленной местными болгарскими и сербскими семьями конфессией в Войводове было православие. В 1928 г. в поселке началось строительство православной церкви Иоанна Рыльского, которая была полностью достроена в 1950 г., уже после ухода чехов и словаков из Войводова были закрыты обе протестантские церкви. Верхнюю (дарбистскую) перестроили в кинотеатр, а в 1990-х годах там размещалась библиотека.

Войводские чехи всегда следили за грамотностью, и поначалу сами учили своих детей. В 1906 г. обучение было перенесено в здание методистского собрания. С 1910 г. обучение в Войводове было переведено на болгарский язык, а чешский примерно в течение 17 лет изучали дома [5. S. 248]. Государственная болгарская общеобразовательная школа имела три класса, болгарский закон о народном просвещении с 1920-х годов предписывал ее обязательное посещение всеми детьми [17. S. 63]. После образования независимой Чехословакии в 1918 г. в Софии был основан чехословацкий народный совет, который временно выполнял также функции консульского и дипломатического представительства чехословацкой республики в Болгарии [27. S. 72]. Чехословацкая дополнительная школа в столице возникла в 1921 г. [28. S. 32]. В 1924 г. было торжественно открыто здание Чехословацкого народного дома Т.Г. Масарика в Софии, на улице Кракра, д. 15, где впоследствии также была открыта чехословацкая школа [29. S. 31]. В 1926 г. при поддержке Чехословацкого народного дома Т.Г. Масарика в Софии и помощи со стороны чешского землячества в Войводове была основана чешская дополнительная школа и появился первый чешский учитель Ян Финдейс [5. S. 249]. Чешская дополнительная школа была частной и специализировалась, в основном, на обучении чешскому языку после окончания государственной

⁴ Дарбистическое движение было основано в 1831 г. англиканским священником Нельсоном Дарби в Плимуте. Это учение во многом опирается на кальвинизм. Дарбисты крестили только взрослых, подчеркивали индивидуальную мораль и авторитет Библии, а также отрицали церковную иерархию.

школы. В 1928 г. в Войводове открылось отделение софийского Чехословацкого народного дома, а в 1934 г. в присутствии чехословацкого посланника в Софии Прокопа Максы – новое здание школы [5. S. 253].

Здесь помимо занятий на болгарском языке изучались чешский язык и история [17. S. 63]. В чешской школе также обучались болгарские дети, возможно, с прагматичной целью: чешский язык мог им в будущем помочь с трудоустройством в Чехии [23. S. 99]. Чешские учителя в Войводове работали в 1926–1939⁵ и 1946–1950 гг. [30. S. 83]. Софийский Чехословацкий народный дом Т.Г. Масарика имел местные отделения и школы во всех трех племенных словацких поселках и в Горной Оряховице, где рядом с местным сахарным заводом, основанного чехом Р. Пицкем, проживали чешские рабочие. После государственного переворота в 1934 г. чешская школа была (как и все остальные иностранные школы) ликвидирована, и дети должны были записываться в болгарские школы, разрешены были только добровольные занятия чешским языком, которые проводились в рамках культурной программы в местном отделении Чехословацкого народного дома [5. S. 217–225; 31. С. 78–81].

Необходимо заметить, что в Войводове деятельность земляческого движения долгое время по религиозным причинам сталкивалась с сопротивлением. Для жителей Войводова образование их детей было связано с религией. Чешский язык был, в основном, языком Кралицкой Библии⁶. С точки зрения войводовцев, просветительные и образовательные действия мешали духовному развитию, софийские антирелигиозно настроенные интеллектуалы, техники и промышленники, наоборот, видели в войводовских чехах центр религиозного мракобесия. Чехи, живущие в болгарском Войводове, чьи предки ушли с чешских земель еще до появления идеи о необходимости развития национального самосознания, идентифицировали себя по конфессиональному, а не этническому признаку. Однако, несмотря на это, изменения на политической карте Европы, последовавшие после Первой мировой войны, и основание чешской школы в поселке, бесспорно, имели большое влияние на медленную трансформацию коллективной идентичности жителей Войводова. Чешский учитель Финдейс писал, что после основания чешской дополнительной школы войводовцы «уже звались не банатчанами, а чехами» [32. S. 3]. Последующее развитие этого процесса достаточно хорошо проанализировано в научной литературе [33. S. 675–695].

Большинство детей, однако, после окончания начальной школы последующее образование не получали, поэтому молодые войводовцы продолжали тот же образ жизни, что и их родители, – они занимались земледелием. Несколько мальчиков и девочек после 1926 г., когда в поселке начал работать чешский учитель, получили образование в Чехословакии (портные, столяры, повара). Учились, в основном, дети из бедных семей, родители которых не владели землей. Высшее образование не рассматривалось как возможность продвижения по социальной лестнице в отличие от размера землевладения.

Последняя глава болгарской истории чешского Войводова была написана после Второй мировой войны, когда абсолютное большинство войводовских чехов, как и другие чешские земляческие общества, переселились в пограничные области тогдашней Чехословакии. Мотивы для реэмиграции были в основном

⁵ В 1939 г. чешский учитель покинул Войводово и школа была закрыта. С этого времени войводовцы продолжали обучение детей самостоятельно [17. S. 63].

⁶ Кралицкая Библия (чеш. *Bible kralická*) – первый чешский перевод Библии с оригинальных языков, осуществленный чешскими братьями. Отпечатан в городе Кралице-над-Ославоу между 1579 и 1593 гг.

экономические. Войводские чехи испугались грядущей коллективизации в Болгарии и предполагали, что могут ее избежать в Чехословакии. Не менее важной причиной для переселения была эндогамия местного населения, которая из-за ограниченного количества человек вела к неизбежности заключения браков между близкими родственниками [34. S. 33].

Уже в 1946—1947 гг. Войводо-во покинула группа из 30 семей, из которых некоторые основались в Словакии (Трнава и окрестности), другие — в Южной Моравии [23. S. 101]. Соглашение о регулировании переселения из Болгарии в Чехословакию и о размере и способе перевода имущества переселенцев было подписано 6 мая 1949 г. и стало основой для реализации реэмиграционного процесса [30. S. 84]. Переселенцы могли взять с собой собственные вещи, домашнюю мебель, необходимые инструменты, одну свинью и пять овец на каждую семью [34. S. 247]. Переселение проходило тремя эшелонами с ноября 1949 до января 1950 г., в результате которых из Болгарии переселились в Чехословакию 963 человека [35. S. 82]. Всего Войводо-во покинуло примерно 121—129 семей [20. S. 101]. Вместе с чехами и словаками из Войводо-ва в Чехословакию переселились также большинство чехов и словаков из Белинце, болгарских городов и промышленных областей. Как и словаки из плевенских сел, войводские чехи стремились в Южную Моравию, однако, не смогли получить собственную землю из-за национализации [36. S. 54].

В Войводо-ве остались только пять чешско-болгарских семей, одна чешская семья и около 30—40 болгарских семей. После ухода чехов село было заселено болгарами из разных частей страны. В сентябре 1950 г. в Войводо-во переселились 80—90 семей из сел Горно-Уйно и Долно-Уйно Кюстендилской области [17. S. 69]. В 1952 г. в поселок переселились еще 40 семей из села Белица Ихтиманского района. В обоих случаях речь идет о государственной программе [17. S. 74]. На основании межгосударственного соглашения, земля войводских чехов была выкуплена болгарским государством и после их переселения стала основой земледельческого товарищества в поселке [30. S. 83].

Войводские чехи после переселения были разочарованы, потому что чехословацкая власть, не сдержав обещания, расселила их по разным поселкам: Новый Прше-ров, Новоседлы, Евишовка, Грушованы-над-Евишовкой, Брод-над-Дыйи Дол-ни Дунайовице, Добре Поле, Бржези Дрнхолец, Власатице. Они получили дома, оставшиеся после высланных немцев и хорватов (ранее переселенных в северную Моравию) и всего 1 га земли в собственность [24. S. 94], так как в это время в пограничных областях уже шел процесс образования объединенного земледельческого товарищества, большая часть государственной земли была передана ему. Таким образом, переселенцы многое потеряли: они были вынуждены продать имущество болгарскому государству, хотя в Чехословакии его стоимость должна быть выплачена на основании межгосударственного соглашения, деньги были переоформлены в так называемые блокированные взносы⁷, что практически не давало возможности их использования [37. S. 297—298], а после денежной реформы 1953 г. (с курсом 1:50) их сбережения и вовсе обесценились.

Сегодня потомки войводских чехов, живущих не только в южной Моравии, но и в других областях, являются активными и успешными гражданами Чешской Республики, а Болгарию, страну, которая приняла их предков и дала возможность начать новую жизнь, до сегодняшнего дня вспоминают с теплом и любовью.

⁷ Согласно § 7 (пункт 1) Декрета президента республики от 19 октября 1945 года о восстановлении чехословацкой валюты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Rychlík J. a kol.* Dějiny Bulharska. Praha, 2000.
2. *Пенчев В.* Типология на етничните общности в другоетнична среда. Чехи и словаци в България // *Studia Balkanica Bohemoslovaca VI.* Brno, 2006. Sv. 1.
3. *Penčev V.* Češi v Bulharsku aneb o typologizaci, etarizaci a procesech adaptace českého vystěhovalectví do bulharských zemí // *Český lid.* 2008. Roč. 95. Č. 2.
4. *Jakoubek M.* Vojvodovo – etnologie krajanské obce v Bulharsku. Brno, 2010.
5. *Michalko J.* Naši v Bulharsku. Myjava, 1936.
6. *Auerhan J.* Čechoslováci v Jugoslavii, v Rumunsku, v Maďarsku a v Bulharsku. Praha, 1921.
7. *Jech J., Secká M., Scheufler V., Skalníková O.* České vesnice v rumunském Banátě. Praha, 1992.
8. *Secká M.* Češi v rumunském Banátu // *Češi v cizině.* 1995. Sv. 8.
9. *Secká M.* Češi v Rumunsku // *Češi v cizině.* 1996. Sv. 9.
10. *Urban R.* Čechoslováci v Rumunsku. Bukurešť, 1930.
11. *Štěpánek V.* Česká kolonizace Banátské vojenské hranice na území srbsko-banátského hraničářského pluku // *Od Moravy k Moravě. Z historie česko-srbských vztahů v 19.– 20. století.* Brno, 2005.
12. *Nešpor Z.R.* Banátské Češi jako potomci tolerančních sektářů // *Religio, revue pro religionistiku.* 1999. Roč. 7. Č. 2.
13. *Nešpor Z.R., Hornofová M., Jakoubek M.* Čeští nekatolíci v rumunském Banátu a v Bulharsku I // *Lidé města.* 1999. Č. 2.
14. *Jakoubek M.* Vojvodovo: kus česko-bulharské historie. Tentokrát převážně očima jeho obyvatel. Brno, 2011.
15. *Pavlásek M.* Případ Svatá Helena. (Re)interpretace náboženských dějin české obce v Rumunsku // *Český lid.* 2010. Roč. 97. Č. 4.
16. *Findeis J.* Vojvodovo. Část první // *Věstník Komenský V.* 1930. Č. 1.
17. *Necov N.P.* Dějiny Vojvodova // *Jakoubek M., Nešpor Z., Hirt T.* Neco Petkov Necov: Dějiny Vojvodova, vesnice Čechů a Slováků v Bulharsku. Plzeň, 2006.
18. *Budilová L.J.* Pro víru nebo za půdou? Několik poznámek k migračním motivacím bulharských Čechů // *Balkán a migrace. Na křižovatce antropologických perspektiv.* Plzeň, 2011.
19. *Heroldová I.* Vystěhovalectví z českých zemí // *Český lid.* 1986. Roč. 73. Č. 1.
20. *Botík J.* Česi a Slováci v bulharskom Vojvodove // *Ročenka Spolku Slováků z Bulharska.* Bratislava, 2005.
21. *Budilová L.J.* Dědická praxe, sňatkové strategie a pojmenovávání u bulharských Čechů v letech 1900–1950. Brno, 2011.
22. *Svoboda M.* Belinci: «Zapomenutá» osada na Balkáně, v níž se hovořilo česky // *Český lid.* 2008. Roč. 95. Č. 2.
23. *Penčev V.* Tempus edax rerum aneb o minulosti a současnosti vojvodovských Čechů // *Jakoubek M., Nešpor Z., Hirt T.* Neco Petkov: Dějiny Vojvodova. Vesnice Čechů a Slováků v Bulharsku. Plzeň, 2006.
24. *Heroldová I.* Vystěhovalectví do jihovýchodní Evropy // *Češi v cizině.* 1996. Sv. 9.
25. *Clarke J.F.* Bible Societies. New York, 1971.
26. *Nestorova T.* American Missionaries among the Bulgarians (1858–1912). Boulder; New York, 1987.
27. Jubilejní ročenka československé kolonie v Bulharsku 1868–1928. Sofie, 1929.
28. *Folprecht J.* Československé školské obce v evropském zahraničí. Praha, 1937.
29. *Mičan V.* Nevratem v nový svět. Brno, 1934.
30. *Vaculík J.* Bulharští Češi a jejich reemigrace v letech 1949–1950 // *Český lid.* 1983. Roč. 70. Č. 4.
31. *Кънев К.* Законодателство и политика към етническите и религиозните малцинства в България // *Общности и идентичност в България.* София, 1998.
32. *Findeis J.* Vojvodovo. Část druhá // *Věstník Komenský V.* 1930. Č. 2.
33. *Jakoubek M.* From believers to compatriots: the case of Vojvodovo, a «Czech» village in Bulgaria // *Nations and Nationalism.* 2010. Vol. 16, Iss. 4.
34. *Nosková H., Váchová J.* Reemigrace Čechů a Slováků z Jugoslávie, Rumunska a Bulharska (1945–1954). Praha, 2000.
35. *Vařeka J.* Češi v Bulharsku // *Český lid.* 1990. Roč. 77. Č. 2.
36. *Vaculík J.* Češi v cizině – emigrace a návrat do vlasti. Brno, 2002
37. *Šrámková M.* Adaptace Čechů z Bulharska v jihomoravském pohraničí // *Studia Balkanica Bohemoslovaca III.* Brno, 1987.

© 2018 г. Г. П. ПИЛИПЕНКО, М. В. ЯСИНСКАЯ

ЭКСПЕДИЦИЯ К СЛОВЕНЦАМ В ИТАЛИИ

Статья посвящена полевому исследованию в итальянском регионе Фриули–Венеция–Джулия. Работа проводилась среди словенского национального меньшинства, проживающего вдоль итальянско-словенской границы. Целью исследования было собрать нарративы информантов, посвященные традиционной народной культуре и языковой ситуации. Собранные материалы позволяют судить о хорошей сохранности культурного-языкового ландшафта.

The paper discusses a field research carried out in the Italian region Friuli–Venezia–Giulia among the Slovenian national minority living along the Italian-Slovenian border. The aim of the research was to collect the narratives of the informants about traditional folk culture and language situation. The narratives testify a good preservation of the cultural and linguistic landscape.

Ключевые слова: словенский язык, Италия, народная культура, языковая ситуация, билингвизм, культурное пограничье.

Keywords: Slovene language, Italy, traditional culture, language situation, bilingualism, cultural border.

Сотрудниками Института славяноведения РАН Г.П. Пилипенко и М.В. Ясинской с 2 июня по 16 июня 2017 г. проводилось полевое исследование в итальянском регионе Фриули–Венеция–Джулия среди словенского этнического меньшинства. За время экспедиции ученым удалось посетить все области, где компактно проживают словенцы. Целью экспедиции было социолингвистическое и этнолингвистическое обследование словенцев на итальянско-словенском этнокультурном пограничье. В результате полевой работы было опрошено 46 информантов (большой удельный вес имели информанты пожилого и среднего возраста, было записано несколько интервью с представителями молодого поколения). Общее время звучания записанных разговоров с информантами составило 55 часов, дополнительно были сняты 25 видеофайлов суммарной длительностью 1,5 часа. Кроме того, были получены фотоматериалы: фотографии населенных пунктов, кладбищ, надгробных памятников, обрядовых предметов, портреты информантов. Исследователи посетили следующие населенные пункты в провинции Удине: в Канальской долине – Вальбруна (Овчья вас), Уговицца (Укве), Кампороссо (Жабнице), Мальборгетто (Наборьет); в Резии – Стольвицца (Сольбица), в Терской

Пилипенко Глеб Петрович – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Ясинская Мария Владимировна – канд. филол. наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ 17-04-18008 «Трансформация языковой ситуации на славянско-романском пограничье: полевое исследование словенцев в Италии».

долине – Лузэвера (Бардо), Платискис (Плестишче), в Венечии – Сан-Пьетро-аль-Натизоне (Шпетер), Вернассо (Бернас), Кросту (Храстовие). В провинции Гориция были обследованы две области: так называемая Горишка брда (ит. *Collio Goriziano*) – Сан-Флориано-дель-Коллио (Штеверьян) и Крас – Добердо-дель-Лаго (Добердоб), а также сам город Гориция и его окрестности: Сант’Андреа (Штандреж) и Савонья д’Изонцо (Соводня). В провинции Триест удалось посетить Малькину (Мавхинье), Монрупино (Репентабор), Гроццану (Грочана), Карезану (Мачколе), Набрежину (Ауризина), Сан-Дорлиго-делла-Валле (Долина), Сливию (Сливно) и Триест (Трст). Были также обследованы кладбища в Уговицце, Малькине, Сан-Пьетро-аль-Натизоне. Таким образом, исследователи работали на всем протяжении современной итальянско-словенской границы: с севера, где сходятся границы Австрии, Италии и Словении до южных окраин провинции Триест, относящихся уже к полуострову Истрия¹. Перечисленные регионы не являются однородными ни с точки зрения этнографических особенностей обследованных групп, ни с точки зрения лингвистической ситуации. Каждый из указанных регионов отличается собственным наречием словенского языка: так, на севере в Канальской долине распространен зильский диалект каринтийской группы говоров, тогда как на остальной территории преобладают приморские говоры. Кроме того, сохранность словенских диалектов не везде однородная и обусловлена историческим развитием провинций. Если в провинциях Гориция и Триест существуют школы со словенским языком обучения, а в речи старшего поколения фиксируется незначительное число заимствований из итальянского языка (особенно среди жителей городов), то в северных районах региона Фриули–Венеция–Джулия (провинция Удине) двуязычная школа существует только в Сан-Пьетро-аль-Натизоне с 2004 г. В этих местах стандартный словенский может быть не знаком информантам (как, например, в долине реки Торре), а носители местных диалектов широко используют переключение кода и заимствования из итальянского (иногда и из фриульского). Что касается итальянского языка, то многие информанты помимо стандартного варианта владеют также местной разновидностью – диалектами венецианского типа (например в Триесте – *triestino*); в зонах интенсивных контактов с фриулами распространен также фриульский язык (по мнению самих информантов, многие слова вошли в словенские диалекты именно из фриульского – даже если это и не всегда соответствует действительности, а основывается на синхронном уровне сопоставления): *tavajúč* (покрывало, полотенце), *likof* (окончание работ, например по строительству дома). До распада Австро-Венгрии языком администрации был немецкий язык, поэтому многие лексемы были заимствованы из этого языка, а в Канальской долине до сих пор проживает значительное немецкоязычное меньшинство.

Внимание исследователей было сконцентрировано на том, чтобы получить от собеседников длинные нарративы на этнолингвистические и социолингвистические темы. В итоге были записаны интервью на стандартном словенском языке, на терском, надижском, нотранском, крашском, бришском, истрийском наречиях приморской группы говоров, а также на резьянском диалекте. Собранный материал представляет собой ценность для диалектологического анализа, поскольку фиксирует речь информантов на современном срезе и может быть сопоставлен как с другими синхронными описаниями², так

¹ За помощь в проведении экспедиции исследователи благодарят Д. Зулян Кумар (Нова Горица), Ф. Жгавец (Гориция), Ж. Груден (Сан-Пьетро-аль-Натизоне), И. Черно (Лузэвера), Л. Листеря (Вальбруна), Л. Негро и С. Куалья (Стольвицца), З. Видау (Триест).

² См. в частности работы о языковой ситуации, диалекте и народной культуре Канальской долины: [1–4]. А также работы по фольклорной традиции словенцев в Италии [5; 6].

и с диахронными данными³. Особое внимание при работе с информантами уделялось заимствованиям⁴ и фактам переключения кода по линии «словенский язык (местное наречие) – итальянский язык». В речи информантов зафиксировано большое количество случаев перехода на итальянский язык во время интервью. Эти фрагменты будут проанализированы как с точки зрения прагматики высказывания, так и в плане их фонетической, лексической, морфологической и синтаксической адаптации. Для социолингвистики чрезвычайно интересными являются сведения о функционировании языков в современный период и на более отдаленной временной дистанции (50–70 лет назад), чему были свидетелями наши информанты. Приведем пример из речи собеседницы, которая ходила в школу в конце 1940-х годов:

Ana dręya stvar je bla | mi ... svobodno tręaško ozemlje | in italijanščina je bil lingua straniera ... talijanščina | kaj tisto smo se učile? | da kr našma šle wan z šiša smo řovarili zmeraj tku pę đamaće (Еще другое было, мы ... свободная территория Триест, и итальянский язык был иностранным языком ... итальянский язык, что мы учили? то что мы не уходили из дома, мы всегда говорили на нашем диалекте) (Карезана (Мачколе)).

Prvi razred nismo sploh řovarili še italijanščino | v drugem so začeli z italijanščino | smo defakto totalno dvojezični | to pomeni to | midva če pogovarjava v slovenščini | pride Talijan in nam preskakati z enega jezika na drugi to ni noben problem (В первом классе мы вообще не говорили по-итальянски, во втором начали итальянский, мы де-факто полностью двуязычные, это значит, если мы двое говорим по-словенски, приходит итальянец и для нас перейти с одного языка на другой не является никакой проблемой) (Карезана (Мачколе)).

У собеседников старшего поколения выделяется особый тип нарратива – рассказ об итальянизации 1920-х – начала 40-х годов. Были записаны истории из личного опыта о переводе словенских имен и фамилий на итальянский манер, о запрете использовать язык в общественных местах (в том числе и в школе), об эмиграции за океан из-за распространяемых запретов. По свидетельствам информантов, отголоски этой языковой политики ощущаются до сих пор, например при возвращении словенской формы имени и фамилии: многие отказываются от этой процедуры из-за формальных и бюрократических сложностей. В результате среди словенцев провинции Триест и Гориция распространено два варианта имен: один для словенскоязычного круга общения, семьи; другой – для внешнего итальянского окружения (например словен. *Zdravko* – ит. *Valentino*, словен. *Živa* – ит. *Viviana*, словен. *Jožef* – ит. *Giuseppe* и т.д.). Что же касается словенцев в Резии, долинах рек Натизоне и Торре, то там словенские имена и фамилии итальянизации подверглись еще раньше, поскольку эти области вошли в состав Италии по референдуму еще в 1866 г. О том, насколько широко распространены итальянизированные варианты имен и фамилий, свидетельствуют надгробия на кладбищах. Например, в Сан-Пьетро-аль-Натизоне мы нашли лишь несколько надгробий с надписями на словенском языке, большинство же имеет итальянские варианты (*Mario Tomasetig, Giovanni Cosmacini, Antonio Dorgnach, Felicità Coren, Antonio Birtig, Luigia*

³ См., например [7; 8].

⁴ Ср. пример из провинции Триест: *Kaj se smeješ? Ma san tko ridicola?* (Почему ты смеешься? Я такая смешная?); *ridicolo* – ит. смешной (словен. *smešen*); пример из д. Плестишче (Терская долина): *To je difičil za narest* (Это трудно сделать); *difficile* – ит. трудно (словен. *težko*).

Laurencig, Antonio Battistig, Pia Iuterig, Antonia Emilia Petricig, где *g* заменяет словенский *č*). Что касается межэтнического соседства на современном этапе, то лучше всего словенский язык сохраняется в небольших населенных пунктах в окрестностях Триеста и Гориции. Этническая граница между романским и славянским ареалом до сих пор проходит по Красу: на крашском плато живут словенцы, а в низине — итальянцы (ср. свидетельство нашего информанта, который утверждал, что Добердо-дель-Лаго (Добердоб), расположенный у обрыва крашского плато, является последним словенским поселением, если смотреть на запад, ниже уже живут итальянцы). Если говорить о провинции Удине, то граница между словенцами и фриулами проходит по горам: в горах проживают словенцы, а чем ближе к низине — тем более частыми становятся поселения фриулов. Тем не менее, в современном мире этнические границы становятся более проницаемыми, в результате в словенских деревнях в окрестностях Гориции и Триеста появляются итальянцы, которые перебираются в сельскую местность, покупают дома, но при этом продолжают работать в городе. Все чаще встречаются смешанные браки между словенцами и итальянцами/фриулами. Особый интерес представляет трансформация так называемых *hišnih imen* (*nome in vulgo di casa*), имени дома, по которому в деревне знают его владельцев. Нами были записаны случаи как отсутствия переноса прежнего имени на нового владельца дома, так и закрепление за новыми хозяевами-итальянцами прежних словенских *hišnih imen*. Если говорить об истории, в памяти собеседников сохранились рассказы об установлении границ между Югославией и Италией в 1947 г., например о том, как один и тот же дом несколько раз менял свою территориальную принадлежность, оказываясь на территории различных государств. Со вступлением Словении в Шенгенскую зону в 2007 г. пограничный контроль на границах был отменен, однако в сознании людей до сих пор присутствует разграничение территории. Часто можно было услышать рассказы о том, как была проведена граница, в результате чего оказались разделены семьи, участки, владения. Кроме того, неотъемлемой частью жизни людей на границе становится контрабанда. Были записаны истории о переходе через границу с контрабандным товаром (в Гориции на Виа Рафут в ближайшее время должен открыться музей контрабанды). Таким образом, материал, который удалось зафиксировать, можно использовать для изучения диалектов словенцев в Италии, социолингвистической ситуации в диахронии и синхронии, прагматики устной речи, устной истории, а также этнографических особенностей конкретной зоны. Помимо интервью собственно со словенцами, проводились беседы с итальянцами, чтобы уточнить функционирование некоторых терминов народной культуры (например *gubana* — сладкий рулет с начинкой, встречается в речи итальянцев, проживающих в Сан-Пьетро-аль-Натизоне).

Интервью на этнографические темы занимали все же большую часть времени. Информантам задавались вопросы о традиционном календаре, праздниках, обычаях и обрядах. В результате были собраны рассказы о таких праздниках и календарных периодах, как Рождество (*Buožič*), Три Короля (*Trije kralji*), Свечница (*Svečnica*), Карнавал (*Pust*), первый день поста (*Pepelnica*), Вербное воскресенье (*Oljčnica, Oljčna nedelja*), Пасха (*Velika noč*), Божье Тело (*Sveto rešnje telo*), день св. Ивана (*sv. Ivan*), день св. Мартина (*sv. Martin*), день Всех святых и Праздник Мертвых (*Vahti*), день св. Николая (*sv. Miklavž*).

Информанты рассказывали о том, какие обычаи и обряды были связаны с этими праздниками, какие традиционные блюда готовились. Так, например,

среди словенцев в Италии на Рождество повсеместно был распространен обычай делать ясли (*jaslce*) из мха с деревянными фигурками:

Puownoči buožič se je šlo ponoči k maše | i mi punčke | lepo jutro smo se zbrali v stari šuli | smo mele lučke | nutri | ne | wsak svojo lučkwo | in ob pownoči smo se prežentirali pred jaslce | tut je bila velik praznik (Ночью на рождество ходили ночью на мессу, и мы девочки, утром собирались в старой школе, у нас были фонарики (свечки), внутри, у каждого был свой фонарик, и в полночь мы появлялись перед яслями, также был большой праздник) (Карезана (Мачколе)).

В Венеции (Шпетер (Сан-Пьетро-аль-Натизоне)) за девять дней до Рождества носили по домам фигурку Божией Матери (ее нужно было принять у себя дома в знак того, что Божью Матерь никто не пустил на ночлег и она была вынуждена ночевать в хлеву, где и родился Иисус), этот обычай назывался *devetica*.

На праздник *Trije Kralji* традиционно освящали воду и мел, которым затем писали на дверях каждого дома имена волхвов, принесших дары младенцу Иисусу – Мельхиор, Бальтазар и Гаспар. Данный праздник совпадал по времени с итальянским праздником *Befana*, поэтому в некоторых населенных пунктах в Венеции, в провинциях Гориция и Триест, где соседство с итальянцами было более болезненным и конфликтным, информанты утверждали, что в этот день ничего не праздновали, чтобы подчеркнуть свое отличие от итальянцев.

На Вербное воскресенье освящали *oljke*, букеты, которые затем хранили дома и использовали как средство защиты от бури и града. Состав таких букетов различался в зависимости от региона: если в Гориции это были преимущественно ветки оливы, то в Канальской долине букет состоял из веточек вербы, украшенных хвоей, цветами и клубнями картофеля, закрепленными на палке. Этот букет втыкали на поле, где он должен был стоять до конца сезона (до сбора урожая), защищая и благословляя ниву.

На Пасху в церкви освящали огонь, который затем носили по домам (с помощью подоженного и тлеющего древесного гриба-трутовика, от которого отламывали куски и раздавали хозяевам), потом на этом огне готовили праздничную пищу. Почти во всех обследованных регионах на Пасху варили ветчину (*kuhan pršut*), в воде из-под которой затем готовили *fulje (fuje)* – кусочки теста со сладкими приправами. Также красили яйца (*pirhi*), с которыми устраивали игры: яйцо ставилось вертикально, и в него нужно было кинуть монетой таким образом, чтобы она застряла в яйце, тот, у кого это получалось, забирал яйцо себе. В качестве праздничных блюд упоминались также холодец (*žowca*), губанца (*gubanca*) – сладкий рулет с начинкой из изюма, мака (Венеция, Шпетер (Сан-Пьетро-аль-Натизоне)).

В исследуемых регионах сохранился обычай устанавливать Майское дерево (*mlaj*), которое некогда ставилось неженатыми парнями у домов девушек. В настоящее время обычай значительно трансформировался, обычно ставится одно деревце на всю деревню (реже два), в некоторых селах на него водружается государственный флаг, иногда информанты сообщают, что деревце ставится на 1 мая и посвящено празднику трудящихся. В Канальской долине (Кампороссо (Жабнице)), согласно традиции, деревце ставят парни, достигшие совершеннолетия (раньше, до отмены обязательной воинской повинности, это был призывной возраст), установка деревца производится вручную, оно украшается венком, который делают девушки. Деревце стоит около церкви до праздника Божьего Тела (*Corpus Domini*), после чего убирается.

Интерес представляют и поминальные обычаи словенцев в Италии, приуроченные к 1 и 2 ноября (*Vahiti*). В эти дни обязательно шли на кладбище, а затем устраивали дома поминальный ужин, после чего оставляли на столе пищу для мертвых, так как верили, что в эти дни души (*te-ranci*, *te-dušice* – в долине реки Торре) посещают свои дома. Также для покойников необходимо было оставить свет на всю ночь (Лузевера (Бардо)), дом должен был быть хорошо протоплен, потому что мертвые нуждались в тепле (Мальборгетто (Наборьет)). В эти дни по домам ходили дети, которым давали специальный поминальный хлеб, чтобы они помолились за души умерших.

Также были записаны рассказы о празднике, связанном с забоем свиньи, о продуктах и блюдах, которые готовились из различных частей свиной туши. Задавались вопросы относительно строительства дома и обычаев, с ним связанных, – прежде всего о празднике в честь окончания строительства, который называется *llokof* (или *likóf*). В честь окончания строительства дома на трубу помещали ветку дерева (дуба или ели – по различным регионам).

Ряд вопросов также касался народной демонологии, практически во всех обследованных населенных пунктах было зафиксировано представление о Море (*Móra*, *Morá*), мифическом существе, основной функцией которого было душить человека во сне (*Morá popeštala*), а также высасывать жизненные соки из младенцев, так что ребенок заболевает и высыхает (*se pošuší*). В Венеции распространены рассказы о сказочных существах – Кривопетах (*krivopeta*), женщинах с вывернутыми назад стопами. Нашими информантами упоминались такие мифологические персонажи, как видманцы (*vidmanci*, *previdi*) – блуждающие по болотам огоньки, штрии (*štrija*, *štroharca*, *coprnica*) – ведьмы, колдуньи, гномы (*škreti*), тень (*senca*, *ombra*), *častitove žene* и др. Существовала и вера в сглаз, однако она в настоящее время представлена в редуцированном виде: например, информанты рассказывали, что при упоминании младенца приговаривали: *ne bodrečen* (= *ne bodi urečen* «не будь изурочен»), сравнивая эти представления с итальянским *malocchio* – букв. «дурной глаз».

В целом традиционная культура словенцев в Италии достаточно разнообразна в зависимости от региона, однако в каждом случае она является важным маркером идентичности, позволяющим, наряду с языком, сохранить свою индивидуальность, противопоставить себя итальянскому и фриульскому населению, несмотря на имеющиеся заимствования, как лексические, так и культурные, которые еще предстоит выявить и проанализировать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Grošelj R., Kenda-Jež K., Klemše V., Smole V., Šekli M.* Lipalja vas in njena slovenska govorica. Ljubljana; Ukve, 2016.
2. *Dapit R., Jurgec P., Kenda-Jež K., Komac N., Smole V., Šekli M.* Ovčja vas in njena slovenska govorica. Valbruna e la sua parlata slovena. Ukve; Ljubljana, 2005.
3. *Gliha Komac N.* Slovenščina med jeziki Kanalske doline. Ljubljana, 2009; *Kenda-Jež K.* Shranili smo jih v bančah. Ukve; Ljubljana, 2015.
4. *Gliha Komac N.* Ljudska religioznost v Kanalski dolini. O umiti in v prt zaviti lobanji. Ljubljana, 2014.
5. *Merkù P.* Le tradizioni popolari degli sloveni in Italia. Trieste, 1976.
6. *Tomasetig A.* Od Idrije do Nediže. Dal judrio al Natisone, Benečija-Slavia Friulana. Reana del Rojale, 2013.
7. *Spinozzi Monai L.* Il Glossario del dialetto del Torre di Jan Baudouin de Courtenay. Udine, 2009.
8. *Бодуэн де Куртенэ И.* Опыт фонетики резьянских говоров. Варшава, СПб., 1876.

Беларускі фальклор. Матэрыялы і даследаванні: Зборнік навуковых прац. Мінск, 2017. Вып. 4. 388 с.

Белорусский фольклор. Материалы и исследования. Сборник научных работ

В четвертом выпуске сборника «Белорусский фольклор» (выходит с 2014 г.) акцент сделан на междисциплинарных изысканиях в сфере традиционной культуры, подчеркивается стремление современной фольклористики к расширению предметного и методологического поля. С утверждением об актуальности данных тенденций, начинающим предисловие к сборнику (с. 5), трудно поспорить, они отмечаются исследователями как значимая особенность в истории фольклористики, этнологии, антропологии последних двух-трех десятилетий (вспомним, например, дискуссию об этом в первом номере журнала «Антропологический форум» в 2004 г. [1. С. 6—101]). Вместе с тем, однако, некоторым диссонансом звучит встречающийся в том же первом абзаце предисловия термин «устное народное творчество» («вусная народная творчасць»). Само употребление данного понятия в фольклористических работах вполне привычно и объяснимо как его исторической устойчивостью, так и попытками избежать банальной тавтологии, но именно в рассматриваемом контексте кажется уместным использование его с некоторыми оговорками, учитывающими те последствия, которые повлекло за собой введение этого термина в 1930-е годы в советской фольклористике (в частности как раз-таки сужение предметного и методологического поля за счет большей филологизации дисциплины, сближения ее с литературоведением [2; 3]).

Перейдем к основному содержанию сборника. Раздел «Исследования» в этот раз представлен преимущественно работами этнологов, не объединенными общей

тематикой и демонстрирующими способы привлечения фольклорного материала для изучения этнокультурной истории.

В статье В. Лобача «Курганы, городища, клады: “сельская археология” на территории Витебщины в XIX—XX вв.» любительское кладоискательство рассматривается как особый вид промысла в контексте традиционной картины мира, где значимым оказывается взаимодействие человека с потусторонней сферой (приобретение богатства здесь выступает как аналог счастливой доли, полученной за исполнение символических предписаний и магических действий). Также анализируется изменение статуса сельской археологии в XX в., смещение ее в молодежно-игровой уровень.

Работа Д. Скворчевского «Камни с изображением знака в виде оси с полусферой: к проблеме происхождения, ареала, классификации и датировки» посвящена отдельной группе материальных памятников (главным образом надгробий), изготавливавшихся в период с XV в. до 40-х годов XX в. в 127 населенных пунктах Белоруссии, Литвы и на западе России. Автор предполагает, что знак в виде шеста с полусферой может обозначать «Ось Мира», отражать мифологические и религиозные представления, иметь дохристианские корни и свидетельствовать о взаимодействии языческих и христианских верований. Данное исследование, кажется, не избежало классических ошибок трудов, содержащих попытки реконструировать «языческие верования» по материальным источникам при практически полном отсутствии каких бы то ни было вербальных сведений. Опасность

такого (ре)конструирования нам хорошо известна по опыту неоднократно критиковавшихся изысканий академика Б.А. Рыбакова (см. об этом, например [4; 5]).

С. Грунтов в статье «Смерть как структурный шок и механизмы его преодоления в традиционной культуре белорусских крестьян XIX – первой половины XX в.» описывает функциональный и семантический аспекты поминально-похоронных практик, анализирует их как действия, направленные на борьбу с пространственным, временным и социально-психологическим кризисами.

В. Гончар в статье «Знахарство и народное целительство в Белоруссии в конце XX – начале XXI в.: проблема дефиниций» разводит две магические системы на основании их отличий в нормах и конкретных видах деятельности. По мнению автора, знахарство является органичной частью традиционной культуры и разделяет ее консерватизм, изолированность, неприятие инноваций, тогда как целительство свойственно постиндустриальному урбанистическому обществу с его эклектизмом картины мира, поликультурностью. Такое противопоставление традиционного и современного кажется вполне допустимым, однако не лишенным и некоторого романтического налета, искусственно «удрежняющего» традиционную культуру, недооценивающего ее адаптивные и актуализирующие механизмы.

Литературоведческий взгляд на фольклор представляет А. Гулак в статье «Неакадемичные заметки к юбилею Алаизы Пашкевич», рассматривающей влияние белорусского и украинского фольклорного наследия на творчество Тетки и Леси Украинки.

Т. Володина в работе «Белорусские заговоры от чемери: внутренние и внешние связи» выявляет основные мотивы текстов об этой болезни скота (реже – людей), характеризующейся острой режущей болью, – «птица», «рысь», «вепрь», связанные с понятиями остроты, колючести. Внутри белорусской традиции такие заговоры сопоставлены с магическими текстами от иных болезней, приводятся также сравнения с русскими заговорами.

В следующем разделе сборника – «Белорусский фольклорно-этнолингвистический атлас» опубликована статья Е. Боганевой и Т. Авилина «Пятна на луне: белорусские интерпретации», в которой выделены и картографированы мотивы этиологических легенд, представленных в 609 текстах из всех регионов Белоруссии.

Авторы разграничили мотивы-действия (братоубийство, жертвоприношение), мотивы-образы (Бог, распятый Христос, ангелы, человек с вилами, человек с коромыслом) и мотивы-предсказания (пятна видны к плохой погоде, к войне).

Раздел «Белорусский фольклор в зарубежных публикациях» открывает перевод с польского языка статьи А. Энгелькинг «“Полешук” в народоведческом дискурсе», посвященной этностереотипам XIX в. Я. Гриневиц перевела на белорусский статью из серии «Несколько белорусских песен» («Some White Ruthenian Folk-Songs») из журнала «Folk-Loge» 1914 г. Завершает раздел статья Г. Купченко «Свадебный обряд белорусов», впервые опубликованная на немецком языке в 1891 г.

Крайне любопытны в этом выпуске подборки «Из коллекции фольклорных записей».

Ю. Пацюпа, В. Мартысюк подготовили публикацию семи вариантов анонимной эсхатологической поэмы «Страшный суд», распространение которой в Белоруссии фиксируется с начала XX в. и которая является ярким примером взаимодействия устности и книжности.

Е. Павлова представила материалы по белорусскому фольклору из коллекции Эстонского литературного музея (Тарту) – записи волшебных и новеллистических сказок и устных рассказов (всего 14 текстов), сделанные в 1926–1928 гг. Иваном Качуром от своих бабушки и дедушки в Минской области.

Сельские внутрисемейные отношения рубежа XIX–XX вв. нашли свое отражение в записных книжках белорусского фольклориста А. Сержпутовского, выписки из которых подготовил С. Грунтов.

Новшество, отличающее четвертый выпуск сборника от предшествующих, – включение в него материалов по фольклору народов, проживающих в Белоруссии. И. Смирнова при помощи идишиста А. Остроуха сделала подборку еврейских песен (юмористических, свадебных, колыбельных, субботних и пр.) Витебска (1910–1912 гг.) из архива Я.А. Шейнина и Мстислава (1980-х годов) из записей М.Г. Золотухи.

В разделе «Материалы полевых экспедиций» Г. Лопатин представил свои интервью с жительницами ныне нежилой деревни Гаристы в Гомельской области. Сюда вошли тексты устной истории, рассказы о календарных, скотоводческих, семейных обрядах, народная демонология, заговоры, необрядовая лирика.

Раздел «Фольклор белорусов зарубежья» открывает подборка сказок (18 текстов о животных, волшебных и социально-бытовых) из записей конца 1960-х годов, сделанных студентами отделения белорусской филологии Заочного педагогического училища в Белостоке на территории Подляского воеводства (Польша). Материалы подготовлены к печати Д. Алексеенко.

Фольклор белорусов Виленщины (Литва) в полевых записях начала XXI в. презентовал Ю. Внукевич по итогам фольклорной экспедиции 2008 г. в Шальчининский р-н. В публикации отражены представления информантов о языке, национальности, идентичности, этнические и конфессиональные стереотипы, легенды (почему колос от земли не растет, почему камни не увеличиваются в размерах), топонимические и исторические предания, былички (о заколдованной хате), рассказы о чудесах (обновлении икон), календарные праздники, семейные обряды, народная медицина, хозяйственная магия, песни (свадебные, жнивные).

В разделе «Рецензии» можно ознакомиться с положительным отзывом Т. Якименко о монографии Т. Бяркович «Песенна-гульнявыя дзеі перыяду сонцавароту ў этнамузычнай традыцыі беларусаў» (Минск, 2015), посвященной специфике структурирования обрядовых напевов в ритуально-игровых локусах белорусских зимних и купальских песенно-обрядовых комплексов.

Еще одно нововведение сборника — рубрика «Научная хроника», авторы которой рассказывают о значимых

мероприятиях 2016 г. Т. Мармыш сделала обзор конференции «Нематериальное наследие города. Музеализация, охрана, образование», прошедшей в Кракове, а Я. Гриневич и И. Васильева подвели итоги рижской конференции «Навстречу дигитальной фольклористике».

Рассматриваемое издание представляет безусловный интерес для фольклористов, этнолингвистов, этнологов, краеведов.

© 2018 г. *Н.С. Петрова*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Современные тенденции в антропологических исследованиях // Антропологический форум. 2004. № 1.
2. *Гусев В.Е.* Фольклор (история термина и современные значения) // Советская этнография. 1966. № 2.
3. *Топорков А.Л.* Фольклористика в междисциплинарном диалоге // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2015. М., 2016.
4. *Клейн Л.* Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб., 2004.
5. *Белова О.В., Петрухин В.Я.* Фольклор и книжность: Миф и исторические реалии. М., 2008.

Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 17-24-01004 «Белорусско-русское этнокультурное взаимодействие в трансграничной перспективе»).

VII НИКИТИНСКИЕ ЧТЕНИЯ. СЛАВЯНЕ В МОСКВЕ: К 870-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОСНОВАНИЯ г. МОСКВЫ

2017 г. — это год многочисленных юбилеев и памятных событий, включая 870-летие со дня основания города Москвы, 150-летие Славянского съезда 1867 г. и 140-летие начала русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Целью научной конференции «Славяне в Москве», посвященной юбилею города, стало воссоздание панорамы культурных, научных, политических, экономических связей и контактов славян с москвичами, московскими учреждениями и обществами, а также выявление роли и значения Москвы в судьбах славян в самом широком контексте и в широких временных рамках, начиная с XIV в., т.е. с первых посещений славян Москвы, и до XXI в. Следует подчеркнуть, что тема конференции является уникальной, так как за 70 лет существования Института славяноведения РАН было проведено бесчисленное множество всевозможных конференций, симпозиумов, «круглых столов», но никогда еще не созывался научный форум, посвященный указанной проблеме. Без сомнения, 870 лет не есть безупречно «круглая» дата, но в 1947 г., когда в стране праздновалось 800-летие Москвы, наш Институт славяноведения АН СССР только был создан. Через 50 лет, в 1997 г., в «лихие» 1990-е годы, когда Институт вместе со всем научным сообществом переживал очень трудные во всех отношениях времена, было, к сожалению, не до подобных конференций.

Проведение конференции «Славяне в Москве» в рамках очередных VII Никитинских чтений со столь обширными задачами, разумеется, было бы не под силу сотрудникам только Института славяноведения, но благодаря плодотворному научному сотрудничеству с коллегами из других научных учреждений и городов конференция состоялась 6–7 июня 2017 г. На приглашение принять в ней участие откликнулись ученые из МГУ им. М.В. Ломоносова, МГИМО, РГГУ, ЛГУ им. А.С. Пушкина (г. Пушкин, Санкт-Петербург) и Института истории АН Молдовы (Кишинев) (всего — 31 участник), в результате чего сформировалась очень интересная и насыщенная программа.

Конференция открылась докладом *А.А. Турилова* (ИСл РАН) «Южные славяне в Москве (XIV–XVII вв.)». Южные славяне появились в Москве, когда она стала значительным политическим центром Владимирского княжества. Турилов осветил жизненный путь и деятельность митрополита Киприана (ок. 1330–1406), который осуществил литургическую реформу и ввел новый церковный устав, рассказал о монахе Лазаре с Афона, установившем в московском Кремле первые башенные часы (1404), о Пахомии Логофете или Пахомии Сербе (ум. не ранее 1484 г.), агиографе, гимнографе, составителе и редакторе ряда житий святых, похвальных «Слов», на стиль которого — «плетение словес» — ориентировались поколения книжников. Длительный период до Петрова времени автор обозначил как монастырский или афонско-монастырский, поскольку в Москву начали приезжать монахи (послы) с Афона и южно-славянских земель. Перипетии жизненного пути хорватского богослова, писателя и энциклопедиста Ю. Крижанича (ок. 1617–1683) завершили богатый по содержанию доклад *А.А. Турилова*.

Не столько удивительная судьба Ю. Крижанича, сколько его идеи и их восприятие стали предметом исследования *Т.В. Черниковой* (МГИМО) в докладе «Влияние идей Юрия Крижанича на политические настроения московской элиты». Уникальность Крижанича состояла в предложении плана реформ, совпавшего впоследствии с многими

реформаторскими начинаниями правительств Фёдора Алексеевича и царевны Софьи, не говоря уже о Петре I. Была ли непосредственная связь между идеями хорватского мыслителя и преобразованиями последней четверти XVII в.? В поисках ответа на этот вопрос в докладе рассматривался неформальный статус Крижанича в России, а также связь его основных идей с политическими настроениями как сторонников европейского влияния, так и «ревнителей старомосковской тишины».

К.А. Кочегаров (ИСл РАН) представил доклад «К истории малороссийского и гетманского дворов в Москве во времена гетмана Ивана Самойловича (1672–1687)». На основе неизвестных ранее архивных источников автор осветил историю выкупа двора под Малороссийское подворье (которое располагалось на современной улице Маросейка) у сына дьяка Андрея Немирова и его обустройства для нужд приезжавших в Москву украинцев. Также в докладе затронута история возникновения гетманского двора, купленного казной для длительного проживания в столице детей украинского гетмана Ивана Самойловича.

Доклад *О.С. Каштановой* (ИСл РАН) был посвящен развитию российско-польских научных и культурных связей в конце XVIII – первой половине XIX в., в которых Москва играла существенную роль. В первый период, до восстания 1830 г., эти контакты носили скорее личный характер и формировались на фоне деятельности научных обществ. Во второй период, когда в Царстве Польском и западных губерниях Российской империи были закрыты высшие учебные заведения, Москва приобрела роль одного из образовательных центров для польской молодежи. Московский университет окончили многие известные врачи, юристы, филологи, естествоиспытатели и другие представители польской интеллигенции. А преподававшие в нем профессора польского происхождения внесли большой вклад в развитие российской науки.

А.И. Колин (Ин-т истории АН Молдовы, Кишинев) и *А.С. Тыкалин* (ИСл РАН) в докладе «Выходцы из Молдавского княжества и Бессарабии – студенты и профессора московских высших учебных заведений (XVIII – начало XX в.)» показали вклад уроженцев молдавских земель в развитие системы высшего образования Москвы начиная с выдающегося мыслителя и дипломата Николая Милеску Спафария и заканчивая профессором-юристом Московского университета Л.А. Кассо, директором элитного Катковского лицея в начале XX в. и министром просвещения Российской империи в 1910–1914 гг. Выходец из молдавско-валашского боярского рода М.М. Херасков был в XVIII в. ректором Московского университета, а происходивший из духовенства Северной Бессарабии епископ, позже митрополит Арсений (Стадницкий), один из выдающихся деятелей Русской православной церкви, возглавлял в конце XIX – начале XX в. Московскую духовную академию.

Доклад *М.Г. Смольяниновой* (ИСл РАН) «Болгарские студенты в Москве (40–70-е годы XIX в.)» явился дальнейшим развитием темы предыдущего доклада. Москва стала одним из основных культурно-просветительских центров болгарского возрождения за пределами Османской империи. В указанные годы здесь обучались более ста болгар, которые, как правило, получали материальную поддержку со стороны государственных учреждений и общественных организаций России, таких, как Московский славянский благотворительный комитет. В состав болгарской комиссии этого комитета входили купцы – С.М. Третьяков, Т.С. Морозов, В.А. Кокорев. В Москве были опубликованы на болгарском языке книги Р. Жинзифова, Г. Бусилина, К. Миладинова, здесь группой болгарских студентов издавался журнал на болгарском языке – «Братски труд» («Братский труд»), были напечатаны произведения болгарских авторов на русском языке. Смольянинова сделала вывод о том, что из московских студентов выросли в высшей степени богатые в интеллектуальном отношении творцы, которые сыграли выдающуюся роль в формировании болгарской культуры.

И.В. Чуркина (ИСл РАН) докладом «Славянский съезд в Москве в 1867 г.» открыла тематический блок, посвященный 150-летию указанного события. В докладе сообщалось о малоизвестных переговорах чешских и сербских политиков с министром иностранных дел России А.М. Горчаковым и великим князем Константином, что,

по мнению автора, дает возможность считать участниками Славянского съезда и русские властные структуры. Славянскому съезду был посвящен доклад *Г.Н. Лебедевой* (ЛГУ им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург) «Издания М.Н. Каткова о Славянском съезде 1867 г.». Катков подчеркивал, что русское правительство не принимало ни малейшего участия в движении славян, что никакое правительство в мире не может искусственно вызвать нечто подобное. Документы из Архива Национального музея в Праге, в особенности выступления и статьи участников Славянского съезда 1867 г., а также его позднейших исследователей послужили источниками для доклада *О.В. Саприкиной* (РГГУ) «Славянский съезд 1867 г. в культурно-исторической памяти Чехии и России по документам Архива Национального музея в Праге». Они позволяют изучить особенности путешествия представителей Чешских земель в Москву и Санкт-Петербург, их приема в различных российских городах, проанализировать реакцию российской общественности и государственной бюрократии на их прибытие. В докладе был сделан вывод о том, что эти документы существенно дополняют сведения о Славянском съезде 1867 г., хранящихся в архивах России, и могут расширить наши знания о нем.

Выступление *М.М. Фроловой* (ИСл РАН) «Москва в жизни болгарского публициста Р. Жинзифова» продолжило тему, затронутую М.Г. Смольяниновой, поскольку одним из болгарских студентов, обучавшихся в Московском университете в 1860-х годах, был Р. Жинзифов (1839–1877), уроженец г. Велеса. На основании обнаруженных в архивном фонде Чертковых (ОПИ ГИМ) документов была раскрыта деятельность Жинзифова в качестве помощника П.И. Бартенева в публичной Чертковской библиотеке, а также выявлены причины, из-за которых Жинзифов не вернулся на родину после окончания обучения. Доклад *К.В. Мельчаковой* (ИСл РАН) «В гостях у “москотов”». Славяне из Боснии и Герцеговины в Москве во второй половине XIX века» был посвящен истории визитов в Москву представителей православного населения Боснии и Герцеговины в 1850–1870-е годы. В это время с целью сбора средств для школ и монастырей региона приезжали Прокопий Чокорило, Серафим Перович и Савва Косанович; герцеговинец Йован Дреч был студентом медицинского факультета Московского университета. *И.И. Калиганов* (ИСл РАН) в докладе «Об одной важной особенности творчества Л. Каравелова в Москве» отметил, что московский период творческой жизни Л. Каравелова, одного из крупнейших деятелей болгарского национального возрождения, был весьма плодотворным: помимо стихотворений он опубликовал в журналах и газетах рассказы и повести, литературно-критические статьи и рецензии. Были рассмотрены особенности первой из задуманного Каравеловым многотомного издания памятников болгарского фольклора и быта книги «Памятники народного быта болгар» (М., 1861) и проанализированы другие художественные произведения, созданные писателем в московский период его жизни.

В докладе *С.И. Данченко* (ИСл РАН) «Из истории открытия Сербского подворья в Москве», на основе опубликованных и архивных документов и материалов периодической печати, были рассмотрены основные этапы подготовки этого события, состоявшегося 30 ноября 1874 г. Автор показала значительную роль в открытии подворья в церкви Кира и Иоанна на Солянке Московского славянского благотворительного комитета, его активных деятелей – И.С. Аксакова, Н.А. Попова, Н.Н. Дурново, высшего московского духовенства (митрополита Московского и Коломенского Иннокентия) и купечества (В.В. Сысоева и др.), а также сербского митрополита Михаила. В докладе были представлены материалы об активной деятельности Сербского подворья в сборе денежных и других пожертвований в пользу южных славян в годы Восточного кризиса 70-х годов XIX в. и русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Логическим продолжением доклада С.И. Данченко явился доклад *Л.В. Кузьмичевой* (МГУ им. М.В. Ломоносова) «Сербское подворье в Москве в последней четверти XIX – начале XX в. Проблема подбора кадров», в котором было отмечено важное общественно-политическое значение Подворья в развитии сербско-русских отношений. Кандидатура настоятеля Подворья приобрела особое значение в 1881 г. после церковного кризиса в Сербии. Российские церковные и светские власти принимали активное участие в поддержке кандидатур предлагаемых

опальным митрополитом Михаилом, который с 1885 по 1889 г. жил на территории Подворья. Большую роль в организации работы Подворья имели и церковные старосты, в большинстве своем это были авторитетные московские купцы, вложившие немало собственных средств в восстановление и обновление церкви и построек Подворья.

Изучение документов Архивного отделения Народного музея Цетиньи позволило *В.Б. Хлебниковой* (МГУ им. М.В. Ломоносова) в докладе «“Московско-черногорские” отношения в конце XIX—начале XX в. (по архивным материалам)» опровергнуть исторический миф о нерушимой и верной дружбе Российской империи и Черногорского княжества (с 1901 г. королевства). Автор показала, что разнообразные связи Москвы и Черногории подпитывали этот миф и вызывали у москвичей желание по мере сил помогать черногорцам (в получении образования, в первую очередь в Московском университете, оказании благотворительности — в сборе и отправке значительных сумм денег для Дома воспитания сирот убитых воинов, на строительство психиатрической больницы в окрестностях Даниловграда и т.п.). Этот искренний порыв принес немало пользы черногорскому народу, а москвичам давал повод проявить великодушие и щедрость. Идея славянской взаимности стала важной частью российского менталитета. Однако она формировала русский патернализм по отношению к славянским народам, чувство старшего брата, несущего ответственность и имеющего права настаивать на послушании.

Доклад *П.А. Искендерова* (ИСл РАН) «Челночная дипломатия: визиты сербов в Россию накануне Первой мировой войны» был посвящен визитам государственных и политических деятелей Сербии в Россию в начале XX в. В центре внимания докладчика находились различные вопросы военно-политического взаимодействия, рассмотрены культурные и религиозные аспекты российско-сербских отношений в указанный период. В докладе *Я.В. Вишнякова* (МГИМО) «Поездка в Москву Г. Джурича и Д. Джорджевича в 1913 г. в контексте оценки состояния сербской армии в Первой мировой войне» были рассмотрены аспекты военно-экономического сотрудничества России и Сербии кануна Первой мировой войны.

Е.П. Серапионова (ИСл РАН) в докладе «Чехи и словаки в Москве в конце XIX — начале XX в.» раскрыла причины начала массовой эмиграции чехов и словаков в Россию во второй половине XIX в. и обрисовала процесс формирования чешской и словацкой колоний в Москве. На основе переписки чехов и словаков со священником Русской православной церкви при российском посольстве в Вене *М.Ф. Раевским* Серапионова выяснила условия проживания чешских и словацких эмигрантов в Москве, возможности их быстрого продвижения по службе. Используя воспоминания «русского чеха» *Ф. Коваржика*, автор показала профессиональный состав чешской и словацкой колонии в древней российской столице, а также их материальное благосостояние. В заключение она остановилась на московских объединениях, союзах и организациях чехов и словаков от спортивных, благотворительных до культурно-просветительных, образовательных и торгово-экономических. В конце был сделан вывод о том, что к началу Первой мировой войны чехи и словаки представляли собой заметный элемент московского общества. В докладе *И.А. Герчиковой* (ИСл РАН) «Чехи в Москве 1930-х годов. Два мира Иржи Вайля и Яна Вайсса» рассматривается чешская историография преследования граждан Чехословакии в СССР в 1930-е годы. Анализируются два романа о Москве, вышедшие в 1937 г. «Москва-граница» Вайля и «Спящий под зодиаком» Вайсса, где предстают два противоположных мира — атмосфера страха, лжи и бесчеловечности в годы политических процессов и партийных чисток у Вайля и красивая сказка о городе будущего, о стране веры и труда, шагающей в светлое будущее у Вайсса. В докладе *Л.Н. Будаговой* (ИСл РАН) «Москва первых пятилеток в чешском восприятии» анализируются объективные и субъективные причины восторженного отношения к СССР *Ю. Фучика*, проработавшего в Москве с 1932 по 1934 г. корреспондентом газет «*Rudé právo*» и «*Твогба*» и не сумевшего разглядеть (или показать) не только фасад, но и изнанку советской действительности тех лет.

В докладе *Т.И. Чепелевской* (ИСл РАН) «Словенец Павел Голия в Москве» речь шла о пребывании в Москве в 1918 г. словенца П. Голия (1887—1959), профессионального

военного, впоследствии крупного театрального деятеля Словении, поэта и драматурга. Здесь он занимался не только общественной деятельностью в качестве члена югославянской группы РКП(б) и переводчика при Народном комиссариате по делам национальностей, но и посещал многочисленные литературные вечера, участвовал в дискуссиях о создании нового репертуара нового театра новой России. Именно в Москве П. Голия страстно полюбил театр, с которым после возвращения на родину оказалась связана вся его жизнь. *А.Л. Шемякин* (ИСл РАН) представил доклад «Адреса Николы Пашича в Москве (1885–1916)». На протяжении своей жизни видный политический деятель Сербии Н. Пашич побывал в России не менее 15 раз, находясь в ней то по несколько дней, то месяцами, а однажды и целый год (в 1893–1894 гг. он являлся посланником Сербии в Петербурге). Разумеется, что во время своих наездов он посещал не только столицу, но и Москву. Символично, что как его первый визит в Россию (декабрь 1885 г.), так и последний (весна 1916 г.) неразрывно связаны с Москвой. В конце 1885 г., через опального митрополита Михаила, он познакомился с И.С. Аксаковым, с которым строил планы вооруженного свержения королевского режима Милана Обреновича в Белграде. А в 1916 г. в честь Н. Пашича Московская городская дума устроила торжественное заседание с вручением на нужды сербского народа 100 тыс. рублей, а в знаменитом отеле «Метрополь» собралось 600 человек, чтобы за обедом и концертом поприветствовать его и поздравить.

Доклад *О.В. Соколовской* (ИСл РАН) «Московские узники-моряки. 1918–1922 гг.» был посвящен периоду Гражданской войны в России, когда был фактически уничтожен один из самых блестящих слоев российского общества – русское морское офицерство. В центре доклада – судьба контр-адмирала А.П. Угрюмова, который пережил арест, заключение, но был освобожден усилиями его друзей-моряков и подчиненных. *А.Р. Лагно* (МГУ им. М.В. Ломоносова) в докладе «Юлиан Мархлевский и польские коммунисты в Москве» рассказала о деятельности Ю. Мархлевского в Москве; об улицах и зданиях, связанных с жизнью польской диаспоры нашей столицы. Имя Мархлевского, польского марксиста, причастного к созданию и работе коммунистических партий в Польше, Германии, России, сегодня оказалось почти забыто. В советское же время и в России, и в Польше о Мархлевском много писали, его именем называли учебные заведения, предприятия, районы, улицы. Была улица Мархлевского и в Москве, а также учебное заведение, носившее его имя (Коммунистический университет национальных меньшинств Запада имени Ю. Мархлевского). На основе архивных источников и мемуаров в докладе *Л.А. Кирилиной* (ИСл РАН) «Словенский коммунист Д. Густинчич в Москве (1930–1940-е годы)» впервые реконструируются основные вехи жизни и деятельности словенского коммуниста Драготина Густинчича в Москве (1931–1945), в том числе и его работа в Секторе славяноведения Института истории АН СССР в 1939–1945 гг.

Т.В. Волокитина (ИСл РАН) в докладе «К истории замысла создания “Московско-го Ватикана”: Всеправославное совещание в июле 1948 г.» рассмотрела инициированный Сталиным замысел превращения Русской православной церкви во Вселенскую, и отношение к нему руководства РПЦ. Объединение православных церквей под началом Московского патриарха преследовало прагматические цели – по церковным каналам транслировать советское влияние в мире, способствовать закреплению в мировом общественном мнении статуса СССР как сверхдержавы. Проведение летом 1948 г. в Москве Всеправославного совещания представителей ряда православных церквей вместо Вселенского собора знаменовало провал амбициозного плана. Однако создание на нем фактического альянса православных церквей Восточной Европы внесло свою лепту в укрепление советского блока в условиях разгоравшейся холодной войны.

А.Б. Едемский (ИСл РАН) прочитал доклад «Дважды во главе посольства Югославии в Москве: деятельность В. Мичуновича в 1956–1958 гг. и 1969–1971 гг.», сделав акцент на его мемуарах, стилизованных автором под дневниковые записи, но использовавшего записи бесед и донесения в Белград в указанные годы. По мнению Едемского, доступные в настоящее время для изучения югославские и отечественные архивные материалы

позволяют выявить те места в книгах Мичуновича, где документы им подвергались сокращению или дополнялись, что позволяет в более полном объеме судить о служебной деятельности Мичуновича в Москве и советско-югославских отношениях в эти периоды. Выступление *Б.С. Новосельцева* (ИСл РАН) «Советско-югославские отношения в начале 1970-х годов и визит Й. Броза Тито в Москву (5–10 июня 1972 г.)» было посвящено нормализации советско-югославских отношений после третьего по счету двустороннего конфликта, связанного с интервенцией сил Варшавского договора в Чехословакию (1968 г.). В условиях политики «разрядки» международной напряженности и подготовки Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе успех переговоров с югославами имел определенное значение для советского руководства, которое не стало поднимать спорных вопросов и продемонстрировало готовность принять реальные различия во внешней и внутренней политике двух стран.

Е.Ю. Гуськова (ИСл РАН) в докладе «Научное сотрудничество в трудные годы: защита докторской диссертации В. Стругаром в Институте славяноведения в 1968 г.» рассказала об изданной в Белграде книге академика Владо Стругара, в которой он подробно описал свою защиту докторской диссертации в Москве в Институте славяноведения и балканистики АН СССР. *А.В. Карасев* (ИСл РАН) в докладе «Академик Васа Чубрилович и его сотрудничество с АН СССР в 70–80-е годы XX в.» сообщил о жизненном и творческом пути В. Чубриловича, человека-легенды сербской истории и патриарха сербской историографии. Определенная часть его деятельности и творческого наследия была связана с СССР и Москвой. Он возглавил югославскую часть совместной редколлегии по изданию двух томов публикации документов из архивов СССР и Югославии – «Первое сербское восстание и Россия. 1804–1813 гг.» (М., 1980, 1983). Академик Чубрилович полюбил Москву, у него сложились добрые отношения с учеными из Института славяноведения и балканистики АН СССР и МГУ им. М.В. Ломоносова.

Логическим завершением конференции стала презентация *А.А. Силкиным* (ИСл РАН), одним из составителей последнего тома совместной российско-сербской публикации документов «Москва–Сербия, Белград–Россия». М.; Белград, 2017. Т. 4. Русско-сербские отношения 1917–1945 гг.

Таким образом, в докладах на конференции прозвучали новые интересные факты и были представлены важные сведения, добытые из архивных хранилищ, что в целом воссоздало картину интенсивных, многовекторных и обширных связей славян и России через ее культурно-исторический и политический центр – Москву. Организаторы конференции предполагают опубликовать доклады, переработанные в статьи, в очередном выпуске сборника «Славяне и Россия».

© 2018 г. *М.М. Фролова*

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ XXII СЛАВЯНСКИЕ ЧТЕНИЯ

18 и 19 мая 2017 г. в Даугавпилском университете проходила международная научная конференция «XXII Славянские чтения». Конференция была организована центром русского языка и культуры гуманитарного факультета Даугавпилсского университета. Славянские чтения проводятся регулярно. В конференции 2017 г. были заявлены доклады ученых из Латвии, России, Эстонии, Литвы, Белоруссии, Украины, Польши, Чехии, Словакии, Бельгии, Великобритании, США, Италии. Конференция открывалась пленарным заседанием, на котором прозвучало три доклада. *С. Доценко* (Таллин, Эстония) рассказал о новых трактовках частей романа «Евгений Онегин», в которых упоминаются названия вин. *Г. Озолиньш* (Даугавпилс, Латвия) представил исторические данные о православном приходе в Эргли. *Л. Спроге* (Рига, Латвия) говорила о сравнительном аспекте изучения латышского романа-хроники Карлиса Якобсона.

После пленарного заседания начали работу отдельные секции. В первый день были организованы следующие секции: «Славянские языки: история и современность», «Инновационные методы преподавания русского языка как иностранного», «Славяно-балтийские литературные и культурные связи» и «Русская литература и культура: взгляд из XXI в.». Во второй день проведения конференции доклады проходили в двух секциях: «Русский язык в мультикультурном пространстве» и «Русская литература и культура: взгляд из XXI в.». Поскольку работа секций проходила одновременно, было невозможно прослушать все доклады. В данном обзоре мы остановимся более подробно на двух лингвистических секциях, в работе которых приняли участие в том числе сотрудники Института славяноведения РАН, находившиеся в то время в Латвии в экспедиции (А. А. Плотникова, Т. С. Ганенкова, Г. П. Пилипенко): «Славянские языки: история и современность», «Русский язык в мультикультурном пространстве». Первую секцию открывала *Г. Сырица* (Даугавпилс, Латвия), которая в своем докладе рассказала о коннотации цветовой лексики в сопоставительном аспекте; более подробно докладчик остановился на цвете *голубой*. *Т. Стойкова* (Вентспилс, Латвия) представила подробную классификацию фразеологизмов с компонентами *голова, мозг, ум* и их эквивалентов в латышском и литовском языках. Внимание участников секции привлек доклад *В. Калининой* (Вентспилс, Латвия), в котором были показаны особенности языка русских латвийцев. Докладчица рассказала о случаях интерференции русского и латышского языков в речи студентов г. Вентспилса, а также отметила переключение кода в разговорной речи. *В. Генкин* (Витебск, Белоруссия) говорил об ойконимии белорусско-латышского пограничья, до сих пор не изученной, и привел данные, что частотность топонимов в Витебской области, оканчивающихся на *-ишки*, увеличивается по мере приближения к латвийской и литовской границам. *А. Кузнецов* (Даугавпилс, Рига) осветил проблематику сочетаемости союза *и* с местоимениями *съ, ть, онь* в старославянских евангелиях.

Следует отметить секцию «Русский язык в мультикультурном пространстве», проходившую во второй день проведения конференции. По количеству заявленных докладов (13) данная секция является одной из самых насыщенных и объемных. Большинство представленных сообщений сделали ученые из России и Польши, причем материал для анализа был получен в результате собственных полевых исследований в одних и тех же регионах (например Сувальско-Сейненский и Августовский районы

Польши), поэтому живая дискуссия после выступлений включала обмен мнениями и опытом между представителями разных научных центров Польши и России. Что касается тематики, то большая часть докладов была посвящена русскому языку старообрядцев, проживающих в Польше и в Латвии. Открывал работу секции доклад *А. Плотниковой* (Москва, Россия) о терминологической лексике народной культуры староверов Латгалии. Подробно были рассмотрены такие лексемы, как *навиды/наведы, брама* и др., широко функционирующие по сей день в культурном диалекте старообрядцев Латгалии. Следует отметить, что данные были собраны в результате полевого исследования, проведенного среди старообрядцев Латвии в 2016 г. *Т. Ганенкова* (Москва, Россия) посвятила свое выступление анализу языковой и социалингвистической ситуации старообрядцев Сувальско-Сейненского и Августовского районов Польши и Латгалии. Исследование основано на материалах экспедиций, проведенных среди старообрядцев в двух районах Польши и в Даугавпилском и Прейльском краях Латвии в 2016 г. *А. Павлачик* (Торунь, Польша) говорила в своем докладе о фонетических особенностях русского говора старообрядцев старшего поколения Августовского района. Следует сказать, что материалом для анализа послужили записи устной речи русских старообрядцев в Польше, проводившиеся в течение нескольких лет сотрудниками Торуньского университета. *Д. Пасько-Конечняк* (Торунь, Польша) рассказала о семантических заимствованиях в русском говоре старообрядцев в Сувальско-Августовском регионе Польши, например: *padń'ać rab'otu – podjąć pracę – трудоустроиться; pańiż'enije – poniżenie – унижение*. Лексические же заимствования из польского языка в русском связаны с транспортом, медициной, просвещением и т.д. Докладчица представила также собственный словарь польских заимствований в говоре старообрядцев, вышедший в конце 2016 г. в Польше, а материал для словаря был собран в ходе многолетних экспедиций сотрудников Торуньского университета к старообрядцам Польши. *А. Якульский* (Варшава, Польша) представил классификацию предлогов с временным значением в речи старообрядцев Польши. *Г. Пилипенко* (Москва, Россия) посвятил свое выступление метаязыковым высказываниям, зафиксированным в устной речи старообрядцев, проживающих в Латвии. Был проведен анализ устной речи информантов из Даугавпилского и Прейльского краев Латвии, записанной в ходе экспедиции в 2016 г. Докладчика интересовали спонтанные высказывания собеседников-старообрядцев о языке, в которых отражается локальная идентификация, например: *По-белорусски-то бусел, а по-нашему, по-староверски батьян*. *М. Глушковский* (Торунь, Польша) рассказал о языке социальной памяти, точнее – о том, на каком языке говорят о прошлом представители двуязычных этнических меньшинств. В своем выступлении ученый привел данные из экспедиционной работы среди поляков, проживающих в Иркутской области (д. Вершина), а также из экспедиций к польским старообрядцам. Подробно была обрисована также языковая ситуация в изучаемых сообществах. *А. Романик* (Белосток, Польша) на материале современных российских глянцевого журналов изучила язык моды. Завершала работу секции *Й. Василюк* (Белосток, Польша), которая представила доклад об интертекстуальности и прецедентности текста как одном из свойств медиа-текстов.

Отметим, что доклады коллег из Польши были сделаны на русском языке, рабочим языком в секции «Русский язык в мультикультурном пространстве» был русский.

В целом можно отметить, что конференция охватила широкий круг славистической проблематики, особый акцент был сделан на контактной зоне северо-востока Европы и проблематике культурной и языковой ситуации этнических меньшинств.

Организаторы конференции планируют опубликовать доклады участников в сборнике.

© 2018 г. Г. П. Пилипенко

Публикация подготовлена в рамках проекта РФФ № 16-18-02080 «Русский язык как основа сохранения идентичности старообрядцев Центральной и Юго-Восточной Европы».

К ЮБИЛЕЮ МАРИНЫ ГЕННАДИЕВНЫ СМОЛЪЯНИНОВОЙ

Очередная праздничная дата в биографии Марины Геннадиевны Смольяниновой – 7 декабря 2017 г. Известный болгарист, специализирующийся по эпохе болгарского национального возрождения, старший научный сотрудник Отдела истории славянской литературы М.Г. Смольянинова работает в Институте славяноведения с 1978 г. Активно участвуя практически во всех коллективных трудах Отдела (среди них – трехтомная «История литератур западных и южных славян». М., 1997, 2001; научные сборники и коллективные монографии «Россия в глазах славянского мира» М., 2007; «Славянский мир в глазах России» М., 2011; «М.Ю. Лермонтов в культуре западных и южных славян» М., 2016 и др.), она отдает много сил сотрудничеству с Болгарской Академией наук в качестве автора, редактора и организатора ряда двусторонних трудов, участвует в международных и российских литературоведческих форумах. Проявляя себя специалистом широкого профиля, она давно определила свои приоритеты исследований, добившись в них выдающихся результатов. Первое – это изучение и популяризация творчества болгарского просветителя и писателя Васила Друмева (он же – митрополит Климент); второе – лежашее за пределами истории болгарской литературы, но связанное с ней славянофильскими темами, изучение вклада в жизнь, экономику и культуру России династии купцов Морозовых. Можно выразить уверенность, что творческая деятельность Марины Геннадиевны Смольяниновой будет ассоциироваться прежде всего с этими направлениями.

Проведя огромную работу в болгарских архивах (ее трудности способны оценить разве что архивные сидельцы), М.Г. Смольянинова обнаружила и ввела в научный оборот более 350 неизвестных ранее рукописей и писем Васила Друмева, подготовив и опубликовав о нем три книги: «Творчество Васила Друмева и становление болгарской литературы». София, 1987, «Климент Бранецки и Търновски (Васил Друмев). Документи и материали». София, М., 2005 и «Васил Друмев (митрополит Климент)». София, 2012, основанная на переосмыслении и доработке двух прежних, но фактически новая, знаменующая дальнейший этап изучения проблемы и вышедшая под грифами Института литературы БАН и Института славяноведения РАН. Все три работы, их содержание и увлекательная форма подачи материала получили высокую оценку отечественных, болгарских и румынских специалистов.

Смольянинова фактически открыла нам и самим болгарам В. Друмева (митрополита Климента), вывела его из тени известных болгарских писателей и деятелей эпохи национального возрождения – Ивана Вазова, Любена Каравелова, Христо Ботева, Юрия Венелина (украинца, открывшего миру болгарскую словесность, чье творчество она изучала и популяризовала). Именно благодаря Смольяниновой Друмев занял достойное место в их ряду, отнюдь не затмив соратников, а обогатив сложившиеся представления об объективных ценностях и завоеваниях болгарской культуры.

Не ограничиваясь этими исследованиями, Марина Геннадиевна, опираясь на генеалогическое древо своей родословной, написала книгу «Сказание о Морозовых» (М., 2014. 248 с.). Книга мгновенно стала бестселлером, сразу же исчезнув с книжных прилавков. Потомок с отцовской стороны героя Отечественной войны 1812 г. дворянина Николая Дмитриевича Смольянинова и бывшего крепостного Саввы Васильевича Морозова, основателя знаменитого купеческого рода, к которому принадлежал и Савва Тимофеевич Морозов, наиболее известный из своих сородичей, М.Г. Смольянинова воздала должное русскому купечеству, не долюбленному ни русской литературой, ни русской общественностью. На самом-то деле русское купечество, как показывает М.Г. Смольянинова на конкретных примерах, вряд ли заслуживает «темной» репутации; свои капиталы русское купечество не прятало за границей, не тратило на личные причуды, а использовало на благотворительность и обустройство России. Все знают детскую Морозовскую больницу, но мало кому ведомо, сколько еще других сохранившихся в Москве объектов, строений и учреждений достойны этого эпитета.

Автор «Сказания», в других редакциях «Саги о Морозовых», Марина Геннадиевна, сама заслуживает «саги». Она – из поколения детей, осиротевших в ходе сталинских репрессий. Они погубили и ее отца – Геннадия Алексеевича Смольянинова (1908–1938), старшего научного сотрудника Института мировой литературы им. А.М. Горького, разбиравшего наследие

писателя и наткнувшегося на его дневник с весьма нелицеприятными отзывами о «вожде народов». Трагическая судьба отца, арестованного за сорок дней до рождения дочери и расстрелянного, когда ей было три месяца, хождение по мукам ее матери, тоже научной сотрудницы ИМЛИ, оставшейся с двумя маленькими детьми, помышлявшей о самоубийстве, пережившей в феврале 1942 г. арест, заключение, но, к счастью, через полтора года освобожденной, воссозданы М.Г. Смольяниновой с приведением редких документов в статье «Как красное колесо прокатилось по судьбам ученых Института мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР». Статья опубликована в сборнике, созданном по инициативе автора – «Деятели славянской культуры в неволе и о неволе. XX век». М., 2006. Не ограничиваясь жизнью своих родителей, Марина Геннадиевна охватывает судьбы огромного круга сотрудников ИМЛИ (порой выходя за его пределы), погибших или пострадавших в годы сталинских репрессий. Не забыты автором и те люди, которые поддерживали их семью в годы тяжелых испытаний, а таких тоже было немало.

По сути дела вышеназванная статья о родителях и других советских ученых, основанная на трудно доступных архивных и документальных материалах, на письмах и воспоминаниях друзей и родных, является реализацией третьего приоритетного направления в творческой деятельности Марины Геннадиевны, самого, пожалуй, личного и выстраданного, заслуживающего высокого признания отечественных и зарубежных специалистов по советской литературе и творчеству Горького.

Многосторонняя творческая деятельность М.Г. Смольяниновой отмечена наградами. Среди них – медаль и почетная грамота Министерства культуры Болгарии «За вклад в развитие и популяризацию болгарской культуры» (2002), орден «Марин Дринов» – «за исключительные заслуги перед Болгарской Академией наук и большой вклад в популяризацию болгарской литературы в России» (2005), орден Министерства образования и науки Болгарии (2008), медаль Императорского ордена Святой Анны «за активную деятельность по увековечиванию памяти о победе России в Отечественной войне 1812 года» (2012), благодарность Государственного гуманитарно-технологического университета (г. Орехово-Зуево) за большой личный вклад в патриотическое и духовное воспитание студентов (2014). Благодарностью отмечен и курс лекций по истории болгарской литературы, прочитанный студентам МГУ им. М.В. Ломоносова.

Поздравляя Марину Геннадиевну с юбилеем, хочется пожелать ей крепкого здоровья, долгих лет жизни, новых успехов и не растерять ту присущую ей мощную жизненную и творческую энергию, которая ощущается во всех ее делах и поступках.

© 2018 г. Л.Н. Будагова

Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, редколлегия и редакция журнала «Славяноведение» присоединяются к поздравлению и желают Марине Геннадиевне здоровья и творческих успехов.

ПАМЯТИ ЛАРИСЫ СЕМЕНОВНЫ ЛЫКОШИНОЙ (1949–2017)

Трудно даются нам эти строки...24 мая 2017 г. после тяжелой продолжительной болезни ушла из жизни Лариса Семеновна Лыкошина, известный историк-полонист, талантливый вдумчивый исследователь, доброжелательный коллега и замечательный товарищ, светлый искренний человек.

Л.С. Лыкошина родилась 25 февраля 1949 г. В 1972 г. закончила кафедру истории южных и западных славян Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, где специализировалась по истории Польши в семинаре профессора И.А. Воронкова. В 1981 г. под его же руководством защитила кандидатскую диссертацию на тему «Католическое и униатское духовенство Царства Польского и Западных губерний России в восстании 1830–1831 гг.». Спустя 15 лет, в 1996 г., в диссертационном совете по истории при Институте славяноведения и балканистики РАН успешно была защищена докторская диссертация на тему «Польский кризис 1980-х годов и проблемы развития общественного сознания». С тех пор научные интересы Ларисы Семеновны были прочно связаны с новейшей историей Польши в широком исследовательском диапазоне. В библиографии Л.С. Лыкошиной свыше 100 работ, в том числе четыре индивидуальные монографии, десятки фундаментальных статей, аналитические обзоры, рецензии. Большинство их было подготовлено в Центре научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН, где с 1972 г. работала Лариса Семеновна.

Главным направлением научных изысканий Л.С. Лыкошиной являлось исследование процесса смены общественной системы в Польше в 1980-е годы и дальнейшей трансформации польского общества вплоть до наших дней. Результатом тщательного освоения конкретно-исторического материала стали монографии «Польский кризис 80-х годов и его отражение в общественном сознании» (М., 1993), «"Польско-польская война": Политическая жизнь современной Польши» (М., 2015) и серьезные аналитические обзоры «Трудный путь в Европу (о некоторых проблемах вступления Польши в ЕС)», «Польские правые на пороге XXI в.» (2004), «Польша после выборов 2005 г.» (2005), «Социал-демократия в начале XXI в.» (2006), «Политическое развитие Польши в первом десятилетии XXI в.» (2011), «Политическая элита современной Польши» (в печати). В этом ряду исследований стоят и созданные Л.С. Лыкошиной политические биографии и портреты современных польских политиков: монографии «Александр Квасъневский. Политический портрет» (М., 2001), «Дональд Туск. Политический портрет» (М., 2013), статьи «Бронислав Коморовский – президент Польши» (2014), «Феномен братьев Качиньских в польской политике», «Путь от Гданьска до Брюсселя. Штрихи к политическому портрету Д. Туска» (2015), «Братья Качиньские и десятилетняя "польско-польская война". Конец "великого противостояния"?»», «Президент Лех Качиньский и легенда о нем», «Ян Карский о польском подпольном государстве», аналитический обзор «Радикальный национализм в современной Польше в свете идейного наследия Романа Дмовского» (2016).

Работая на стыке истории и политологии, Лариса Семеновна все же считала себя в первую очередь историком. Отсюда, думается, и ее острый интерес к проблеме «исторической политики» современного польского государства. К этой теме на протяжении

последних лет она неоднократно обращалась в статьях и выступлениях, скрупулезно верифицируя «актуальные» трактовки тех или иных исторических событий, предлагаемые польскими властями обществу, отслеживая влияние феномена «исторической политики» на формирование общественного сознания, на развитие российско-польских научных связей и пр. (статьи «“Историческая политика” в современной Польше» (2014), «“Историческая политика” в современной Польше и проблемы Второй мировой войны», «“Историческая политика” современной Польши в контексте российско-польских отношений» (2015), «Волинская трагедия в общественном дискурсе современной Польши» (в печати)).

Лариса Семеновна научными публикациями откликалась на динамические изменения в Восточной Европе. Из-под ее пера вышли статьи, посвященные кризису на Украине («Украинский кризис и проблемы европейской безопасности в польском политическом дискурсе», «Польша и украинский кризис» (2016)), отношениям Польши и России («Восточная политика Польши в контексте российско-польских отношений» (2013), «Польско-российские отношения в 90-е годы XX века» (2014), «Российско-польские отношения в 2004–2014 гг.: от Майдана до Майдана», «Геополитика в польско-российских отношениях» (2015), «Польша и поляки в российском общественном дискурсе» (2016)).

Будучи сторонником широкого подхода к современной истории, Л.С. Лыкошина не обошла своим вниманием и проблемы регионализации Восточной Европы, в частности, участие Польши в так называемой Вишеградской группе, взаимодействие Варшавы с Венгрией, Словакией и Чехией. Эти исследования она вела в тесном сотрудничестве со специалистами Института Европы РАН. Спецкурсы, посвященные политическому развитию Польши, Чехии и Словакии периода трансформации на рубеже XX–XXI вв., она читала и на родной кафедре истории южных и западных славян Истафа, куда была приглашена в 2007 г. Там же вела спецсеминар по истории современной Польши и Чехии. Ларисе Семеновне нравилась преподавательская работа, выявившая ее несомненный педагогический талант. Ее лекции привлекали студентов не только глубиной материала, логикой изложения, но и образным языком, умением пробудить интерес к непростым проблемам современной истории Восточной Европы и польско-российских отношений. За время работы она подготовила четырех дипломников.

Высокая компетентность и профессионализм Л.С. Лыкошиной способствовали ее успешной работе в диссертационном совете при Историческом факультете МГУ им. Ломоносова.

Последние годы жизни Ларисы Семеновны были тесно связаны с Институтом славяноведения. Большой вклад внесла она в создание фундаментальной коллективной монографии «Польша в XX веке. Очерки политической истории» (2012), будучи членом редколлегии и автором обширного раздела о трансформации Польши от социализма к демократии в 1980-е годы – начале XXI в. и геополитических приоритетах польского государства. Отражив современный уровень отечественной исторической полонистики, труд стал заметным явлением в российской гуманитарной науке. Для Ларисы Семеновны участие в нем открыло новую страницу в творческой биографии: возможность трудиться в Инславе как признанном центре отечественной славистики. Придя в Институт в сентябре 2013 г., Л.С. Лыкошина легко вписалась в его тематику, выступила с докладами на Втором всероссийском совещании славистов и традиционной ежегодной институтской конференции «Славянский мир: общность и многообразие» (2013), на международной конференции «Идеи новой государственности в программах и концепциях инакомыслия и диссидентства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (2013) и международной научно-практической конференции «Россия и Польша: история общая и разделенная» (2014). Участие Ларисы Семеновны в проекте, посвященном конфессиональной политике в Восточной Европе в период общественно-политических кризисов второй половины XX в., выразилось в написании ею монографической статьи «Церковь и общество в современной Польше» (2014). С 2014 г. она руководила проектом «Национальные меньшинства в Центральной и Юго-Восточной Европе как фактор политического и социокультурного развития». Разработав научную концепцию проекта, она

провела два «круглых стола» (2015, 2016), подготовила публикацию статей и материалов участников «Национальные меньшинства стран Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период» (История: электронный научно-образовательный журнал. 2016. Вып. 5(49)). Уже тяжело боля, Лариса Семеновна готовила очередное заседание «круглого стола», но участвовать в нем ей не довелось...

Профессионал высочайшего уровня, яркий полемист Лариса Семеновна была признанным авторитетом в экспертном сообществе российских историков и политологов. Активно и аргументированно отстаивала свою точку зрения на происходящие события в телевизионных политических программах 5 канала, «Право голоса», «Место встречи» и др., на радио, в российских и польских СМИ.

Лариса Семеновна всегда щедро делилась знаниями с коллегами. А еще она подарила нам всем, кто ее знал, счастье доброго и сердечного человеческого общения, теплоту и искреннее участие. Такой она останется в нашей памяти.

Друзья и коллеги

CONTENTS

ARTICLES

<i>Shemyakin A.L.</i> (Moscow). A new type of historical research in the context of discussion on the nature of Serbian Radicalism	3
<i>Stankov N.N.</i> (Moscow). «The German October» of 1923 and Czechoslovakia	18
<i>Životić A.</i> (Belgrade). The Yugoslav-Soviet conflict and the position of the Russian emigration in Yugoslavia (1948–1953)	30
<i>Yakimenko O.A.</i> (St.-Petersburg). The past and the present of the Hungarian theatre in its interaction with the state	43

REPORTS

<i>Dronov A.M.</i> (Moscow). From Illyrism to Croatism in the Austrian Empire of the first half of the nineteenth century	55
<i>Borisenok M.Yu.</i> (Moscow). Austromarxist ideology of the Red Vienna and its Balkan reflections ...	70
<i>Mikhailchenko S.I.</i> (Bryansk) Semyon Frank's lecture tour around Latvia, Estonia and Lithuania in 1928	82
<i>Barinov I.I.</i> (Moscow). The problem of formation of a civic nation in modern Bulgaria	88
<i>Budilová L., Jakoubek M.</i> (Prague). Voyvodovo: the history of the only Czech village in Bulgaria ...	96
<i>Pilipenko G.P., Jasinskaya M.V.</i> An expedition to Slovenians in Italy	106

REVIEWS

<i>Petrova N.S.</i> Беларускі фальклор. Матэрыялы і даследаванні: Зборнік навуковых прац. Выпуск 4	112
--	-----

SCHOLARLY LIFE

<i>Frolova M.M.</i> The VIIth Nikitin Readings. Slavs in Moscow: to the 870th anniversary of the foundation of Moscow	115
<i>Pilipenko G.P.</i> International scholarly conference: The XXIIth Slavic Readings (Daugavpils University, May 18–19, 2017)	121

JUBILEES

<i>Budagova L.N.</i> To the jubilee of Marina Gennadievna Smolianinova	123
--	-----

OBITUARIES

In memoriam of Larisa Semyonovna Lykoshina (1949–2017)	125
--	-----

Сдано в набор 03.10.2017 Подписано в печать 28.12.2017 Дата выхода в свет 26.01.2018
Формат 70 × 100¹/₁₆ Цифровая печать Усл.печ.л. 10.4 Усл.кр.-отт. 1.8 тыс. Уч.-изд.л. 12.0
Бум.л. 4.0 Тираж 158 экз. Зак. 1909 Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: ФГУП «Издательство «Наука», 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Отпечатано в ФГУП «Издательство «Наука» (Типография «Наука»),
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Индекс 70891

ISSN 0869-544X Славяноведение, 2018, № 1

ISSN 0869.544X
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО ·
· ВЕДЕНИЕ
2018

“НАУКА”